

4-44

ЕФИМ ЧЕПОВЕЦКИЙ

НЕПОСЕДА,

МЯКИШ

И НЕТАК

SOBD

10669630

ЕФИМ ЧЕПОВЕЦКИЙ

НЕПОСЕДА,

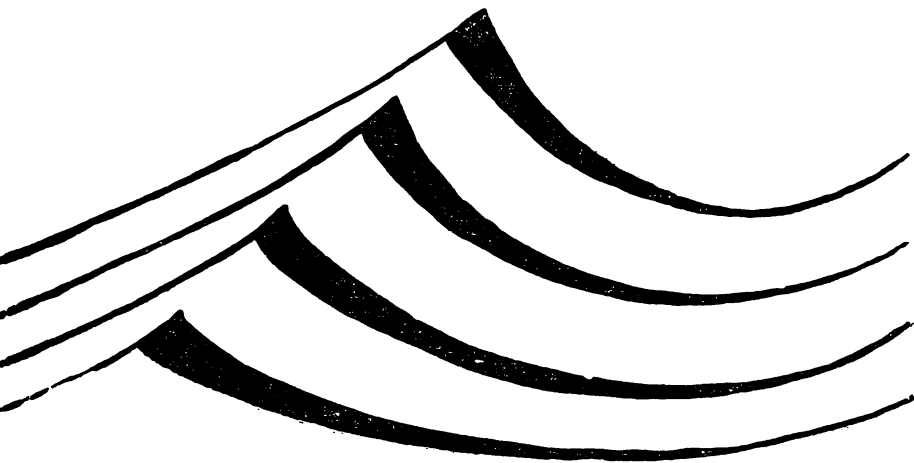
МЯКИШ

**И
НЕТАК**

СКАЗКА-ПОВЕСТЬ
В ДВУХ ЧАСТЯХ

И з д а т е л ь с т в о
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

Москва 1970

Р 2
Ч 44

Рисунки
А. Елисеева и М. Скобелева

7—6—2

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Ефим Петрович Чеповецкий — писатель с весёлой и лукавой фантазией. В сказке «Непоседа, Мякиш и Нетак» «невсамделишные» герои действуют в самых «всамделишных» обстоятельствах, так хорошо известных всем ребятам: дома, во дворе, на стадионе, в школе, пионерском лагере, цирке. Вымысел и правда здесь превосходно уживаются между собой, шагают рядом. Недаром в другой сказке-повести — «Приключения шахматного солдата Пешкина», — заверяя читателя в правдивости всей истории, автор в конце сказки восклицает: «Честное фантазёрское!» И это справедливо, ибо фантазия помогает писателю в его сказках, стихах и рассказах показать правду о ребятах, правду об их недостатках и увлечениях, об их делах и проделках. Герои сказок Чеповецкого, как правило, озорники, но за безобидным озорством их приключений, за лёгкой и непринуждённой авторской речью всегда угадывается живая мысль о важности в жизни труда, самостоятельности, знаний — всего того, что порою так трудно постигается ребятами.

Герои книжек Чеповецкого прошли через детские журналы, попали в мультфильмы, кукольные спектакли, на сцену и даже в балет. У писателя много средств общения с детьми, потому что он сам весёлый человек и фантазёр, хорошо помнящий собственное детство. Но не только поэтому. Прежде чем писать

книжки для детей, он прошёл большую жизненную школу: был учителем, пионервожатым, руководил детским творчеством и художественной самодеятельностью школьников, сам был артистом, наконец, своими руками умел и умеет мастерить удивительные вещи. А с литературой он подружился ещё в школе. Уже в шестом классе он писал и печатал стихи в пионерских газетах, а в седьмом классе сочинил даже пьесу, которую поставили на школьной сцене. Начав свою работу в литературе как писатель-сатирик, он опубликовал много басен и фельетонов, издал книжку «Мёд и соль», но только в Литературном институте имени Горького, который он закончил, в общении с такими писателями-педагогами, как С. Я. Маршак, Т. Г. Габбе и Л. А. Кассиль, он обратился к самой близкой для себя теме — к детской.

Книга «Непоседа, Мякиш и Нетак» издаётся в третий раз, на этот раз к пятидесятилетию автора. Так пожелаем же ей счастливого путешествия к читателям, которые с нею ещё не знакомы, а её создателю — Ефиму Петровичу Чеповецкому — ещё много добрых встреч с читателями на страницах своих новых, весёлых и талантливых книг.

С. Полетаев

ТЫ ОТКРЫЛ КНИГУ, — ЗДРАВСТВУЙ!

И давно хотел тебе рассказать

о небывалых приключениях

трёх игрушечных мальчиков —

НЕПОСЕДЫ,

МЯКИША,

НЕТАКА —

И...

правдивую историю Пети
по фамилии

МАМИН-ПАПИН

Глава первая,

без которой эта история не имела бы начала

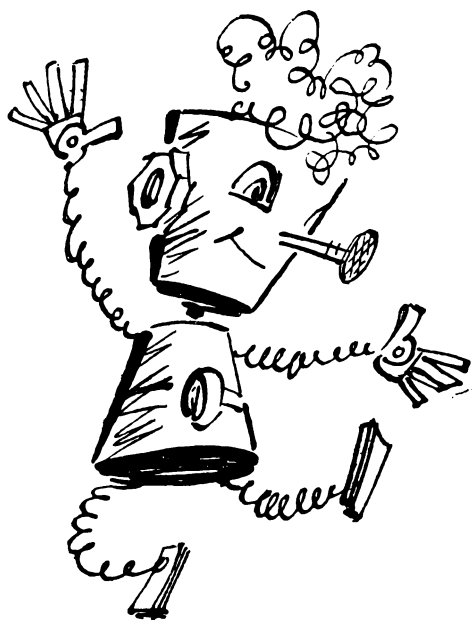
Знаешь ли ты, для чего в школах на дверях каждого класса висят таблички: «1-й «А», «3-й «Б» или, скажем, «10-й «В»?

Я думаю, это для того, чтобы ученики первых классов не ходили в десятый, а десятого — в первый. Впрочем, кто со мной не согласен — пусть поднимет руку и скажет, что думает он.

Так вот, в одной школе была комната, на дверях которой не было написано ни «1-й класс», ни «3-й», ни «Учительская», а висела табличка, на которой разноцветные буквы как бы сами говорили:

МАСТЕРСКАЯ «УМЕЛЫЕ РУКИ»

Как раз тут вы могли бы встретить ребят и первого и десятого классов, потому что, если верить слухам, которые на переменах ходили и бегали по школе, комната эта считалась самой интересной. Там на столах и полочках стояли самодельные машины, грозно рычали тряпичные львы и прямо в рот просились глиняные фрукты. А на самой верхней полке, в трюме парусного фрегата, жили три мальчика. Они были совсем как живые, и единственное, что отличало их от настоящих, — это то, что они были ненастоящие. Правда, сами они считали себя живыми и настоящими, но об этом никто не знал.

Все три мальчика были игрушечные. Один был сделан из тонких пружинок. Руки из пружинок, ноги из пружинок и даже ёжик на голове — из пружинистых волосков. Конечно, этот мальчик никогда не мог находиться в покое. Подумайте сами, ведь он был сплошной пружиной! Бывало, начнёт прыгать через прыгалку, а остановиться не может — пружинки не дают. Ну, а усидеть на месте и подавно не проси.

Пришлось его так и назвать: **НЕПОСЕДОЙ**.

И была у него своя собственная песенка, которую он пел даже тогда, когда его не просили. Вот она:

Сама, сама под ножки
Бежит, бежит дорожка.
Бегу, лечу — везде хочу поспеть!
Я рад побыть на месте,
Но как могу я, если
Не в силах я на месте усидеть?
И ножки из пружинок,
И ручки из пружинок —
На солнышке сверкают, как огни...
Сама, сама под ножки
Бежит, бежит дорожка...
Попробуй Непоседу догони!

Второй мальчик был совсем другой. Он был сделан из пластилина. Круглый, толстый и очень нежный. В морозный день каменел так, что рук не раз-

нять. А в жару становился мягким и липким—ног от пола не отодрать. Да и связываться с ним не смей—увязнешь. И до того ленив, что слова не вытянешь.

Но уж если скажет, то обязательно умное, потому что времени на размышления у него было более чем достаточно. Бывало, придумает что-нибудь интересное, захочет об этом сказать:

— Эй, ребя, а что я зна...

— Что, что? — спросят его.

— Э-э-э... а-а-а... по-осле скажу,— и зевнёт напоследок. Сплошной мякиш какой-то.

Так и прозвали его: *МЯКИШЕМ*.

И у него была своя песенка — песенка-зевалка. Но пел он её редко, в перерывах между сном, когда переворачивался с боку на бок. Послушайте, какая она:

Заболят бока — на спину
Повернусь я не спеша,
Ведь спина из пластилина,
Как подушка, хороша.
Помечтать люблю я очень,
В промежутках — позевать,
И одним я озабочен:
Был бы день короче ночи,
Чтобы мог подольше я дрема-а-ать.

А третий мальчик был не похож ни на первого, ни на

второго. И всё потому, что был сделан из очень твёрдого сучковатого дерева, которое не всякая пила возьмёт. Весь какой-то неотёсанный, угловатый, брови всегда нахмурены, и всё делал не так, всё — наоборот. Скажут ему: «Сядь!» — он встанет. Скажут: «Иди!» — он стоит. Если хорошо — говорит «плохо», если плохо — говорит «хорошо», и всегда любил приговаривать «не так» да «не так».

Так и прозвали его: *НЕТАКОМ*. Лучше не придумашь, сколько ни думай.

Конечно, и у него была своя песенка — песенка-наоборотка, и пел он её своим деревянным, трескучим голосом всегда невпопад, чаще всего, когда другие спали. Послушайте и её:

До чего смешной народ —
Всё везде наоборот:
За столом сидят, едят,
Почему-то ночью спят,
По траве и мостовой
Ходят кверху головой.
Кто ж к порядку призовет?
Всё везде наоборот.
Только раки ходят верно —
Ходят задом наперёд.
Вот!

Хотя мальчишки не умели ни читать, ни писать, всё же неучами их назвать нельзя было: ведь они имели дело только с образованными людьми — учениками третьего класса!

Правда, считать игрушечные мальчишки умели только от двух до пяти, потому что меньше «двойки» и больше «пятерки» в этой школе никому не ставили. Зато они отлично знали, как устроена рогатка, отчего в дневниках вместо «двоек» бывают дырки и почему в арифметические задачи, туда, где стоит

решение, попадают самые разлапистые и хвостатые кляксы. Всё это они знали потому, что у ребят от них никаких секретов не было. Уж кто-кто, а игрушечные мальчишки умели держать язык за зубами.

Г л а в а в т о р а я

Приключения начинаются

Как-то утром, когда жаркое июньское солнце заглянуло в комнату и разбудило игрушечных мальчишек, они не узнали школы. Произошло что-то непонятное: из коридоров не доносились крики, в классах не хлопали крышки парт, ни одна дверь не прищемляла девчоночьих кос и ни одна чернильница... Впрочем, это уже неважно. Важно то, что всю школу заполнила тишина, необычная и непонятная.

— Что, что? Что случилось? — в испуге запрыгал Непоседа.— Может, братцы, я оглох? Или мне в уши попала вата?.. Нетак, а ну загляни-ка!.. Да не в нос, а в ухо, сюда...

— Там дырка,— пробурчал Нетак, ковырнув пальцем в ухе приятеля.— А должна быть вата!

— Ты меня слышишь? — закричал Непоседа.

— Нет.

— Почему?

— Не хочу.

— А ну скажи «А»!

— «Б»,— сказал Нетак и высунул язык.

— Но я же всё слышу,— обрадовался Непоседа и бросился целовать деревянного друга.— Это, наверное, ребята перестали в коридорах бузить.

— Нет, не перестали! — рассердился Нетак, потому что сам был отчаянным шалуном.

Мякиш тоже хотел что-то сказать, но передумал, а поскольку рот уже был открыт — зевнул. Не про- падать же работе!

Всё стало ясно, как только открылась дверь и в комнате показались щётка и тряпка, а следом за ними вошла уборщица тётя Глаша. Они всегда ходили вместе, потому что без тёти Глаши ни щётка, ни тряпка ничего не хотели делать.

Старая уборщица была женщиной строгой, дисциплину и порядок уважала больше всего. Никто из учеников не помнит, чтобы тётя Глаша скакала по партам или стреляла из рогатки, никто не видел у неё на лбу или под носом чернил. Сама же она сторо- жу дяде Егору говорила: «Будь я здесь директором школы, все эти мурзилки-мазилки ходили бы у меня как шёлковые, как по тетрадошке в косую линееч- ку!..» Да что говорить, тётя Глаша отлично видела всё, кроме паутины на стенах.

Так вот. Поставила она в угол свою старую, облы- севшую щётку, распахнула окна, двери и сказала:

— Ну, слава богу, уехали!

— Кто уехал? — спросили мальчики.

Тётя Глаша посмотрела на полочку, где жили малыши.

— Ах, это вы! — вздохнула она. — Уехали, уеха- ли ребята в лагерь. А вас, бедняжек, оставили. О-хо-хо! — и, взяв в руки Непоседу, щёткой прочисти- тила его пружинки.

Нетакта она протирать не стала — взяла его в руки и тут же бросила, потому что в палец засела заноза.

— Ну и шершавый! — покачав головой, сказала она и принялась выбивать пыль из парусов старого фрегата.

— А как же мы? Как же мы? — кричал Непосе- да. — Это нечестно: уехать в лагерь и не взять нас с

собой! Они не имели права! Ведь мы совсем незаконченные!..

Тётя Глаша не видела, законченные они человечки или незаконченные. Но это была чистая правда.

Посудите сами. У Непоседы не хватало одного винтика, который должен был скреплять между собой пружинки рук и ног. Поэтому на его железном животе, как раз там, где у школьников бывают пряжки от поясов, виднелась дырка с резьбой. Конечно, без такого важного винтика всякий Непоседа за лето может совсем разболтаться.

А деревянный Нетак?

Этот был весь из одних сучков и задоринок — просто неотёсанный мальчишка. К нему нужно было как следует приложить руки и отшлифовать. Ну, а Мякиша и вовсе оставили недолепленным. Одно-го уха не хватало, правая нога короче левой.

— Что же тут поделаешь! — приговаривала старая уборщица, переставляя мальчиков с места на место, чтобы тряпкой получше продраить палубу фрегата. — Каковы мастера, такова и работа!

Мякиша тётя Глаша разглядывала дольше других, потому что на его животе были нацарапаны какие-то слова. Уборщица повертела пластилинового толстяка перед глазами, а затем прочитала вслух:

РАБОТА ПЕТИ МАМИНА-ПАПИНА.
РУКАМИ НЕ ТРО...

Больше на животе ничего не поместилось, поэтому «...ГАТЬ» залезло на спину.

Тётя Глаша поставила Мякиша на место и сама у себя спросила:

— Это кто же такой Мамин-Папин?.. Не тот ли самый Петя, которого в лагерь не отпустили? Ну и странная же у него фамилия: Мамин-Папин! Стало быть, по папочке он Мамин, а по мамочке — Папин! — объяснила сама себе тётя Глаша и, вздохнув, добавила: — Несчастный ребёнок!

«Несчастный ребёнок»? С этим Непоседа, Мякиш и Нетак никак не хотели согласиться.

Какой же он несчастный, если его каждый день в школу привозили на папиной машине! Завтраки ему с собой давали такие большие, что они занимали весь портфель и тетради приходилось привязывать сверху. Съесть такие завтраки было нелегко, но, по мнению Мякиша, это не такая уж беда. Он-то всегда с завистью поглядывал на Петины бутерброды и куриные ножки, которые торчали из портфеля...

Так они думали о Пете, пока с шумом не упала на пол тёти Глашина щётка. Тут они вспомнили, что сами покинуты, забыты в пустынной, пыльной и душной комнате. Оставлены незаконченными человечками. Надо было прежде позаботиться о себе.

— Что же нам теперь делать? — спросил Мякиш.

— Бежать! — звякнул Непоседа.

— А ку-уда?

— В пионерский лагерь, к ребятам!

— Куда? — переспросил Нетак и, поднявшись на носки своих башмаков, посмотрел на улицу.

Непоседа и Мякиш сделали то же самое. Теперь все трое молчали и думали: «Бежать? Самим?.. Но как же так?»

Ведь всю свою жизнь они прожили в этой комнате, и что делалось там — во дворе, на улице, в большом шумном городе, — они не знали.

Тётя Глаша всё ещё продолжала уборку: она подметала пол, вытирала подоконники и заодно тщательно перемывала косточки школьным шалунам. Она любила поворчать, но всё же была женщиной сердечной и незлой. Игрушечные мальчишки знали это и считали, что её доброе сердце сделано не иначе как из пластилина. Однако при ней бежать не решались. Они подождали, пока тётя Глаша закончила работу, взяла щётку и тряпку, вышла из комнаты, закрыла дверь на ключ, дважды повернув его в замке, и лишь потом...

Г л а в а т р е т ь я,

*из которой вы узнаете, что было потом, и о том,
как началось путешествие наших героев*

— В поход! Вперёд! — нетерпеливо заорал Непоседа и побежал. — За мной, друзья!

— А может, не стоит... — протянул Мякиш. — Ведь в дороге поспа-а-ать не-е-е... — И он зевнул так, что подбородок приклеился к шее.

— Тебе бы только дрыхнуть! — возмутился Нетак и помог Мякишу закрыть рот.

Тут все трое перегнулись через борт фрегата и посмотрели вниз. Да, легко сказать «вперёд», а как сойти с верхней полки? Как выйти из комнаты, двери которой дважды заперты на ключ? Этого никто из них не знал.

Но нет таких положений, из которых нельзя найти выхода. Непоседа почесал свои волосы-пружинки, звонко хлопнул себя по лбу, хитро подмигнул и показал на старого паука, который снимал угол с ними по соседству. Жирный паук спал в гамаке из собственной паутины и переваривал завтрак.

— Есть выход! — сказал Непоседа. — Надо разбудить его! Ну-ка, братцы, крикнем что есть силы! Раз, два, три!

И все трое закричали и затопали по палубе своего фрегата.

Паук заворчал, зашевелился и сказал своим липким, тягучим голосом:

— Эй, там! Чего расшумелись? Вы мне всех мух распугаете!

— Простите! — вежливо расшаркался Непоседа. — Мы не знали, что вы отдыхаете.

— «Не знали»! — сердито пробурчал паук и хотел перевернуться на другой бок.

Но Непоседа снова вежливо сказал:

— Разрешите, уважаемый сосед, задать вам всего один-единственный вопрос!

— Какой ещё вопрос?

— Верно ли говорят, что ваша паутина самая прочная в мире?

— Ещё бы! — пробасил паук. — Её даже тёти Глашина щётка не берёт!

— Ключуло! — шепнул друзьям Непоседа и тут же крикнул: — Ой, что-то не верится!

— Да как ты смеешь говорить такие слова?

Голос и вид у паука стали такими грозными, что игрушечные мальчишки не на шутку перепугались.

— Н-не в-верится,— дрожа всеми пружинками, храбро сказал Непоседа.— Не-е имели счастья убедиться в этом.

— Хотите убедиться?

— М-мы бы с удовольствием. Е-если вам нетрудно, то протяните свою паутину от нашей полки до окна, а м-мы по ней пройдем. Если не порвётся — значит, самая прочная. И мы всем, всем на свете об этом расскажем!

Паук, довольный словами Непоседы, почесал сразу тремя лапами затылок и ловко вывалился из гамака... По старой паутинке он взобрался на полочку и тотчас же начал тянуть новую паутинку к раскрытому окну. Добравшись до него, он протрубил:

— Ну, валяйте! — и, присев на подоконник, гордо скрестил на груди семь лап (восьмую он потерял в схватке с воробьём, который по ошибке как-то залетел в их комнату). — И не таких великанов выдерживала моя паутина!

Мальчишкам только это и нужно было.

Вооружившись лепестками от самодельной розы, которая валялась тут же на полке, и балансируя ими, как цирковые канатоходцы веерами, они пошли по паутине.

Впрочем, не у всех это выходило гладко. Непоседа и Нетак могли хоть танцевать на этом канате — у них подошвы были твёрдые, а вот увесистому Мякишу паутина врезалась в пластилиновые тапочки и не отпускала их. Застрял Мякиш на середине пути. Хорошо, что паутина могла растягиваться. Непоседа и Нетак добрались до окна и стали тащить её к себе и тянули до тех пор, пока Мякиш не оказался на подоконнике.

— Ну как? — спросил паук.

— Отличная паутина! — развёл руками Непоседа. — На «пятёрку»!

— Гы! — довольно усмехнулся паук. — Теперь платите по мухе за переправу.

— Даже по две, — согласился Непоседа. — Только прежде мы спустимся вниз.

Не успел паук спросить: «Куда?» — как все трое полетели вниз, прямо во двор, и шлёпнулись на землю. Хорошо, что упали на мягкую песочную горку.

— Эй, эй! — крикнул паук. — А кто платить будет?

— Деньги получишь в четверг на большой перемене! — крикнул Нетак.

— С тебя ещё причитается! — добавил Непоседа. — Ведь мы всем расскажем, что прочней твоей паутины и глупей тебя во всём мире не найти... Ура!

Путешествие продолжается! — И он потянул друзей
вперёд.

Но тронуться с места им не удалось: Мякиш дер-
жал их, как якорь.

— Ты что? — спросил Нетак.

— Я-то ничего, но вот... — И Мякиш указал на
свои ноги.

Правая нога от падения сплющилась и стала ещё
короче, чем была.

— Полторы ноги, — почесав затылок, сказал Не-
поседа. — С такими разными ногами далеко не
уйдёшь.

— Далеко не уйду! — вскрикнул Мякиш.

— Без мастера не обойтись, — скрипнул Нетак.

— Не обойтись! — плакал Мякиш.

— Стой! — подпрыгнул Непоседа. — А ведь твой
мастер — Петя! Он же в городе, никуда не поехал!

— К Пе-ете! — радостно запищал Мякиш. Он хоть и был изуродован по Петиной милости, но всё же был предан ему всем своим пластилиновым сердцем. — К Пете!

И даже Нетак, который всем и всегда возражал, крикнул:

— К Пете!

И путешественники побежали к воротам.

Г л а в а ч е т в ё р т а я,

*из которой вы узнаете, какие препятствия встали
на пути к Пете*

— Стой! — крикнул вдруг Нетак. — Нужно ходить не так — нужно ходить строем!

Это предложение всем понравилось. Непоседа скомандовал:

— Становись! — и тут же добавил: — Чур, я первый! Я — командир!

— Нет, не так, — сказал Нетак. — Я — первый!

Только Мякишу было всё равно, где стоять. Но как же всё-таки построиться? Непоседа знал, что Нетака не перетáкать. Он почесал за ухом и сказал:

— Ладно, становись первым, а я пойду последним.

И они построились. Первым стал Нетак, в затылок ему — Мякиш, а последним — Непоседа.

— Пошли! — раздалась команда. — Вперёд!

Нетак, конечно, пошёл назад, Непоседа — вперёд, и ни тпру ни ну, ни назад ни вперёд!

— Ах! — вскрикнул Непоседа.

— Ох! — вздохнул Нетак.

— Эх! — пропищал Мякиш.

Произошло то, что происходит всегда, когда в строю находятся непоседы, мякиши и нетаки. Металлический и деревянный столкнулись с пластилиновым другом и так прилипли к нему, что не смогли сдвинуться с места. Добрых полчаса отклеивались они от Мякиша: одну руку оторвут — другая пристанет, одну ногу отклеят — другая увязнет. И пока все трое отклеивались друг от друга, Мякишу так намяли бока, что он даже на себя стал не похож — какая-то бесформенная картошка.

— Иди, Мякиш, последним, а я буду вторым, — сказал Непоседа, вправляя на своё место вывихнутую в свалке руку-пружинку.

— Нет, я буду вторым! — заупрямился Нетак.

Непоседе этого только и надо было. Он стал первым и начал командовать:

— Левой, правой! Раз, два! Раз, два!..

И путешественники наконец двинулись в путь. Правда, Нетак всё время нарушал команду: он ходил не левой-правой, а правой-левой и при этом приговаривал: «Два, раз! Два, раз!»

Пока солнце пекло, Мякиш всё время отставал. Тапочки его то и дело прилипали к земле, отрывались, и ему приходилось возвращаться и подбирать их. Хорошо, что солнце спряталось за тучку, подул прохладный ветерок, и Мякиш перестал таять и прилипать ко всему, что встречалось в пути.

Непоседа и Нетак тоже чувствовали себя инвалидами. У Непоседы ослабли винтики, ему приходилось всё время придерживать свои вихляющие ноги, а Нетак — остерегаться, чтобы не зацепиться за кого-нибудь своими сучками и заусеницами.

Трудно жить на земле незаконченными игрушкам! Им поскорее хотелось встретиться со своими мастерами. Умелые руки сделают всё необходимое, отремонтируют их, и они станут выносливыми, красивыми, прыгучими и сильными.

От этих мыслей на душе у человечков стало радостно и весело. Маршируя, они прошли школьный двор и очутились на большой шумной улице. Для них это был новый, неизвестный ещё мир.

По широкой мостовой катили разноцветные автобусы, сломя голову мчались легковые автомобили и мотороллеры, грозно мигали светофоры, а по тротуарам ходили толпы людей и бегали вихрастые сорванцы с футбольными мячами под мышками.

Непоседа, Мякиш и Нетак бодро шагали вперёд, а идти помогала весёлая песенка, которая сама пришла им на ум:

Идёт дорога длинная,
Не кончится никак,
Шагает пластилиновый,
Наш Мякиш пластилиновый,
А впереди Нетак.

Но всё же получается
Немножечко не так,

Поскольку, выясняется,
Не первым, выясняется —
Вторым идёт Нетак.

А первый, выясняется,
Умчался далеко,
Поскольку догоняется,
Поскольку догоняется
Он очень не легко.

За ним устанешь следовать,
Пружинка — чемпион,
Ведь это Непоседа ведь,
Ведь это Непоседа ведь,
Ужасный ветрогон.

Высокие дома смотрели на людей широкими глазами витрин, а когда солнце выглядывало из-за белых облаков, витрины сверкали так, как будто за каждой из них зажигалось своё собственное солнце.

А ведь каждая витрина была кладовой чудес, гляди не нагладишься: барабаны, гармошки, часы, удочки, дудки, рогаики с маком... всего не перечсть. Было тут от чего глазам разбежаться. Даже Мякиш забыл о своей короткой ноге, из-за которой сильно хромял. Не вспоминал он и о Пете.

Непоседа не пропускал ни одной витрины, если видел в ней велосипеды, самокаты и роликовые коньки. Мякиш прилипал к стёклам, за которыми стояли мягкие кресла и диваны, а Нетак сопел и возмущался, почему не продают горячее мороженое, солёные конфеты, мягкие сухари и сани на колёсах.

То и дело приходилось им останавливаться. А впереди, на углу большой площади, сияла и звала к себе вывеска магазина детских игрушек. К ней и направились Непоседа, Мякиш и Нетак.

Но здесь нам придётся на время оставить наших путешественников и поближе познакомиться

с Петей, который по папочке Мамин, а по мамочке Папин, с тем самым Петей, который неизвестно почему не поехал в пионерский лагерь.

Г л а в а п я т а я

Петя, мама, папа и капризит

Оказывается, Петя был тяжело болен. Он упорно отказывался от сорок пятой ложки супа, от четвертой котлеты, от третьей куриной ножки. А от манной каши, которую ему трижды в день подавала сама мама, он даже отбивался ногами.

Ни один доктор не мог определить Петиной болезни, а мама уверяла, что у Петеньки новая, ещё никому не известная болезнь, причём в самой тяжёлой форме. Только одна домработница Дуся давно определила его болезнь. Она сказала, что у Пети обыкновенный капризит, да ещё с выбрыками.

У Пети был жёсткий постельный режим, который состоял из четырёх пуховых подушек и двух одеял верблюжьей шерсти. Лечили его тридцатью сортами сдобных булочек и всевозможными сладкими кашами. От этого щёки больного розовым тестом растекались по наволочке и сам он напоминал пятую подушку.

Конечно, простым способом так раскормить человека нельзя было. Тут применялись особые новейшие средства.

Дело в том, что Петин папа был известным в городе изобретателем. Поэтому дома по распоряжению мамы он совершенно бесплатно конструировал прекрасные автоматы, которые сами кормили Петю. Самокормящие автоматы!

У постели больного как раз стояла одна такая машина. Это была новейшая папина конструкция. На её белой крышке большими буквами было написано «ПУП». При расшифровке это слово обозначало: «Полуавтомат Усиленного Питания».

Машина считалась полуавтоматом, потому что подавала пищу в неразжёванном виде. Множество всяких рубильников, переключателей и колёсиков говорило о её сложности. По измерительным приборам, которые шевелили стрелками, всегда можно было узнать количество каши, её температуру, сладость. Была и такая стрелка, которая заранее показывала, что дадут на третье блюдо. Кроме того, во время кормления машина на кастрюлях и бутылках исполняла «Чижик-пыжик».

Но самым главным орудием в этом механизме были три длинных никелированных рычага, похожих на руки. На конце одного рычага была закреплена столовая ложка, на конце другого — вилка, на конце третьего — литровая чашка. Автомат приводился в движение пылесосом и стиральной машиной. Пете не нужно было даже поднимать головы и открывать рта — всё делалось само. Бедный Петя!

Вам, наверное, хотелось бы знать, почему так печально сложилась Петина судьба? Отчего и когда он заболел этой ужасной болезнью?

Расскажем по порядку. Возьмём простую азбуку и по пунктам А, Б, В... изложим Петину биографию.

А) Первые шаги

Честно говоря, до трёх лет Петя ходить не мог. Ему не разрешали. Ножки могут погнуться, и ребёнок на всю жизнь останется кривоногим. Но зато уже с четырёх лет он был отличным наездником.

Каждый день перед завтраком, обедом и ужином он совершал верховую прогулку. Как только на стол ставили дымящуюся тарелку каши, папа или дедушка надевали красную уздечку с колокольчиками и становились на четвереньки. Петя смело садился верхом.

— Но-о! — кричал он и молотил пятками своего скакуна. — Но-о, миленькие!

Мама тоже подбадривала коней:

— Ещё кружок! Ещё! Смотрите, ребёнок цветёт от счастья!..

Петино «Дай!» и «Хочу!» стало в доме законом. Петя ездил верхом на ком хотел и когда хотел.

Б) Кормление

— Главное в жизни — питание, — говорила мама. — От рыбы — ум, от каши — сила, от масла — ловкость! Еда — лучшее средство от болезней!

Поэтому мама завела специальную библиотеку по вопросам кормления ребёнка. На полках стояли толстые книги с вкусными названиями:

*СТО КАШ ДЛЯ ПЕТЬ И МАШ. КОМПОТЫ ДЛЯ СУББОТЫ.
СЕМЬ БЕД — ОДИН ОБЕД и ДОРОГА ЛОЖКА К ОБЕДУ.*

В квартире жили киска, по прозвищу Сосиска, и пёс породы эрдель, по имени Сардель. Имена эти они получили потому, что кошкин хвост напоминал Пете сосиску, а куций и толстый хвост собаки — сардельку.

В) Петина азбука

Пришло время обучать Петю азбуке. К этому торжественному дню мама готовилась очень старательно. Разрезная азбука и азбука в кубиках были

спрятаны в шкаф. Какие могут быть игры во время еды?

Три ночи просидела семья за сочинением специальной «питательной» азбуки.

В воскресенье за завтраком приступили к первому уроку.

Пете показывали букву «А» и хором говорили: «Ам!» Петя открывал рот, чтобы тоже сказать «Ам»,

а ему в рот всовывали ложку с кашей. Подносили ко рту булку и хором кричали: «Бэ-э-э!» Давали на закуску грушу и гоготали, словно гуси: «Ге-ге-ге!»

Поэтому, когда Петя впервые поехал в школу и учительница в классе спросила: «Дети, кто из вас уже выучил азбуку?» — Петя Мамин-Папин встал и пропел:

Ам
Булка
Вилка
Груша
Дыню
Ел,
Жаркое кушал,
Землянику
И
Картошку,
Лук,
Морковочки
Немножко,
Огурцы и
Помидоры,
Рыбу,
Сало,
Теста горы... —

и так до самой последней буквы «Я».

Г) У с а т ы е с л о в а

Петино здоровье оберегалось всеми средствами медицины. Каждое утро ему ставили сразу два градусника (под правую и левую руку) и разглядывали язык через увеличительное стекло.

Когда же припадки капризита были очень сильными, Петя требовал немедленно доставить ему домой живого слона.

Мама тотчас же посылала папу в зоопарк за слоном, но папа всегда возвращался с пустыми руками.

Врачи и профессора стали в доме Маминых-Папиных ежедневными гостями. Они заставляли Петю высовывать язык, говорить «э-э-э», дышать, не дышать, а потом разводили руками, тёрли лбы и произносили непонятные слова, которые кончались на «ини» и «ус».

Врачи приходили так часто, что, как только в коридоре раздавался звонок, у Пети язык сам высовывался наружу и изо рта вырывалось громкое «э-э-э».

Конечно, мама, чтобы не ударить лицом в грязь перед врачами, сама начала изучать язык, на котором пишутся лекарства. Для этого она собрала все рецепты, склеила их в книжечку, и получился учебник.

Потом, зажмурив глаза, она ходила по комнате и бормотала разные слова. Скоро она свободно стала разговаривать на чисто докторском языке.

Когда врач прописывал Пете капли для аппетита, то мама бойко добавляла:

— И манус кашус по три разини в денини!

Когда для успокоения Петиных нервов доктор выписывал новое лекарство, мама тоже добавляла:

— И спатус в кроватус на подушатус!

Когда же врач говорил, что Петя выглядит очень хорошо, мама вздыхала и говорила:

— Сынус Петюс не естус пирогини-творогини и куринус супус!..

С помощью докторского языка мама легко связалась со всеми поликлиниками и звонила туда до тех пор, пока домой однажды не прибыла специальная лечебная комиссия для выяснения маминого здоровья.

Петю комиссия выслушивать не захотела и, пожав плечами, уехала. Мама целиком перешла на докторский язык. То и дело слышались её команды: «Полейтус кактус!», «Сваритини компотини!» или что-нибудь в этом роде.

Пете очень нравился мамин докторский язык, особенно слова, которые кончались на «ус». Он называл их усатыми словами.

И вот, несмотря на все меры, Пете легче не становилось. От его капризита страдала вся квартира, вся семья и даже киска Сосиска и эрдель Сардель.

С того дня как Петин дедушка оставил работу и перешёл на пенсию, мама полностью перевела его на Петин режим. Манную кашу они ели вместе: ложку — дедушка, ложку — Петя (иначе Петя и за стол не садился). Спать их укладывали в одно время, играли они вместе и, наказанные, рядом стояли в углу.

А с тех пор как Петя пошёл в школу, на плечи дедушки взвалили все внешкольные обязанности внука, начиная от выковыривания мух из невыливайки и кончая собиранием металлолома.

В собирании металлолома дедушка отставал. Петя взял повышенное обязательство — собрать две тонны. Тонну железа дедушка уже почти собрал, и на его совести лежала ещё одна тонна с небольшим хвостиком.

Больше всех жалела Петю домработница Дуся. Она не раз говорила, что у ребёнка пироги уже пошли в ноги, а каша лезет из ушей, на что мама отвечала: «Полные дети спокойнее худых — им трудно ходить на голове, поэтому в доме всегда бывает больше порядка».

Тогда Дуся, которая была отличной кухаркой, махала рукой и говорила:

— Каши с вами не сварить!

Да, мама в доме была полновластной хозяйкой. Не зря же она носила фамилию — Папина, а папа был — Мамин...

Теперь, когда с помощью азбуки мы разобрались в Петиной биографии, продолжим рассказ.

Г л а в а ш е с т а я

*Новый способ игры в футбол. В «Детский мир»
за успокаивающим средством*

Петю уже неделю не выпускали на улицу и старались держать в постели. Вдобавок ко всему простудился пёс Сардель. Он всё время чихал и хрипло кашлял под Петиной кроватью, а мама кричала, что ребёнку стало хуже, что у мальчика появился собачий кашель.

Петя никак не мог доказать, что никакой простуды у него нет. Как только мама заходила в комнату, подхалим Сардель переставал чихать и начинал весело визжать и лаять.

И вот сегодня Сардель наконец выздоровел. Никто в доме не чихал, и Петю решили вывести на прогулку. Так требовали врачи, а сам Петя грозил выпрыгнуть в окно, если его только посмеют не выпустить на улицу.

Это был воскресный день, и папа был дома. Он попросил одеть Петеньку потеплей и объявил всем так:

— Пойдём с ребёнком в «Детский мир» и купим ему что-нибудь успокаивающее.

К прогулке всё было готово. Папа и мама позавтракали, дедушка держал наготове Петин лыжный костюм и шерстяной шарф, а бабушка накрутила гоголь-моголь из трёх яиц. Только один Петя не был готов. Он всё ещё сладко спал, всхрапывая и по временам выкрикивая какие-то слова.

Стрелки часов показывали двенадцать, солнце взойшло высоко, и по спящему Пете весело прыгали десятки солнечных зайчиков. Но Петю это нисколько не тревожило; сейчас он не проснулся бы, даже если бы по нему прыгали солнечные слоны. Дело в том, что он во сне доигрывал вторую половину футбольной игры. Подушка шевелилась, одеяло съезжало набок.

— Аут!.. Гол!.. Штрафной!..— то и дело выкрикивал он.

Петя, страстный любитель футбола, вынужден был играть в футбол во сне, потому что днём ему никто этого делать не разрешал.

— Пусть ребёнок ещё чуточку поиграет,— шёпотом говорила мама.— Наиграется — и днём не будет просить мяча. При его слабости резких движений делать нельзя...

Кто знает, сколько ещё голов забил бы Петя во сне, если бы не бабушка. Попрошайка Сардель до тех пор вертелся у неё под ногами, пока она не уронила на пол стакан с гоголем-моголем.

Дзе-ень!..— прокатилось по комнате, и Петя, сотрясая кровать, вскочил на ноги.

— Забили, забили! — кричал он.

Мама бросилась успокаивать Петю.

— Не забили, а разбили! Это бабушка уронила стакан,— говорила она, показывая на жёлтую кашу гоголя-моголя и осколки на полу.— А ты выиграл, ты у нас чемпион! Ты настоящий мастер спорта!..

Сытый Сардель брезгливо фыркнул и, тяжело вздыхая, принялся за свою работу — начал вылизывать гоголь-моголевскую кашу. А Петя ревел и топал ногами по подушкам:

— Из-за бабушки всё пропало! Я уже выигрывал!.. Дайте бабушке штрафной... поставьте её в угол!..

— Петенька, Петенька, успокойся,— просил папа, опускаясь на колени перед кроватью.— Сейчас тебя оденут, и мы пойдём в «Детский мир», купим тебе всё, что ты захочешь!

— Ура-а-а! — закричал Петя, размазывая по лицу слёзы.— Мы идём в «Детский мир»! — и начал так скакать по постели, что матрац провалился и прижал хвост бедному Сарделю.

Тотчас же вплотную к постели был пододвинут аппарат «ПУП» и подключён к пылесосу. Завертелись шестерёнки, задвигались рычаги, кастрюли и тарелки лихо вызванивали «Чижик-пыжик».

С помощью самокормящего полуавтомата Петя съел кастрюлю манной каши. Тридцать ложек за здоровье мамочки, двадцать — за здоровье папочки, десять — за здоровье бабушки и одну — за здоровье директора магазина детских игрушек.

Не щадя живота своего, Петя ел всё, потому что иначе могла отмениться прогулка и покупка новых игрушек.

Ровно в час дня Петя в сопровождении родных вышел из дому и направился к площади, на углу которой находился «Детский мир».

А на другой улице, не надеясь на встречу с Петей, к магазину торопились Непоседа, Мякиш и Нетак. Они пели:

Вот история какая,
Мы по улице шагаем!..

Эти две строчки сочинил сам Мякиш. Но дальше ничего придумать не мог, потому что внимание отвлекали всё новые и новые картины. На улицах было много народу, на грузовиках ехали духовые оркестры. Солнце ослепительно сияло, и на душе было радостно и легко. До того легко, что они даже забыли о Пете, которого во что бы то ни стало должны разыскать.

Г л а в а с е д ь м а я

*Первая и неудачная встреча с Петей. Рассуждения
о ботинках. Несколько слов о плюшевом осле*

Зная Петины повадки, родители вели его как под конвоем. Это был старый, проверенный способ. Слева шла мама, справа — папа, а пути отступления отрезал дедушка. Петя мог шагать только вперёд. И вот на площади, где был магазин детских игрушек, Непоседа, Мякиш и Нетак увидели Петю.

Только они хотели окликнуть своего друга и броситься к нему, как из-за угла, гудя сиренами, выскочило пять самокатчиков. Они стремительно промчались перед самым носом наших друзей и заслонили собой всё.

Когда же самокатчики исчезли за углом, Петя с родителями был уже в магазине.

Мальчики бросились в магазин и, рискуя быть раздавленными, начали шнырять между ногами покупателей. Но Петя и его родители смешались с толпой, и найти их оказалось невозможным.

Снизу трудно было разглядеть лица покупателей, а узнать по ботинкам, кому они принадлежат, — ещё труднее. Поди разберись, где чьи ноги?! Но те, кто

сам ростом с башмак, давно научились различать людей по обуви. Оказывается, это очень просто. Вот ботинки на толстой белой, как сахар, подошве — это ботинки модника. Запылённые, с тонкой подошвой — ботинки почтальона. Тяжёлые кирзовые сапоги — обувь солдата.

Ботинки могут быть не новыми, с латками, но вычищенные сапожной мазью и вылощенные суконкой. Значит, хозяин их — человек бережливый и аккуратный. А у неряхи даже новая обувь и та потёртая, запылённая и скособоченная. По ботинкам сразу видно, каков человек. Поэтому мудрый Мякиш часто любил повторять: «Всякий человек начинается с ботинок!»

Непоседе больше всего нравились босоножки, сандалии и тапочки. В них легко бегать, ноги не устают.

Нетаку, наоборот, нравились тяжёлые, гремящие сапоги с железными подковками.

А Мякишу были по душе ботинки на резиновом ходу — мягкие, тихие, пружинистые.

Но самые красноречивые ботинки — это ботинки ребят. В этом смысле толстопятые туфли модника даже в подмётки им не годятся. На ребячий ботинок только взгляни — и сразу ясно, с кем дело имеешь: у футболиста носы разбиты вдребезги, у катальщика по паркету на подошвах дыры, а у тех, кто не признаёт галош, ботинки разбухшие, как вареники.

Больше всего опасаться приходилось солдатских подкованных сапог и женских туфель с длинными острыми каблуками: первый раздавит, второй проткнёт, ахнуть не успеешь.

Об этом и думали путешественники, ловко изворачиваясь, чтобы не угодить под чей-нибудь каблук. А покупатели, набившиеся в магазин, как будто на-

рочно норовили растоптать мальчиков. Мякиш три раза умудрялся прильнуть к чьим-то сапогам. Спасибо, товарищи отрывали. Непоседе на левую ногу наступил женский каблук. Высвобождая её, он так растянул пружинку, что левая нога стала длиннее правой. Пришлось попрыгать на одной ноге, чтобы пружинка сжалась и стала такой же, как и правая.

— Так мы здесь пропадём! — сказал Непоседа, охая и припадая на левую ногу. — Надо взобраться на прилавок — оттуда мы скорее увидим Петю.

— М-да, — вздохнул Мякиш, отклеиваясь от очередного сапога и держась за сердце.

А Нетак, цепляя всех своими заусеницами, начал упрямо продираться вперёд, пока не ударился лбом о фанерную стойку.

Бум-м!.. — загудела фанера.

Нетак схватился за лоб и быстро-быстро проговорил:

— Тра-та-та, за себя! — Это чтобы не подумали, что ему больно.

Непоседа и Мякиш были уже тут. Рядом с ними у стойки стояла палка старичка покупателя и набалдашником упиралась прямо в крышку прилавка. Раздумывать было некогда.

— Наверх! — скомандовал Непоседа и, хватаясь пружинками за сучки, полез по палке.

Мякиш моментально прилип к его ноге, а Нетак стал подталкивать толстяка сзади. Скоро они очутились на прилавке.

В первую минуту все трое растерялись от неожиданности. Сотни игрушек смотрели на них и по-разному выражали радость, вызванную такой приятной встречей.

Куклы-матрёшки махали руками, приглашая мальчиков к себе. Большая говорящая кукла-краса-

вица застенчиво опускала глаза и говорила: «Ма-ма!» Серый слон, похожий на чайник, качал головой и в знак приветствия поднимал хобот. Игрушечная балалайка сама заиграла «Во саду ли, в огороде...». А Буратино так заплясал, что чуть не свалился с полки на лысую голову старшего продавца.

Конечно, видеть и слышать это могли только самодельные игрушечные мальчики, потому что они были близкими родственниками настоящих фабричных игрушек.

Покупатели зашумели и бросились к прилавку. Если бы не ловкость и догадливость малышей, десятки рук разорвали бы их на части.

Непоседа раскачался на своих ножках-пружинках и, как белка, перемахнул на полку. Нетак перелез по электрическому шнуру от настольной лампы, а Мякишу просто повезло. Пока он раздумывал, как ему перебраться на полку, строительный кран, собранный из деталей «Конструктора», ожил, вытянул свою стрелу, подхватил Мякиша крючком за левое ухо и поставил рядом с собой.

Покупатели, взрослые и дети, все, как один, закричали:

— Продайте нам механических мальчиков!

— Отпустите нам живых мальчиков!

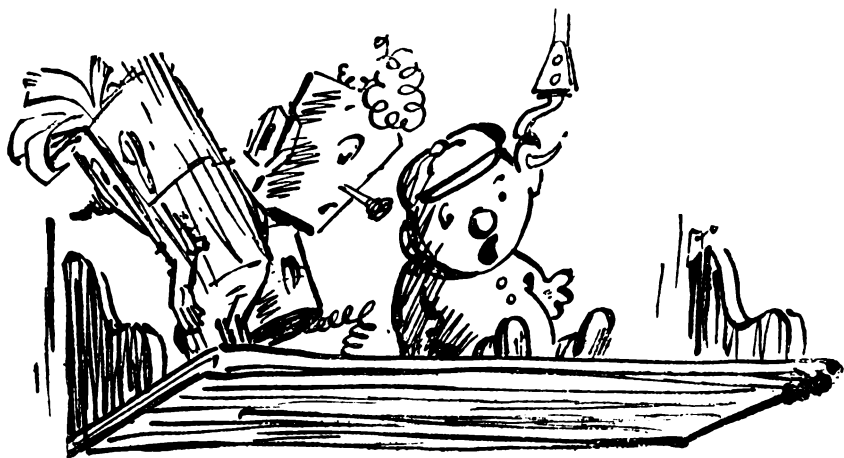
— Заверните мне того толстенького!

— А мне этого, из пружинок!

— Мы первые в очереди!

— Это нечестно, вы прячете под прилавком самые новые игрушки!..

Но продавцы ничего не замечали и растерянно смотрели по сторонам. В эту минуту Непоседа, Мякиш и Нетак, оказавшиеся на верхней полке, увидели в толпе Петю с родителями. Все Мамины-Папины стояли в очереди и тоже что-то кричали.

— Петя, Петя, мы здесь! — закричали малыши. Но разве мог Петя в этом шуме расслышать голоса игрушечных мальчиков!

— Всё пропало! — вздохнул Мякиш. — Сейчас нас поштучно продадут, и мы не достанемся Пете!.. Что делать, что делать?!

— Не терять надежды — вот что, — сказал Непоседа. — Главное в нашем положении — не вешать носы.

Теперь уже и продавцы с удивлением заметили самодельных мальчиков.

— Что это за товар? — удивился старший продавец. — Какой фабрики?.. Спокойно, спокойно, товарищи, надо выяснить, откуда появились эти игрушки.

А его помощник заявил:

— Мы не можем их продавать, на них нет цены. Нужно срочно позвать заведующего! — и побежал к нему в кабинет.

— Ма-ма! — строго и внушительно сказала мальчикам говорящая кукла. — Перестаньте вертеться! Вы обращаете на себя внимание!

Но Непоседа, Мякиш и Нетак не могли успокоиться до тех пор, пока Буратино не догадался и не крикнул:

— Замри!

Эту игру мальчишки отлично знали и немедленно подчинились. Непоседа замер с поднятой вверх ногой и расставленными руками, Мякиш как зевал, так и остался с открытым ртом, а Нетак застыл спиной к покупателям.

Все игрушки рассмеялись. Только дорогой плюшевый осёл скорчил презрительную рожу.

Дело в том, что он считал себя родственником льва, потому что был жёлтого цвета и носил кисточку на кончике хвоста. Он строил гримасы, вертел хвостом и выбрыкивал копытами до тех пор, пока у него не треснуло брюхо и оттуда посыпались деревянные опилки... Этот осёл стоял не просто на полке, как все игрушки, а на специальной подставке в отделе ватных зайцев и очень важничал. Ещё бы! Он стоил 8 рублей 66 копеек. А ватные зайцы — по 3 рубля за штуку.

Игрушки осла не любили за то, что он был страшным зазнавайлой.

— Подумаешь, родственник льва! — говорили они. — Самый настоящий осёл, да и только.

Это была чистая правда. И каждому было ясно, что он хоть и занимал важное положение в отделе, всё же оставался ослом...

Тут появился заведующий магазином. Он посмотрел на игрушечных мальчишек и сказал покупателям:

— В чём дело? Успокойтесь, граждане! Произошла ошибка — на полку попал брак, — и смахнул всех троих вниз, прямо на груды поломанных игрушек.

Очутившись под стойкой, в куче разных вещей, мальчики испуганно притихли. Мякиш так расстроился, что тут же заснул.

Снова взбираться наверх было рискованно. Заведующий оставался за прилавком.

В это время к прилавку пробрался наконец Петя с родителями. Заведующий магазином узнал Петинного папу, с которым был давно знаком.

— А-а-а, моё почтенъице, товарищ Мамин! — вежливо сказал он. — Не купите ли своему сыночку ослика?.. Очень похож на вас, чудесный мальчуган! — Заведующий погладил Петю по голове и продолжал: — Взгляните, какой товар... последний осёл остался — копия настоящего. Он даже стоит почти как живой.

— Что вы, что вы! — пробормотал папа. — Цена, знаете ли, брыкается...

— Купить! — приказал Петя.

— Умница мальчик, великолепно разбирается в товарах! — сказал заведующий. — Конечно, купить! Уверяю вас, он совсем не брыкается, он очень плюшевый и действует на всех успокаивающе.

— Успокаивающе? — переспросила мама. — Немедленно заверните! Это как раз то, что нужно нашему ребёнку.

Папа вытер платком вспотевшую шею и послушно пошёл платить за осла 8 рублей 66 копеек.

Заведующий вручил Пете запакованного осла и сказал:

— Будь умницей!

Непоседа, Мякиш и Нетак слышали, как уходили из магазина Мамины-Папины, но ничего не могли поделать — заведующий всё ещё стоял у прилавка.

Глава восьмая,

в которой состоится путешествие вокруг «Детского мира» и весьма приятное знакомство с постовым милиционером

В магазине стало тихо и пусто. Наступил обеденный перерыв. Непоседа первый выбрался из свалки игрушек.

— Мякиш, проснись!.. Нетак, вставай! Хватит здесь околачиваться, нужно догонять Петю!

Мякиш спал под каким-то ватным медведем и долго не мог прийти в себя.

— Да, ну-ужно идти,— вздохнул он.

— Как бы не так! — сказал Нетак.— А кони на что?

И действительно, в груде бракованных игрушек валялось три коня.

Кони были как кони, настоящие, из картона, пустые внутри. Правда, скакать на них нельзя было, потому что у одного не было ноги, у другого—хвоста, а у третьего — головы. Но это несколько не смутило наших героев.

Кто из мальчиков не мечтает скакать верхом на горячем коне! И трое друзей занялись срочным ремонтом ещё не объезженных, но уже пострадавших скакунов.

Непоседа привязал безногому коню зубную щётку, которая оказалась под рукой, и конь загарцевал на всех четырёх ногах — правда прихрамывая.

— Конь без хвоста — не конь! — сказал Мякиш и вставил своему коню помазок для бритья, который каким-то непонятным образом оказался среди детских игрушек. Теперь об этом коне можно было смело сказать — хвост трубой! Ну, а Нетаку вовсе не нужен был конь с головой.

— Хорош и так! — сказал Нетак. — Нужно всегда садиться лицом к хвосту.

— По коням! — крикнул Непоседа.

И друзья, кто как мог, вскочили на коней и пришпорили их.

Кони галопом понеслись к выходу из магазина, а на улице взяли в аллюр. Толстые автобусы почти-тельно жались к тротуарам, чтобы дать дорогу кавалеристам, милиция немедленно давала зелёный свет, а пешеходы с удивлением смотрели вслед странным наездникам.

— Вперёд, вперёд! — кричали наездники и ещё крепче пришпоривали коней.

Несколько раз сворачивали они в переулки и улицы, обгоняя лихих самокатчиков и даже велосипедистов. Когда же перед ними снова показался магазин игрушек и все три коня на полном скаку ворвались в его двери, Мякиш свалился на пол и, потирая помятый бок, сказал:

— Этого следо-овало ожидать.

— В чём дело? — спросил Непоседа и соскочил с коня. — Почему мы снова в магазине?

Только теперь они поняли, что весь их путь лежал вокруг дома, в котором находился магазин детских игрушек.

— Конь всегда к своему стойлу спешит! — мудро заметил Мякиш.

— А вот и не потому! — сказал Нетак. — Просто мы забыли сказать лошадям Петин адрес.

— Да, Петин адрес! — хлопнул себя по лбу Непоседа. — Мы ведь сами его не знаем.

— Я всё это предвидел, — сказал Мякиш и зевнул. — Зря меня разбудили — мог бы ещё поспать.

— Не беда! — воскликнул Непоседа. — А на что милиция? Там должны знать, где живёт Петя. —

И он указал друзьям на перекрёсток, где орудовал жезлом постовой.

— Вперёд! — воскликнул Непоседа, и его пружинки зазвенели по асфальту.

Следом за ним побежали Нетак и Мякиш.

— Товарищ милиционер! — хором обратились к нему мальчики.

— Дя-дя! — проговорил Мякиш.

— Здравствуйте! — Милиционер приложил руку к козырьку, глазами продолжая следить за транспортом. — Слушаю вас.

Мальчикам так понравилось милицейское приветствие, что они тут же повторили его сами. При этом они, как в зеркало, заглянули в блестящие голенища милицейских сапог.

— Ловко! — сказал Непоседа, любуясь своим отражением.

А Мякиш, отдавая честь, так щёлкнул каблуками, что его пластилиновые тапочки склеились, и он шлёпнулся на землю. Но даже лёжа он продолжал приветствовать постового.

Нетак же отдавал честь двумя руками.

— Не могли бы вы нам сказать, где живёт Петя из третьего «Б»? — спросил Непоседа, вытягиваясь всеми пружинками, чтобы казаться повыше.

— Петя? — удивился милиционер и вскинул жезл. — Стало быть, знаете меня? А ведь и я в третьем классе когда-то учился.

— Так это вы? — не поверили мальчики. — У вас теперь новая должность?

— Эге! Да вы меня с кем-то путаете! Как фамилия вашего Пети?

— Фамилия? — повторил Непоседа. — У него их даже две, только я забыл какие... Ты не помнишь, Нетак?

— Дедушкин-Бабушкин! — выпалил Нетак.

— Не совсем точно, — заметил Мякиш. Он всё ещё не мог отклеить свои тапочки и, сидя, ёрзал на мостовой. — Скорее, Дядин-Тётин...

— А может, Маменькин-Папенькин? — улыбаясь, спросил постовой.

— Правильно! — обрадовался Непоседа. — Так и есть! Маменькин-Папенькин! Значит, вы с ним знакомы, знаете его? Вы всё-всё на свете знаете?

— Справляемся понемногу, должность такая! — не без гордости заявил постовой. — В моём районе ещё много папенькиных да маменькиных сыночков, и все на учёте.

— А где сейчас Петя? — спросил Непоседа.

— Прошу немножечко обождать,— вежливо произнёс милиционер и достал из сумки толстый милицкий справочник.

У справочника был синий, как милицмейская форма, переплёт, а посредине переплётa проходила широкая красная полоса. Вот это уж была волшебная, всевидящая книга! Жизнь района была в ней видна как на ладони. Открой нужную страницу, найди нужную строку — и любая тайна откроется перед тобой.

Справочник начинался большой картой. Если её развернуть, можно увидеть сразу все кинотеатры и магазины, все улицы и закоулки, все дворы и подворотни. Почти половина книги была посвящена школьникам. Этот раздел начинался длинным списком отличников учёбы. Их милиция обязана была всюду приветствовать. Потом на зелёных страницах шёл список юных моделлистов, спортсменов и музыкантов. Им тоже милиция обязана была оказывать помощь и знаки внимания. За ними на странице, перечёркнутой красной полосой, шли имена и фамилии дворовых и уличных футболистов. Против каждой фамилии стояло число разбитых окон. Затем — список злостных нарушителей уличного движения и владельцев самокатов. И хотя этот вид транспорта не имел номеров, в книге все самокаты и даже обручи были строго пронумерованы.

Книге было известно, кто подсказывает на уроках и где прячутся дневники с плохими отметками. На самом непочётном месте находился список маменькиных и папенькиных сыночков и дочек.

Книга кончалась таблицей умножения, таблицей мер и весов и простыми считалками, вроде «экэ-бэнэрэ...», и другими. Короче, от этой книги не было никаких секретов, книга знала поголовно всё, а стало быть, всё было известно милиции.

Вот это справочник!

Непоседе так понравилась книга, что он не удержался, подпрыгнул и по ремешку от револьвера взобрался наверх, чтобы заглянуть на её листы.

Постовой открыл нужную страницу, не забывая при этом руководить уличным движением, и сказал:

— Петю Мамина-Папина, граждане, вам лучше всего искать в кондитерском магазине № 385 нашего района.— И он жезлом указал на противоположную сторону улицы. Там видна была большая разукрашенная витрина. Закрыв книгу, он сказал: — Осторожнее на переходах!

Этого совета никто из мальчиков уже не слышал. Подняв с земли Мякиша, они летели вперёд.

— Пожалуйста! — сказал им вдогонку милиционер.

Но наши герои были так благодарны постовому, что даже забыли сказать спасибо.

Г л а в а д е в я т а я

Уличная катастрофа. Добрый дух и добрая Феня

Мякиш, как всегда, бежал последним и успевал на бегу зевать. Ну, а что случается с зеваками на улице — всем известно. Не успел Мякиш закрыть рта, как на него налетел какой-то автолихач на новеньком педальном автомобиле.

Нарушая всякие правила поведения на улице, он ехал не по тротуару, а прямо по мостовой. Счастье Мякиша, что юный шофёр вовремя затормозил. Всё же удар был такой сильный, что бедный Мякиш перевернулся, пролетел по воздуху до тротуара и ударился спиной о фонарный столб.

Кляк! — оглушил Мякиша удар. У-у-у! — загудел столб, и бедняга, превращённый в лепёшку, прилип к столбу.

Он не видел, как исчезли его товарищи, и успел подумать лишь о том, что всё пропало, что никто его теперь не найдёт и не спасёт. Его пластилинное сердце заняло от жалости к самому себе, и к горлу подступил комок. Слёзы ручейками потекли из его глаз и прожгли на щеках две тропинки. Добрая душа, он и не подумал о виновнике своего несчастья, а между тем ничто не ускользнуло от вездесущего милицкого глаза.

Дядя Петя-постовой, как только услышал скрип тормозов, оставил пост и немедленно подошёл к месту происшествия.

— Ваши водительские права! — наклонившись, строго потребовал он у пятилетнего автолихача.

Но тот в ответ заревел, как две автомобильные сирены.

Милиционер раскрыл свой справочник, провёл пальцем по странице и прочёл вслух:

— «Педальный детский автомобиль типа «ЗИЛ» под номером 63, частная машина Вовы Колёскина. Проживает по Пушкинской, 4/7, кв. 8. Владелец посещает районный детсад № 107, среднюю группу». — Прочёл и снова повторил: — Ваши права! Какое имели право ездить по мостовой?

Но у автолихача в карманах не оказалось не только водительских прав, но даже носового платка, чтобы утереть слёзы и нос.

— Отправляйтесь домой и запирайте машину в гараж — под кровать. На вас налагается штраф: вы лишаетесь права кататься целую неделю... Исполняйте! — приказал дядя Петя-постовой и вернулся на своё место, где на асфальте, в кругу, очерченном белой краской, было написано: «ОРУД».

А Мякиш висел на столбе. Потеряв надежду на спасение, он тихо стонал и прислушивался к мерному гудению чугунного столба. Вдруг ему показалось, что внутри столба что-то заговорило. Он приложил к нему ухо и прислушался.

Столб как будто ожил. Он напряжённо работал, пропуская через себя тысячи всевозможных звуков. В нём, совсем как заводные, шумели трамваи и троллейбусы, то и дело раздавались телефонные звонки и перекликались чьи-то голоса. Разговаривали папы с мамами, начальники с подчинёнными, взрослые и дети. Столб говорил то басом, то пищал голосом какой-нибудь Наташи:

— Сегодня в кино не пойду. Я очень занята — у нас кошка родила сразу шесть котят, и все рыжие! — говорила она.

— Пошли на футбол! — приглашал какой-то Вова какого-то Толю.

— Не могу, у меня переэкзаменовка,— слышалось в столбе. Это отвечал Вова с другого конца города.— Мама не пускает, говорит, когда у меня будет переэкзаменовка по футболу, тогда буду ходить. А у меня, понимаешь, по арифметике...

То и дело шелестели телеграммы: ш-ш-ш-шу, ш-ш-шу... Они без конца целовались, поздравляли, требовали то груш, то фанеры... И вдруг в неразберихе голосов Мякиш ясно расслышал голос Непоседы.

— Нетак, Нетак! — кричал тот в телефонную трубку.— Я всюду обыскал — Мякиша нет.

— И я не нашёл,— ворчал Нетак.

— Встретимся у магазина и будем ждать! — сказал Непоседа.— Он туда обязательно придёт!

Разговор прекратился, и на миг в душе Мякиша зажглась искорка надежды: «Они меня ищут, они меня ждут... верные мои товарищи». Но искорка тут же погасла, когда он снова почувствовал на спине холод чугунного столба. «Нет, самому не оторваться, не дотянуться до земли...»

Казалось, спасти его могло только чудо. И чудо явилось в образе обыкновенного уличного рассеянного воробья. Озорной воробьишка, чирикающая, вертелась вокруг столба до тех пор, пока не ткнулась головой прямо в Мякиша и не сшиб его на землю.

— Чуть-чуть не влип! — прочирикал воробей и полетел в небо, как зафутболенный мячик.

Мякиш пытался подняться на ноги, но плоское, расплющенное туловище сгибалось, и он всё время опускался на четвереньки.

Ах, как нужен был сейчас пластилиновому малышу Петя! Мякиш простил бы ему и недолепленное ухо, и короткую ногу, только бы тот вернул ему прежнюю форму. «Нет, уж, видно, не суждено мне встретиться с друзьями! Сравниют меня с землёй

тяжёлые каблуки, и не станет больше на свете Мякиша...»

Он вертел головой и с опаской поглядывал на тяжёлые подошвы, проносившиеся над ним.

Неожиданно в нос Мякишу ударил ароматный и сладкий дух. Повернув нос по ветру, он уловил топкие запахи ванили, корицы, мёда и сдобного теста. Все эти ароматы неслись оттуда, где находился кондитерский магазин. У Мякиша сразу бодро застучало сердце и приятно закружилась голова. Должно быть, это пахнет добрый дух из волшебных сказок. Он мог бы легко меня исцелить — ведь он добрый!..» И, напрягая последние силы, Мякиш ухватился за каблук проходящего мимо сапога. Сапог как раз держал путь в сторону кондитерского магазина.

Чем дальше ехал Мякиш верхом на каблуке, тем сильнее становились запахи доброго духа. А когда весь воздух вокруг показался ему сплошным ванильным кремом, он оттолкнулся что было сил от сапога и свалился на тротуар.

Теперь он полз на четвереньках и остановился только тогда, когда под самым его носом оказалось подвальное окно, покрытое железной решёткой. Отсюда и исходил добрый дух. Мякиш перегнулся и заглянул вниз.

В подвале творились чудеса. Ловкие машины круглыми никелированными кулаками месили белое тесто, а мастера в белых халатах нарезали его и придавали различную форму. Куски теста превращались то в рогалики, то в кренделя, то в змейки. Другие мастера заваривали разноцветные кремы и заливали в фигурные формы жидкий шоколад.

Но ловчее всех работала мастерица, которая из плоских сырых лепёшек теста делала круглые пышки. Это была полная, добродушная женщина, с уз-

кими, как щёлочки, глазами, а быстрые руки её напоминали пышные, румяные батоны. Она брала с листа блинчик теста и, ловко перебрасывая его с руки на руку, придавала ему форму мячика.

Мякиш загляделся на неё и свалился вниз.

«Нет худа без добра,— подумал он.— Может, она снова сделает из меня прежнего Мякиша?»

Он подполз к листу с лепёшками и тихонько улёгся с краю.

— Вы последний? — робко спросил Мякиш у крайней лепёшки.

Но та в ответ только пренебрежительно булькнула. Видимо, внутри у неё всё ещё играли дрожжи, поэтому она всё время ворчала.

Все пекари, булочники и кондитеры с уважением относились к полной мастерице и ласково называли тётей Феней.

«Это, наверное, добрая фея! — подумал Мякиш.— Конечно, она сделает меня ещё лучше».

Тётя Феня была опытной мастерицей, она работала, даже не глядя на руки. Пальцы её мелькали в воздухе, а сама она мурлыкала сдобную сладкую песенку:

Пирожки мои, пирожные,
Заливные и творожные,
Есть и с маком,
Есть и с таким —
Всевозможные!..

Наконец очередь дошла до Мякиша. Он зажмурил глаза и почувствовал, как нежные руки доброй Фени подхватили его и, легко пошлёпав, придали ему круглую форму. Правда, это было совсем не то, чего он хотел, но руки у тёти Фени были такие мягкие и ласковые, что ему уже больше ни о чём не хотелось думать, а хотелось только спать.

Теперь, когда он стал похожим на все остальные пышки, его бережно положили на длинный противень, смазали яичным раствором, посыпали сахаром и воткнули в живот сладкую изюмину.

«Какое счастье! — подумал Мякиш, облизывая посахаренные губы. — Как я рад, что попал сюда!»

Прошло ещё несколько минут, и его плавно понесли туда, где сияло что-то яркое и большое, точно солнце.

В это время вокруг магазина метались Непоседа и Нетак.

— Мякиш, Мякиш! — кричали они.

Но Мякиша нигде не было. Они снова и снова шарили вокруг магазина, и кто знает, чем бы закончились их поиски, если бы туда же не прилетел воробей. Тот самый воробей, который сшиб Мякиша со столба. Дорогу сюда он знал отлично. По три раза в день прилетал он к этому окну, чтобы попить, полакомиться сладкими крошками. Он видел, как свалился Мякиш в подвальное окно. Теперь, сидя на решётке, воробей кланчил сладкие крошки.

— Мальчик-чик! Мальчик-чик! — закричал он пробежавшему мимо Непоседе.

— Э-э, чем ты можешь нам помочь, серый! — махнул рукой Непоседа.

Воробей закивал головой, тыча клювом в решётку: «Фить-фить! Фить-фить!»

Непоседа сразу всё понял и ринулся к подвальному окну.

— Сюда, сюда! — кричал он Нетак, болтаясь на одной руке, которой ухватился за прут решётки.

— В чём дело? — спросил Нетак.

— За мной! — крикнул Непоседа.

Они кубарем скатились вниз и сразу увидели своего друга. Но их радость сменилась ужасом. У Непо-

седы на голове дыбом поднялись пружинки, а у Нетака — стружки.

Противень с пышками медленно вползал в печь, и Мякиша уже лизали красные языки пламени. Ещё миг — и он растает, как ириска!

Что делать?

Непоседа знал, что такое огонь. Когда-то его пружинки закаляли в пламени. Без этого они не были бы такими прочными. Но это очень больно!..

А для деревянного Нетака огонь — просто смерть! И всё же он не колеблясь побежал на выручку друга.

Оба они, Нетак и Непоседа, прямо по сырым пирогам бросились к огненной пасти. К счастью, Непоседа опередил деревянного смельчака. Он схватил Мякиша за ногу, вытащил его из печи, а заодно вытолкнул и Нетака. Мякиш шипел и пузырился, как шварка, а у Нетака обуглилась голова.

— Скорее к вентилятору! — крикнул Непоседа, устремляясь к широкой трубе, которая выходила прямо в подвальное окно.

Это как раз и был тот ход, через который на улицу выходили сладкие запахи ванили, корицы и мёда. И поверьте, если бы над магазином сняли вывеску «Кондитерские изделия», покупателей нисколько не убавилось бы, потому что добрый дух прямо за нос тащил ребятшек в свой магазин...

Мякиш лежал под вентилятором. Он дулся и пузырился, готовый каждую секунду расплыться по подоконнику.

— Ну, Мякиш, ну, миленький! — нежно просил Непоседа. — Крепись! Будь твёрдым!

— Но я не могу быть твёрдым, — со слезами отвечал Мякиш. — Вот подует на меня ветерок, и я стану чуточку твёрже.

Он начал подставлять свои бока под сквознячок вентилятора и скоро перестал пузыриться.

Друзья заметили, что он стал похож на пышную булочку, но ничего ему не сказали. Нетак всё время щупал свою обгоревшую голову, а потом гордо выпятил грудь и сказал:

— А мне полагается медаль! Медаль за отвагу!

Непоседа ничего ему не ответил. Он подождал ещё минуту, а потом схватил обоих товарищей за руки и потащил их вверх по лестнице.

Г л а в а д е с я т а я

Поездка в кремовом автобусе

Только теперь наши путешественники попали в кондитерский магазин. На полках и на прилавках грудями лежали конфеты, фигурный шоколад, торты и печенье. У прилавков толпились покупатели, но больше всего было детей. Они бегали от касс к при-

лавкам и всё что-нибудь жевали. Дети ели конфеты, а конфеты поедали их зубы. Мальчики и девочки из-за этого ужасно шепелявили, свистели и говорили примерно так:

— Товарис продавеш, позалуйста, соколадку!

— Шкажите, школько штоит «Мишка на шевере»?

— Дайте, позалуйста, сесть стук сладких сухариков!..

Непоседа, Мякиш и Нетак шныряли под стойками и во все глаза разыскивали Петю.

Но Пети в кондитерской не было. Мальчики уже хотели покинуть магазин, как вдруг вошла какая-то старушка и, подойдя к продавщице, спросила:

— Торт для моего внука Пети готов?

— Пожалуйста, готов, — ответила продавщица. — Давно готов! Только сегодня среда, а вы забираете уже воскресный торт.

— Что поделаешь, голубушка! — вздохнула старушка. — От капризита другого лечения нет. Петенька без торта шагу ступить не хочет.

Продавщица с трудом вытащила из-под прилавка торт величиной с автобусное колесо и сказала:

— Это ваш — можете проверить.

Бабушка надела очки и вслух прочитала надпись, сделанную шоколадом по белому крему:

ПЕТЕ МАМИНУ-ПАПИНУ.

— Пусть ест и поправляется, — вежливо сказала продавщица и достала большую картонную крышку.

Торт занимал почти весь прилавок, а покупатели-сладкоежки, став на цыпочки, с завистью поглядывали на его кремовые розы.

— Чего ждёте? — зашипел Непоседа, толкнув своих друзей. — Прыгайте в торт!

Непоседа и Нетак мигом вскочили в торт и втащили Мякиша, а продавщица накрыла их крышкой и туго перевязала голубой лентой.

— Ура! Тронулись! — крикнул Непоседа.

«Мягко, сладко, и билета не нужно. Отличный автобус!» — подумал Мякиш.

— Би-би! — просигналил Нетак, и торт, покачиваясь, поплыл над землёй.

Мякиш после всего пережитого набросился на кремовую розу и съел половину.

Обхватив двумя руками коробку, бабушка торопилась домой, а Непоседа, Нетак и Мякиш лежали в мягком креме и прислушивались ко всему, что происходило на улице — по ту сторону коробки.

— Бабушка пошла быстрее! — сладко зевая, сообщил Мякиш.

— Она сейчас переходит улицу, — сообразил Непоседа. — Слышите, проехал автобус!

Нетак тоже хотел что-то сказать, но захлебнулся кремом. А потом постепенно начало засасывать всех. Когда крем добрался до ртов, пришлось быстро-быстро его есть, чтобы не утонуть с головой.

Первым коснулся дна коробки Непоседа. Он стал на цыпочки и закричал:

— Эй, братцы, проедайте скорей дорожку и давайте ко мне — здесь дно!

Все трое начали быстро глотать крем, пока не выели целую пещеру, и спокойно улеглись в ней. Тут от сладкого крема у них страшно разболелись зубы.

— М-м-м! — простонал Мякиш. — Бедный Петя!

— Почему? — спросил Нетак.

— Он в день съедает по полтора торта!..

Больше никто из них ничего не сказал, потому что коробку встряхнуло и кремовая роза завалила собой всю пещеру.

Что было дальше, никто из них не помнит. Пришли они в себя только тогда, когда кто-то выудил их из крема и языком тщательно облизал с головы до пят.

Конечно, это был сам Петя. Он положил трёх малышей рядышком на стол и побежал в кухню:

— Мама, мама! Посмотри, какие в торте маленькие мальчики!

Пете и в голову не пришло, что он облизал своих старых знакомых. А Непоседа, Мякиш и Нетак, придя в себя, спрыгнули со стола и спрятались в кадучке большого фикуса.

— Мальчики! Вот они!

В комнату вбежала вся семья и домработница Дуся.

— Боже мой! — со стоном опустилась на стул Петина мама. — Ребёнок бредит, у сына температура! У него мальчики в глазах!.. На помощь, на помощь! Эта болезнь убьёт моего Петю!

— Неужели в торте мальчики? — озадаченно спросила бабушка. — Меня в кондитерской ни о чём не предупреждали. Не может быть!

— Всё может быть! — решительно заявила Дуся. — В этом доме всё может быть!

После этого бабушка подняла глаза в угол, где висел портрет Петиного дедушки, и незаметно перекрестилась.

— Кто разволновал Петю? — строго спросила у всех мама.

Бабушка сказала, что сама за Петю переписала из учебника по русскому языку упражнение под заглавием «Делай всё сам!». И решила обе заданные ему задачи. Так что Петя на неё не в обиде.

Дедушка сказал, что два раза катал внука верхом и ноги у ребёнка не должны болеть.

Непоседа, Мякиш и Нетак слушали и следили из кадушки за всем, что происходило в комнате.

— Тяжело Пете! — покачал головой Мякиш.

— Ему надо скорее бежать в лагерь, — решил Непоседа.

— В лагерь! — твёрдо сказал Нетак.

Да, положение у Пети было незавидным. Подумайте сами: уроки ему делать не давали — их делала за него бабушка. Пешком ходить не позволяли. А в футбол он мог играть только во сне. Единственное, что ему разрешали делать, — это кататься верхом на дедушке и кушать манную кашу в неограниченном количестве.

— Срочно профессора! — приказала мама. — Срочно карету «скорой помощи»! Пусть папа немедленно едет в поликлинику!

Но папы, как назло, не было дома. Мама сама решила ему уйти из дому, чтобы изготовить какой-то винтик для самокормящего аппарата. (Один рычаг плохо работал и всё время подносил ложку не ко рту, а к уху.)

Петю насильно уложили в постель и положили на голову большой тяжёлый кусок льда.

Петя дрался, как лев, капризит буквально выбрасывал его из постели. Мама подмигнула бабушке, и та, подсев к Петиной кровати, запела колыбельную песню. Внук вертелся под одеялом, как живая гора, а бабушка сонным голосом тянула:

Баю-баюшки-баю,
Внуку песенку спою.
Приходи к ребёнку в сон
Шоколадный толстый слон,
Мармеладный бегемот!
Спи хоть сутки напролёт —
Пусть растает капризит,
Вырастает аппетит...

Наконец бабушка уснула. Под постелью, облизнувшись, задремал Сардель, а потом захрапел и сам Петя. Мякиш, конечно, захрапел сразу же, как только бабушка пропела первые два слова: «Баю-баюшки».

Г л а в а о д и н н а д ц а т а я

Побег

Непоседе и Нетаку пришлось немало потрудиться, пока им удалось вытолкнуть спящего Мякиша из кадушки. Надо было срочно выручать Петю — немедленно бежать с ним в лагерь. Мальчики взобрались на постель к спящему Пете.

Над Петинной постелью висел портрет папы, как две капли воды похожего на сына.

Петя дышал глубоко, и одеяло ходило то вверх, то вниз.

— Умеет спать! — с завистью заметил Мякиш.

Петя действительно спал на «отлично». Эту работу он знал хорошо и всегда выполнял самостоятельно.

— Вставай, вставай! — звенел пружинками Непоседа.

— Вставай, вставай! — топал по постели Нетак.

Мякиш залез спящему прямо на лицо, начал тербить его за нос и, конечно, залепил обе ноздри.

Петя чихнул и проснулся.

Он заворчал по-медвежьи и приоткрыл один глаз.

— Ах, это вы! — просопел он, пытаясь перевернуться на другой бок.

— Вставай! Вставай! — в отчаянии крикнул Непоседа. — Надо скорее бежать!

— А куда? — спросил спросонья Петя.

— В лагерь!

— В лагерь?! — оживился Петя и даже приподнялся на постели.

— Да, в самый настоящий пионерский лагерь! Там лес, там река...

Большого Непоседа о лагере сообщить не мог, потому что сам никогда там не бывал. А Петя знал, что такое пионерский лагерь. В прошлом году он там пробыл целый день, но остаться ему не удалось. Мама поставила условие: «С Петей в отряде должен находиться дедушка и ухаживать за ним!» Ей даже удалось уговорить директора. Одно свободное место было в десятом отряде, у самых маленьких. Дедушке выдали майку, трусики, белую панамку и сачок для ловли бабочек. Он уж было начал ловить для своего звена всяких насекомых и мотыльков, но вожатая потребовала, чтобы он сбрил свою бороду. Дедушка категорически отказался. Он обиделся, вернул вожатой сачок и ушёл на станцию. Тогда мама забрала Петю и тоже уехала с ним домой.

Теперь, лёжа в постели, зажмурив на миг глаза, он ясно представил себе лагерь: лес, ребята бегают босиком прямо по шишкам, играют в мяч, ловят больших, как модели планеров, бабочек; с утра до вечера сидят по шею в реке, играют в индейцев и танцуют у костра... А потом пекут картошку в костровой золе и едят её, горячую, душистую, рассыпчатую...

— Ой, картошка! — сказал Петя и сбросил одеяло.— В лагерь! Еду в пионерский лагерь! — закричал он и, путаясь в широкой рубаше, запрыгал по постели.

Непоседа, Мякиш и Нетак еле успели перепрыгнуть на подоконник. Кровать рухнула, и из-под неё раздался визг. Снова досталось Сарделю.

— Еду в лагерь! Еду в лагерь! — продолжал кричать Петя, уже прыгая по комнате.

Бабушка проснулась и стала звать на помощь. В дверях показались мама и Дуся.

— В чём дело? — заломила руки мама. — Что с тобой, Петенька?!

— Я еду в лагерь! — решительно заявил он.

— Наконец-то! — сказала домработница Дуся. — Пусть дитя едет! Там много воздуха, и всем нам легче будет дышать.

— Что ты говоришь? — испугалась мама. — С кем едет?

— С ними, — сказал Петя, — с мальчиками.

Но мама не видела малышей, потому что глаза её были полны слёз.

— Какие мальчишки? — воскликнула она и схватила метлу. — Вон из моего дома! В милицию их! Ловите!.. Подумайте только — в лагерь! — кричала она, орудуя метлой. — Там инфекции: коклюш, свинки, ангины, скарлатины!.. Там некому одевать и кормить!.. Петенька, — бросилась она к сыну, — мы тебе купили самого дорогого осла!

— Не хочу играть с ослом, хочу — с ними!

— С кем? — закричала мама и снова заметалась по комнате. — Где они? Ловите!

Бабушка и Сардель тоже начали ловить невидимых малышей.

Непоседа ловко прыгнул на шкаф, со шкафа — на карнизы, оттуда — на стол, со стола — под буфет. А Нетак и Мякиш сидели на шкафу и терпеливо ждали, пока утихнет буря.

Наконец, Непоседа вскочил на спинку кровати и прошептал Пете на ухо:

— Одевайся и беги! Встретимся на улице!

— Идёт! — просиял Петя. — Ищите меня на углу, в садике, — и начал сам одеваться.

Оказывается, он не умел только зашнуровывать ботинки, остальное же, представьте себе, делал легко и быстро.

Комната ходила ходуном, как при землетрясении. На пол летели то ваза, то бутыл с наливкой, то тарелки сыпались из буфета, и всё, как нарочно, валилось на толстого, неповоротливого Сарделя.

Не видя нигде никаких мальчишек, мама приказала:

— Скорей в спальню! Они — там! — При этом она махнула щёткой и угодила прямо в стекло балконной двери.

Дзе-е-ень!.. — пропело стекло и захлебнулось свежим ветерком.

Мама и бабушка не обратили на это внимания и скрылись в спальне.

— Ну и наломали же дров! — сердито сказала Дуся и принялась наводить порядок.

А Петя, улюлюкая, выбежал в парадное и скатился по перилам вниз. Обратите внимание — скатился! До сих пор его сводили по лестницам медленно и только за руку.

Комната опустела.

— Путь свободен! Вперёд, на балкон! — воскликнул Нетак, показывая на разбитое стекло.

Однако дыра была высоко — до неё не допрыгнуть.

Вдруг Непоседа увидел патефон. Диск его быстро вращался. Патефон утром забыл выключить Петя.

Петя тоже иногда занимался изобретательством, как и отец. У него были способности.

Не зря же он был сыном конструктора.

Патефон он приспособил для стрельбы. Хотите знать, как? Очень просто. Для этого надо включить патефон и на вращающийся диск положить горошину, спичку или хлебный катышек. Бросишь на диск такую пулю — и она

летит хоть в стенку, хоть в кошку, хоть в окно—куда захочет.

Первым со спинки стула на диск соскочил Непоседа. В тот же миг он вылетел в разбитое окно балконной двери, только звон прокатился по комнате. Нетак почему-то полетел в другую сторону и угодил в папин портрет, который висел над Петиной кроватью.

Тогда он снова взобрался на спинку стула и снова прыгнул.

На этот раз он прыгнул более удачно: угодил в окно, но пробил в нём новую дыру.

Хуже обстояло дело с Мякишем. Он прилип к диску, и от быстрого вращения его пластилиновое тело начало расплзаться, как мягкая глина на круге гончара-горшечника. Он с ужасом вспомнил себя распластанным на столбе и собрал все свои силы. Крякнув, он оторвался от диска и тоже вылетел на балкон.

Следом за ним почему-то вылетел плюшевый осёл. Впрочем, этого следовало ожидать, потому что он никого в доме не успокаивал, а только раздражал. Кому в доме нужен осёл?

Г л а в а д в е н а д ц а т а я

*Петя сам ходит по улице. Цирковая тележка.
«Але-оп — сальто-мортале — кульбит — гав-гав-гав!..»*

— А как мы попадём на улицу? — озадаченно спросил Непоседа, с опаской поглядывая вниз с четвёртого этажа.

— Э-эх! — пропищал Мякиш. — Я так и знал! Всегда что-нибудь помешает в последнюю минуту...

А Петя в это время шёл по улице без провожатого. Петя не знал, что делать от счастья. То ему хотелось лечь на мостовую и смотреть в небо, то бежать против движения, то ходить колесом или прыгать на одной ноге.

«Смотрите! — хотелось кричать ему. — Я хожу по улице без мамы и папы! Я самостоятельный! Могу делать что хочу, идти куда хочу, ходить как хочу! Вот возьму да пойду на руках по мостовой! Вот возьму и нарушу правила уличного движения!..»

Однако Петя ничего этого не сделал, потому что прохожие смотрели вовсе не на него. Их внимание привлекла маленькая цирковая тележка, запряжённая пони — карликовой лошадкой. Пони вёл под уздцы лилипут, а на тележке стояли две рекламы, упираясь верхними краями друг в друга так, что получалось что-то вроде шалаша.

Петя тоже увидел рекламы. По его телу пробежала радостная дрожь, щёки зарумянились, а глаза загорелись как бенгальские огни. Ведь он давно уже хотел стать цирковым клоуном, самым весёлым и смешным человеком, любимцем публики! Это была заветная, почти позабытая мечта. Да-да, он хотел падать и смешить людей, вызывать бурю аплодисментов.

А какая реклама была на щитах! Она манила и звала, тянула к себе как магнит. Красивые морские львы напоминали людей, завязанных в чёрные мокрые мешки. Львы ловили открытой пастью рыбу и носом ловко отбивали разноцветные мячи. На толстой осёдланной свинье, похожей на огромный мешок белой муки, верхом сидела мохнатая обезьяна в цилиндре. Одной рукой она держала сигару, а другой ловко чесала спину. Гусь с длинной изогнутой шеей держал в клюве фанерную дощечку с цифрой «5» — настоящей школьной «пятёркой». А рядом, оседлав одноколёсный велосипед, малыш в спортивном костюме кричал в рупор:

ВНИМАНИЕ!

ВНИМАНИЕ!

Сегодня новая программа!

Три дневных представления!

На арене мировые рекордсмены!

Знаменитый фокусник Клеопарди!

Вульдоги-футболисты

СПЕШИТЕ!

СПЕШИТЕ!

Всё это было нарисовано на рекламных щитах.

У Пети внутри что-то задрожало. Забыв обо всём на свете, он бросился наперерез движению, увёртываясь от машин с ловкостью, которой от него трудно было ожидать.

Только дважды задерживался он на мостовой — он не знал, в какую сторону бежать от автомобилей. Петя влево — машина слева, Петя вправо — машина справа. От них-то он отвязался, а с велосипедистом столкнулся — с огромными дырами на штанах побежал дальше.

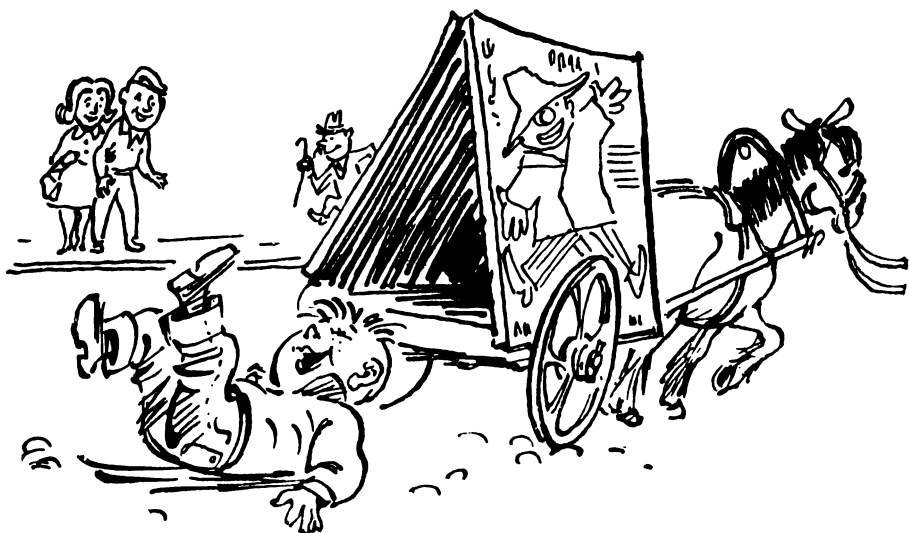

Догнав тележку, он забрался под рекламные щиты и оттуда начал размахивать руками, строить гримасы, кричать петушиным голосом и даже лаять:

— Здравствуйте! Меня зовут Бим! Ха-ха-ха!.. Новая программа! Бесплатные билеты! Спешите! Спешите!.. Але-оп — сальто-мортале — кульбит — гав-гав-гав!..

Затем Петя попробовал сделать на тележке стойку, но руки не выдержали его собственного веса, и он, словно куль, шлёпнулся на мостовую. Прохожие смеялись и аплодировали. Они были убеждены, что всё это подстроила цирковая администрация, что это настоящий клоун. А услышав про бесплатные билеты, многие тут же поторопились прямо в цирк. Впереди всех, конечно, бежали ребята.

Петя, ковыляя, догнал тележку, снова залез на неё, и вся эта живая реклама на колёсах поехала дальше.

Глава тринадцатая,

и, несмотря на это, счастливая, потому что все наши путешественники попадают в цирк

Непоседа, Мякиш и Нетак всё ещё находились на балконе четвёртого этажа. В комнату они войти не могли, а как очутиться на улице? Вот вопрос, над которым приходилось ломать голову.

После долгого раздумья Мякиш сказал:

— Лучше всего, пожалуй, съехать вниз,— и указал товарищам на водосточную трубу, которая проходила рядом с балконом.

Непоседа первым прыгнул на трубу. Железо под ним зазвенело, завизжало и задрожало. Со стороны можно было подумать, что кто-то ножом скребёт кастрюлю. А из-под его металлических ног и рук словно от точильного круга брызгами рассыпались искры.

Когда спускался деревянный Нетак, труба глухо тарахтела: бум-турурум! Турурум-бум!..

Последним прыгнул на трубу Мякиш. Солнце нагрело трубу, и весь он прилипал к ней. Поэтому, когда он отклеивал поочерёдно руки и ноги, труба говорила: «Смак-чвак! Чвак-смак!»

Прохожие с испугом оглядывались на трубу, опасливо сторонились и даже переходили на другую сторону.

Наконец наши путешественники съехали на тротуар.

— Садик! Садик! Я вижу садик!— закричал Непоседа.— Скорей туда, там ожидает Петя!..

И все трое побежали на угол, где за металлической изгородью был разбит небольшой сад. Но Пети там не оказалось.

Непоседа обегал все аллеи, все клумбы, искал

под каждым листиком и цветком, но так и не нашёл его.

— Всё пропало — Пети нет!

— Я так и думал,— зевнул Мякиш, укладываясь спать под садовую скамейку.

Но тут Непоседа заметил, что на тротуаре появились десятки ребячьих ног. С каждой минутой их становилось всё больше и больше.

Ребята весело переговаривались, и сверху то и дело доносилось:

— Скорей, скорей!

— Вот здорово — бесплатные билеты!

— А вдруг нам не достанутся?

— Ух и программа сегодня!..

На противоположной стороне стояло большое круглое здание, украшенное цветными афишами. Из репродукторов неслась весёлая музыка и громкий голос извещал:

«Внимание! Внимание! Начало через пять минут!..»

— Да это же цирк! Цирк, цирк! — запрыгал Непоседа.

— Ну и что ж с того, что цирк? — совершенно спокойно сказал Мякиш. — Нам сейчас до него нет никакого дела. У нас пропал Петя. Он должен идти в пионерский лагерь, а не в цирк.

Нетак уже давно смотрел на яркие афиши и готов был побежать за городскими ребятами, но ноги его почему-то шли в противоположную сторону. Это был первый случай, когда деревянный упрямец пожалел, что он во всём не так.

Непоседа стоял очень огорчённый словами Мякиша, и вид у него был такой, словно его окатили ушатом холодной воды. И всё же он попробовал снова заикнуться о цирке:

— А... а всё же цирк есть цирк!— сказал он.

— Гм, ты, как никогда, прав,— ехидно пропищал Мякиш.— Цирк — это действительно цирк, и в этом тебе даже Нетак не станет перечить. Но подумайте, зачем Пете бежать в цирк, когда ему нужно бежать в пионерский лагерь? Тем более, что лагерь — это тоже в некотором роде цирк: там немало ребят с утра до вечера ходят на голове и вытворяют такое, что не всякий акробат сделает.

— Конечно,— печально вздохнул Непоседа.— Нужно искать Петю, хотя я бы на его месте пошёл сейчас в цирк.

И тут как раз совершилось неожиданное: слова Непоседы оправдались. На мостовой показалась тележка, на которой торжественно восседал Петя. Тележка направлялась прямо к воротам цирка.

— Ага! Что я говорил?!— радостно подпрыгнул Непоседа.— Вперёд, за Петей!

Тут уж ничего другого не оставалось, как бежать за тележкой. И друзья побежали к цирку. Но — не успели. Тележка въехала в цирковой двор, и ворота закрылись перед самым носом Непоседы, Мякиша и Нетака. Непоседа не смог перенести такого огорчения и щёлкнул Мякиша в лоб, отчего у того осталась заметная вмятина.

— Ну что, ну что нам теперь делать?!— со слезами на глазах прозвенел Непоседа.— Как мы доберёмся до Пети?

— Ничего страшного не случилось,— выпрямляя вмятину на лбу, сказал Мякиш.— Билеты бесплатные, и касса ещё открыта.

Но у кассы творилось что-то невообразимое. Ребята шумели, орали и требовали самого директора.

— Да вы что?!— кричала из окошка кассирша.— Какие такие бесплатные билеты? Кто вам сказал?

— Кто? Ваш главный клоун — вот кто! — кричали ребята. Они заседали, требовали, шумели...

Непоседа, Нетак и Мякиш так и не сумели пробиться к кассе. Но тут раздался первый звонок, и толпа быстро рассеялась.

Мальчики оказались одни перед кассой. Под окошко кассы тотчас же был пододвинут толстый кирпич. Нетак влез на него первым. На плечи ему залез Мякиш, а Мякишу на голову взобрался Непоседа. Пирамида раскачивалась, но Непоседа успел дотянуться до окошка кассы и крикнуть:

— Билет!..

Но только кассирша протянула билет, как пирамида с грохотом рухнула. Пришлось заново строить пирамиду.

— Сколько раз вам повторять — бесплатных билетов нет, платите деньги!

Пирамида рухнула в последний раз. Денег, конечно, ни у кого из них не было, и, если говорить правду, они их ни разу в жизни не видели.

Минуту спустя Непоседа, Мякиш и Нетак стояли у входных дверей, где всё ещё толпились ребята. Одни приставали к взрослым и просили:

— Тётяшка, возьмите меня с собой!

— Дяденька, скажите, что мы ваши сыночки!..

Другие кричали и возмущались:

— Почему нет бесплатных билетов?!

— Сам главный клоун объявил, что билеты бесплатные!..

А представление уже начиналось. На улице были слышны музыка, смех и аплодисменты. В дверях появился огромный мужчина в плаще и шляпе. По всему видно было, что это бывший борец. Он тяжело дышал, а уши его, раздавленные в схватках, двумя блинчиками плотно прилегали к голове.

— Никаких бесплатных билетов нет! — сошел он. — Это какой-то шарлатан обманул вас! — И, обращаясь к контролёрше, приказал: — Чтобы у вас без билета ни один человек не прошёл! Ни один!

Это был сам директор цирка, потому что контролёрша так и сказала:

— Не волнуйтесь, товарищ директор, у меня без билета ни заяц, ни мышь не прошмыгнут!

Контролёрша была строгая и бдительная: на её носу сидело две пары очков, билеты она подносила к самому носу и ещё прощупывала их руками.

Вдруг к дверям подошёл мальчик с папирсой в зубах и тросточкой в руке и спокойно прошёл мимо контролёрши.

— Ваш билет? — строго спросила она и остановила мальчика.

— Вы что, не видите? — сказал мальчик. — Я лилипут, ассистент фокусника Клеопарди!

— Ах, простите, я вас не узнала!— извинилась контролёрша.

Но тут появилось ещё с десяток «лилипутов», и, если бы не директор, контролёрша всех пропустила бы.

— Вон отсюда, бесстыжие! — крикнул директор. — А ещё в школе учитесь!..

Это были те самые ребята, которые надеялись на бесплатные билеты.

— Но мы-то настоящие, самые лилипутные лилипуты! — воскликнул Непоседа. — Нас обязаны пропустить!

— Стойте! А вы кто такие?— спросила контролёрша, преградив им путь ногой.

— Мы — великаны! — выпалил Нетак.

— Ишь мышинные великаны, марш отсюда! — сказала контролёрша и засмеялась.

Вдруг Непоседа толкнул друзей и, лихо подпрыгнув, очутился в оттопыренном кармане директорского плаща. Тот ничего не заметил, потому что отдавал какие-то распоряжения маленькому толстенькому человеку — как видно, администратору цирка.

— Сюда, сюда! — шипел Непоседа и протягивал вниз свои руки-пружинки.

Нетак мигом ухватился за них, Мякиш — за ноги Нетака, и все трое очутились в директорском кармане. Ещё секунда — и «мышинные великаны» без билетов спокойно въехали в цирковое фойе, куда пошёл директорский плащ.

Контролёрша отлично видела проделку трёх малышей, но никому ни слова не сказала, только проворчала директору вслед:

— Нам не велит пропускать без билета, а сам водит бесплатно кого захочет.

Конечно, что можно директору — нельзя контролёру.

Г л а в а ч е т ы р ь н а д ц а т а я

Новые таланты Пети

Петя давно уже был в цирке. Он околачивался в большой комнате, где артисты ожидают своего выхода. Перед ним проходили силачи-рекордсмены, девушки-канатоходцы, конюхи вели под уздцы белых коней с пышными султанами на голове. Служители в синей форме с золотыми галунами проводили дрессированных медведей и свиней.

Петя не знал, с чего ему начать. У него не было клоунского костюма. Будь на нём сейчас этот костюм,

он не задумываясь побежал бы на манеж, а уж там знал бы, что делать. Петя стоял в раздумье и чесал затылок.

Около него остановился дрессированный гусь-математик, тот самый, что был нарисован на рекламе, и, подмигнув, сказал: «Га-га-га!» Затем немного подумал и важно подал ему жирную «двойку», нарисованную на фанере: дескать, вот тебе за твою недогадливость.

Но в эту минуту к Пете подошла женщина с ворохом костюмов и сердито сказала:

— Чего вы стоите? Сейчас выход акробатов-прыгунов, одевайтесь!— и, схватив его за руку, потащила в комнату, заваленную пёстрыми костюмами.

Петя хотел сказать, что он никакой не прыгун, а клоун, но промолчал и стал поспешно раздеваться.

Что было делать? Иначе ведь на арену не попадёшь. Костюмерша помогла ему стянуть рубашку и штаны и стала надевать на него спортивную форму.

— Что это с вами случилось?— спросила она, с трудом натягивая на его покатые плечи костюм.— Отчего вы вдруг растолстели?

— Это я так надулся,— сказал Петя.— Тяните скорей! Я сейчас обратно выдуюсь.

Костюмерша так и не смогла застегнуть пуговицы на его спине и, махнув рукой, выпроводила его из комнаты.

У входа на арену Петя заметил группу артистов и пристроился к ним.

А в это время директор цирка прошёл в конюшню, и, хоть она называлась конюшней, там, кроме лошадей, стояли слоны и верблюды, а в звериных клетках сидели свиньи, петухи и кошки. Директор снял плащ, повесил его на гвоздь и удалился.

Раздумывать было некогда.

— Прыгайте!— скомандовал Непоседа и соскочил на асфальтовый пол.

За ним вывалились Нетак и Мякиш.

— Зде-есь Пети нет!— сказал Мякиш.— Что ему де-елать среди свиней и медведей?

— За мной, на арену!— зазвенел Непоседа,

Но где находилась арена, никто из них не знал. Они устремились вперёд и впопыхах наткнулись на клетку с обезьяной. Мартышка подскочила к решётке и что-то затрещала на своём обезьяньем языке.

У мартышки были очень умные глаза, а обезьяний язык оказался не таким уж сложным. Они бы охотно побеседовали с ней, но сейчас было не до этого.

— Простите, вы не скажете, как пройти на арену?— вежливо спросил Непоседа.

Обезьяна немедленно протянула хвост через решётку и, свернув его узелком, показала кукиш.

— Ловко!— изумился Мякиш.

А Нетак рассердился и ударил деревянным кулаком по дверце. Замок звякнул, и дверца распахнулась. Обезьяна как пуля выскочила из клетки и исчезла.

— Сами найдём, подумаешь!— рассердился Непоседа и побежал по длинному коридору.

Чем дальше они бежали, тем громче были слышны смех, музыка и аплодисменты. Так они оказались у выхода на манеж.

Проскочив под бархатными портьерами, человечки очутились в большом цирковом зале у круглого барьера, обтянутого красным плюшем.

Прожекторы освещали арену, оркестр играл весёлый галоп, публика шумно хлопала. Ослеплённые яркими лучами прожекторов, они сперва ничего не

могли разглядеть, но, когда глаза их привыкли к свету, они увидели перед собой Петю. Что с ним происходит, они понять не могли. Одетый в тесную цирковую форму, Петя вырывался из рук каких-то акробатов.

Наконец он вырвался, вскочил на доску трамплина и весело крикнул:

— Але-оп!

На другой, поднятый конец доски с высокой стойки прыгнул здоровенный детина. У-у-ух! — тяжело вздохнула доска, и Петя, раскинув руки и ноги, полетел вверх, как мешок, набитый опилками.

По металлическому телу Непоседы словно пробежал ток. У Нетака на голове стружки стали дыбом. А Мякиш от страха так похолодел, что тело его окаменело, и он долго не мог разнять рук. В цирке за скрипели стулья, и под куполом, как ветер, пронеслось шумное «ах».

Петя неуклюже перевернулся в воздухе и полетел головой вниз. Оркестр захлебнулся. Ещё миг — и Петя не собрал бы своих костей. Но у самой земли его подхватили крепкие руки акробатов, и все вместе грохнулись на землю. Публика радостно вздохнула. Акробаты схватили Петю за руки и, бледного, брыкающегося, повели к выходу.

Г л а в а п я т н а д ц а т а я

Под куполом цирка. Небывалая футбольная встреча

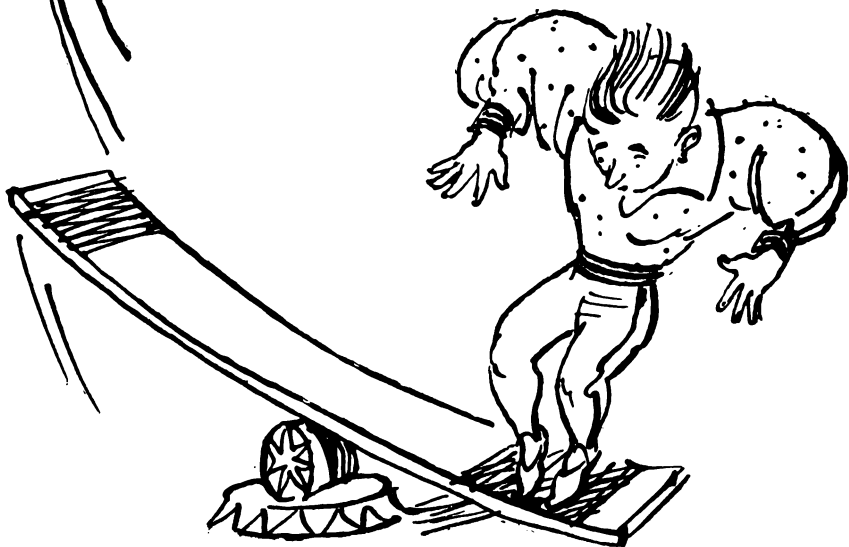
За кулисами стояла костюмерша и держалась руками за голову, а рослые парни-акробаты кричали, перебивая друг друга:

— Кто подсунул нам этого толстяка?

— Это какой-то самозванец!
— Мы предупреждали, что наш Вова
болен, что выступаем без него!
— Вон его из цирка!..

Но не тут-то было. Петя пришёл в себя
и начал вырываться. Кто знает, чем бы всё
это кончилось, если бы в эту минуту не по-
явилась обезьяна, та самая, которую выпу-
стил из клетки Нетак. Задрав хвост, она

мчалась по коридору, а за ней бежал сам директор цирка и на ходу отдавал распоряжения:

— Ко мне, на помощь! Ловите! Держите!..

Артисты, конечно, тут же забыли о Пете и принялись выполнять приказ директора.

Петя же, воспользовавшись суматохой, быстро подбежал к большим ящикам, на которых белыми буквами было написано: «Клеопарди», и влез в один из них.

Как раз в это время знакомый нам лилипут, ассистент знаменитого фокусника Клеопарди, подошёл к ящику, бросил в него петуха и трёх кроликов и захлопнул крышку.

Двое рабочих подцепили ящик крючком к канату, и он медленно поехал через выход вверх. Выше, выше, выше и остановился под куполом цирка.

— Теперь даже я не допрыгну до него, — сказал Непоседа.

— А может, его не выдержит верёвка? — понадеялся Мякиш.

— Оборвётся! — решительно проскрипел Нетак. Но всё обернулось иначе.

Теперь у выхода на арену толпилась целая свора бульдогов в трусах. У псов были обрублены хвосты и уши.

Униформисты чертили на арене, засыпанной опилками, футбольное поле и расставляли флажки. Клоун в длинном пиджаке и коротких штанах устанавливал ворота. Он всё время падал и хватался за нос, а когда чистил его, из ноздрей целой струёй сыпались опилки.

Непоседа, Мякиш и Нетак приплы в такой восторг, что совсем забыли о Пете. Они прыгали под стульями и хохотали так, что зрители, сидевшие над ними, недоуменно переглядывались. Шутки клоуна будто специально были придуманы для игрушечных мальчиков.

Наконец снова зажглись прожекторы, оркестр заиграл польку-лайку, и клоун провозгласил:

— Лучший аттракцион новой программы — бульдоги-футболисты!.. Прошу!..

Публика заёрзала на стульях, засвистела, зашумела, зааплодировала, и на арену выбежала лающая команда.

Началась разминка. Судья-бульдог в белой рубашке сам нарушал всякие правила игры: он мешал игрокам, бросался на мяч и толкал его своим тупым носом.

Зрители превратились в ярых болельщиков; они начали обниматься, целоваться и грызть семечки — совсем как на стадионе.

Клоун засунул два пальца в рот и свистнул. Разминка прекратилась. Потом он достал из-под полы новенький красный футбольный мяч и, зажав его под мышкой, объявил:

— Уважаемые зрители, сегодня на нашем поле находится знаменитая футбольная команда «Ни уха, ни хвоста», победительница игр прошлого сезона, завоевавшая кубок «Любительской колбасы»!

Публика наградила футболистов бурей аплодисментов.

Клоун продолжал:

— Наша команда вызывает любую команду на состязание. Победители в награду получают прекрасный приз! — И он завертел на шнурке вокруг головы

красный мяч, который мог бы стать гордостью любой дворовой команды.

Только он это сказал, как ящик под куполом дёрнулся и закачался, точно маятник. Ни кролики, ни петух не были в этом повинны. Вертелся в ящике Петя. Он слышал, что сказал клоун, а в щёлку, которая была на дне, видел красный футбольный мяч. Пропадала такая возможность! Есть мяч, есть команда, а играть он не может. Пете в эту минуту было безразлично, где играть, за кого играть, лишь бы играть. Вот почему под куполом цирка дёргался и качался ящик с надписью: «Клеопарди».

Среди публики нашлись смельчаки, которые пожелали сразиться с бульдогами, но, разглядев соперников поближе, немедленно убежали.

— Что-то не падает наш Петя,— сказал Непоседа, поглядывая из-под стула на болтающийся ящик.

— Это и понятно,— заметил Мякиш.— Чего Пете торопиться вниз, если он нас не видит.

— А у меня идея!— дёрнулся Непоседа и стукнулся головой о сиденье кресла.— Надо сразиться с бульдогами! Чем мы не команда?!

— Команда!— буркнул Нетак.

— Вперёд! На арену!— потянул друзей Непоседа, и все трое выкатились на манеж.

Публика сначала затихла, а потом задвигалась, зашумела. Посыпались вопросы: «Кто?», «Что?», «Откуда?» Некоторые даже подбегали к барьеру, чтобы поближе разглядеть небывалых человечков. Клоун сначала протёр глаза, а потом схватил метлу и направился к трём мальчикам. Но тут появился сам директор цирка. Он задержал клоуна и что-то шепнул ему на ухо. Клоун оглушительно захохотал и хлопнулся на опилки. Затем вскочил, отряхнул свои короткие брюки и снова объявил:

— Уважаемые болельщики! Сейчас произойдёт небывалая в мире встреча между командой «Ни уха, ни хвоста» и командой марсиан-великанов!.. Итак, разыграем ворота и подачу!

Клоун быстро оторвал от своего синего пиджака белую пуговицу и протянул обе руки вперёд со сжатыми кулаками.

Бульдог — капитан команды — решил, что в руке у клоуна сахар, и, подпрыгнув, схватил пастью весь правый кулак. Затем, рыча, выплюнул пуговицу и грубо облял клоуна.

— Чего тут долго раздумывать? — воскликнул Непоседа. — Вперёд, братцы, сразимся!

— Что ты... — протянул было Мякиш, но деревянный упрямец так ткнул его кулаком в бок, что Мякиш покатился как шар.

Непоседа схватил друзей за руки и потащил их на футбольное поле. Игрушечная команда заняла западные ворота и расположила силы так: Мякиш стал в воротах, Нетак — на защиту, а Непоседа, конечно, стал нападающим.

Игру можно было начать в любую минуту, судья-бульдог свистел не переставая, потому что сирена была вделана прямо в намордник.

Г л а в а ш е с т н а д ц а т а я

20 : 3 в нашу пользу. Триумф фокусника Клеопарди

Население города, в котором жил Петя, состояло из одних болельщиков футбола, чего за другими городами не замечалось.

Ещё не начался матч, а в проходы цирка потоками валили люди. По городу с быстротой молнии про-

нёсся слух, что в цирке происходит футбольная встреча с командой марсиан-великанов.

К цирку, визжа тормозами, подкатывали машины, толпы болельщиков загрохотали улицы. Директору пришлось вызвать конную милицию, чтобы спасти стены цирка от бешеного напора публики. Он потирал руки и приговаривал:

— Неслыханный успех! Колоссальные сборы! Аншлаг!— и выдавал кассиршам новые билетные книжки.

А жители города всё прибывали. Тысячи не пропикших в цирк стояли под репродукторами и слушали репортаж о футболе, который вёл главный клоун.

Матч длился уже десять минут, а счёт всё ещё не был открыт. Подтянув трусы, бульдоги бросались на ворота противника, но Нетак умело держал защиту, а Непоседа ловко уводил мяч и гнал его подальше от своих ворот. Нелёгкая это была работа для игрушечных человечков. Мяч был кожаный, плотный, чуть побольше самих игроков. Чтобы покатить его вперёд, Нетаку и Непоседе нужно было разогнаться и весом всего тела бить по мячу. Мякиш, который хоть и зевал без конца, не прозевал ни одного мяча. Он то и дело сплющивался от ударов, принимал разные формы, но быстро приходил в себя.

Борьба с каждой минутой обострялась. Бульдоги вели нечестную игру: они огрызались и хватали зубами противников. Особенно был страшен полосатый бульдог из нападающих. Одного глаза у него не доставало (он был потерян в драке), но другой глаз, существующий, был страшнее двух волчьих. Зелёный и круглый, он метал свирепые молнии. Взгляд его был равносителен укусу.

Этот футболист и привязался к Непоседе. Он всё время наступал ему на пятки и норовил подставить

лапу. Клыки его то и дело касались спины железного игрока.

Непоседа терпел сколько мог, а потом решил на самую крайность.

«Глупый пёс! Наверное, никогда не пробовал железа», — подумал он и круто остановился.

В тот же миг спина его оказалась в собачьей пасти. Раздался звон и хруст. На опилки упали два белых клыка. Цирк огласился диким воем. Обхватив лапами морду, бульдог катался по арене. Судья свистел и лалял. Игра приостановилась. На поле выехала карета «скорой помощи», запряжённая двумя белыми пшпцами, и увезла пострадавшего.

Теперь, не выпуская инициативы из своих ног, команда Непоседы успешно нападала на ворота противника.

Под куполом цирка сотрясал свою тюрьму Петя. Ящик угрожающе раскачивался над ареной. В это время в одной из лож появился новый болельщик, какой-то плотный мужчина. Не успев сесть на стул, он начал кричать:

— Так их, родименьких!.. В коробочку их, в коробочку!..

Болельщик так прыгал, что чуть не вывалился из ложи. Спасибо, соседи успели схватить за ноги.

Непоседа, Мякиш и Нетак повернули головы на крик и замерли. Лицо нового болельщика показалось им знакомым.

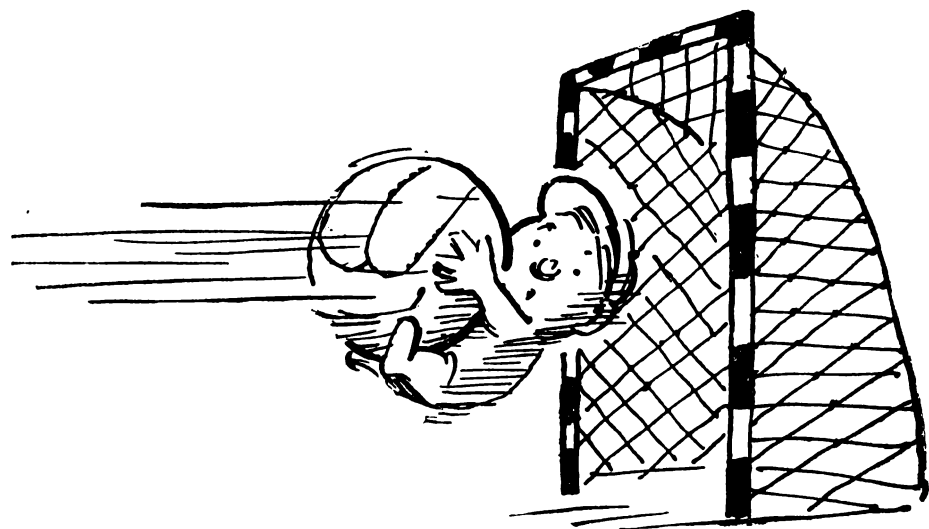
— Да это же Петин папа!— воскликнул Непоседа и сел от неожиданности на опилки.

Сомнений быть не могло: папа был копией своего портрета, который висел над Петиной кроватью.

Сидя взаперти под куполом, Петя болел, ящик ходил ходуном и каждую минуту мог сорваться.

Петя, конечно, тоже увидел папу и от этого почувствовал во рту вкус манной каши. Однако о последствиях возможной встречи он не подумал, потому что игра увлекла его целиком.

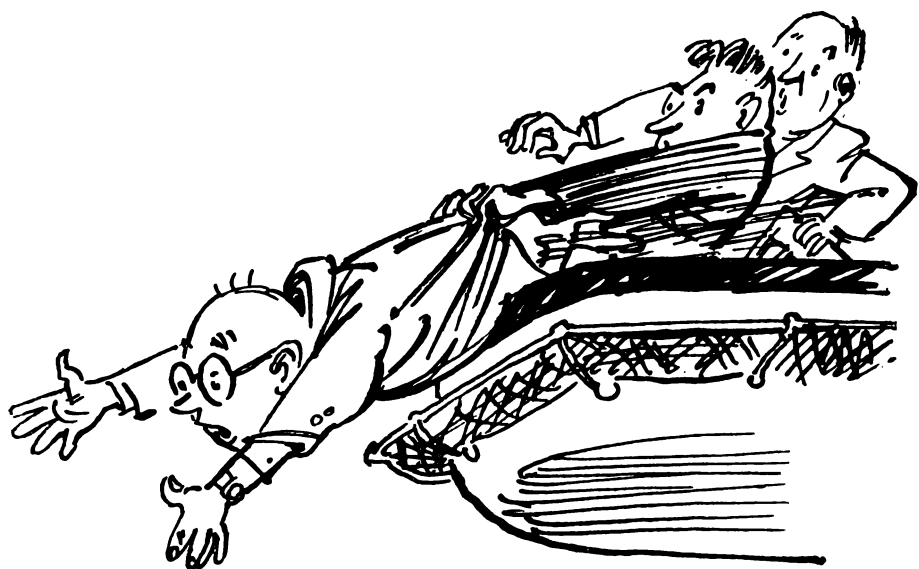
Минутой растерянности воспользовались бульдоги. Они перехватили мяч, и отнять его теперь, казалось, было невозможно. Но в эту минуту какой-то болельщик, чтобы поднять дух собачьей команды, швырнул на поле сосиску. Бульдоги, забыв про мяч, организованно набросились на неё, и вся команда,

с капитаном и судьёй во главе, превратились в рычащий и лающий клубок. Пока клоун разнимал бесхвостых футболистов, Непоседа под ликующие крики болельщиков забил один за другим десять голов. Он забивал мяч в ворота, сам выкатывал его и снова забивал. Наконец от сосиски ничего не осталось, и бульдоги, подкрепившись, с новыми силами начали атаковать игрушечных футболистов.

Положение с каждой минутой становилось всё опаснее. Во-первых, судья был бульдогом и явно подыгрывал своей команде; во-вторых, нашим друзьям всё время били штрафные из-за рук, которыми Непоседа и Нетак задевали мяч. Бульдогам штрафных присудить нельзя было, потому что пойдя разберись, где у собаки руки, а где ноги. У них сплошные лапы. Можно было бы, скажем, засчитать хвост, но и того у них не было: хвосты и уши были у них обрублены ещё в щенячьем возрасте. Отсюда и получила команда своё название «Ни уха, ни хвоста».

Папа в ложе бушевал как вулкан; мамы рядом не было, и он мог позволить себе что угодно. Возмущённый поведением судьи, он первый закричал:

— Судью с поля!..

В публике его поддержали:

— С поля!..

Ряды собачьей команды дрогнули и пришли в замешательство.

Счёт начал быстро расти в пользу нашей команды. Игра могла закончиться для бульдогов всухую, если бы не Нетак. Всё ему казалось неправильным, потому что ничего не делалось наоборот. Он терпел, пока мог, но на последней минуте игры повернулся лицом к собственным воротам и забил в них подряд три мяча. Мякиш, конечно, прозевал на этот раз все три удара.

Матч закончился со счётом 20:3 в пользу нашей команды. Под бурные аплодисменты зрителей и троекратный туш оркестра клоун вручил победителям новенький красный футбольный мяч.

Ящик под куполом застонал. Непоседа, Мякиш и Нетак ухватили мяч за шнурок и побежали с арены.

— Скорей, скорей! — торопил Непоседа.

— А Пе-етя? — спросил Мякиш.

Конечно, покинуть цирк они не могли: под куполом в ящике висел Петя, а в ложе сидел его папа. Пришлось вернуться в зал и снова залезть под кресло первого ряда.

Теперь на манеже шла подготовка к выступлению фокусника Клеопарди. Униформисты вытаскивали на манеж длинные ящики, клетки, всякие столики, несли пилы, пики и сабли. Потом выкатили большой ковёр, и когда его развернули, то внутри оказался клоун. Он встал, отряхнулся, раскланялся на две стороны и объявил:

— Выступает знаменитый фокусник-иллюзионист Клеопарди!

Сказал и исчез, как сквозь землю провалился. Публика зааплодировала первому чуду фокусника, и на манеж под звуки турецкого марша вышел сам Клеопарди. На нём был широкий пёстрый халат, на голове — голубая чалма с драгоценным камнем, а шёл он, скрестив на груди руки и опустив глаза. Ни дать ни взять — чародей и волшебник!

За Клеопарди шла его свита. Свита состояла из лилипутов и женщин. Лилипуты несли зажжённые факелы, а женщины просто шли на носочках и улыбались.

Музыка заиграла быстрее, и чародей Клеопарди приступил к работе. Он безжалостно распиливал

женщин, упакованных в длинные ящики, и вынимал их оттуда целыми и невредимыми. Глотал куриные яйца, после чего из его рукавов и карманов вылетали утки и голуби. Но ошеломил он публику аттракционом, которого никто не мог ожидать.

Клеопарди засучил по локоть рукав своего халата и начал медленно ходить по манежу, разглядывая воздух. Зрители сидели в недоумении. Наконец клоун, который на цыпочках ходил за фокусником, поднёс палец к губам и сказал:

— Ц-с-с-с! Клеопарди ловит муху!

В это мгновение фокусник взмахнул перед своим посолом рукой и поднёс к уху кулак.

— Есть!— закричал клоун.

В оркестре тоненько заиграла скрипка: з-з-з-з!

Клеопарди показал клоуну кулак и спросил:

— Что будем с ней делать?

— Расстрелять!— не колеблясь, приказал клоун.

Тогда фокусник взял в левую руку большой пистолет и, раскрыв кулак, выстрелил.

Свет в цирке погас. А когда прожекторы снова зажглись, зал задрожал от аплодисментов.

Правой рукой, в которой ещё недавно была муха, Клеопарди держал за уздечку громадного африканского слона с большими белыми бивнями.

Фокусник поклонился, а клоун объявил:

— Вот как из мухи делают слона!

Публика дружно захохотала. Лилипут увёл слона за кулисы, а на арену вынесли ящик, точь-в-точь такой, какой висел под куполом цирка, и Клеопарди с помощью ассистентов запаковал в него петуха и трёх кроликов. Затем он снова взял со столика блестящий пистолет и в упор выстрелил в ящик. Лилипуты открыли его, и Клеопарди показал всем, что живность исчезла.

Зрители замерли в ожидании. Что произойдёт дальше?.. Но из всех зрителей только Непоседа, Мякиш и Нетак поняли, что сейчас произойдёт не фокус, а страшная катастрофа. Да, фокусник снова зарядил пистолет и начал целиться в ящик, висящий под куполом. Друзья в страхе прижались друг к другу и из-под стула посмотрели на ложу, где сидел Петин папа, и подпрыгнули от неожиданности. Ужас! В ложу, как шипящая ракета, влетела мама.

Не считаясь с торжественной и таинственной обстановкой, она набросилась на папу и зашипела так, что слова её были слышны всему цирку.

— Бесстыдник! Сын сбежал из дому, а ты развлекаешь себя фокусами... За мной!— приказала она.

И все увидели, как папа, втянув голову в плечи и виновато оглядываясь, поплёлся за ней.

В цирке произошло замешательство, но через миг всё успокоилось, и публика снова с любопытством начала смотреть на Клеопарди.

Когда прогремел выстрел, Непоседа, Мякиш и Нетак радостно обнялись и смело посмотрели вверх. Оттуда на канате плавно спускался ящик.

Когда же Клеопарди раскрыл его, зал содрогнулся от хохота. В компании петуха и трёх кроликов

сидел уже знакомый зрителям Петя и ревел как белуга.

У Клеопарди от удивления брови поднялись так высоко, что чалма слетела с головы. Когда же он заметил, что зрители приняли это за очередное чудо, то начал быстро раскланиваться, приписывая появление Пети своему могуществу.

Но тут, расталкивая ассистентов и разбрасывая ногами ящики, на манеж вбежал красный, разъярённый директор. Он схватил ревущего Петю за руку и потащил его за кулисы. Публика и это приняла за отлично разыгранную шутку и наградила фокусника шумной овацией и возгласами «браво».

Клеопарди сиял. Такого огромного успеха у него ещё не было.

Петя снова исчез на глазах у своих друзей.

— Вперёд, за ним! — воскликнул Непоседа. — Больше его терять нельзя!

И недавние футболисты, ухватив мяч за шнуровку, побежали прямо через арену за Петей.

Но тут произошла новая неприятность. Смеясь, клоун подхватил мяч и дал такую «свечу», что все три футболиста полетели вверх, в круглое окно, которое было в куполе цирка. Таким образом, несмотря на победу, наша команда вылетела в трубу.

Глава семнадцатая,

*в которой вы подробно узнаете обо всём, что в ней
написано, и ещё кое-что о Пете*

Нельзя сказать, чтобы полёт не понравился нашим путешественникам. Они, как на воздушном шаре, поднялись вверх и очутились на крыше цирка.

Жаль, полёт был коротким. Но кто знает, последний он на пути наших путешественников или нет? Не будем предугадывать события, скажем только одно: Петя снова исчез, и искать его нужно было не на крыше, а на земле.

— Я так и знал! — проямлил Мякиш, отклеивая свои тапочки от раскалённой крыши. — Этого можно было ожидать.

Но друзья не расслышали его слов. Над ними раздался могучий рокот, а через минуту подул ураган, да такой сильный, что малыши еле удержались на крыше.

— Смотрите! — закричал Непоседа. — Смотрите, на нас падает самолёт!

— Не самолёт, а вертолёт, — поправил Мякиш.

И верно, это был вертолёт. На его спине вращались большие лопасти, а на хвосте вертелся маленький пропеллер.

— Эх и красота! — радовался Непоседа, любуясь вертолётom. — Весь из винтиков и пружинок!..

А вертолёт плавно опускался вниз, прямо на крышу цирка. Из его дверцы свисала верёвочная лестница.

Непоседа нетерпеливо закричал:

— Эй, эй, прокатимся!

— Стой, стой! — пропищал Мякиш, но было поздно.

Непоседа, держа в одной руке шнурок от мяча, другой ухватился за верёвочную лестницу и повис в воздухе.

Мякиш и Нетак ухватились за мяч, чтобы стащить Непоседу, но лестница плавно поплыла вперёд. Крыша покачнулась и ушла из-под ног. Мякиш облепил мяч своим пластилиновым телом и прочно держался на нём, а Нетак кричал и выбивался из сил:

новенький мяч был скользким, и руки его напрасно искали, за что бы уцепиться...

Как только крыша исчезла и путешественники очутились над тротуаром, силы Нетака окончательно иссякли. Может быть, беды и не произошло бы, если бы сердобольный Мякиш не крикнул ему:

— Держись, дорогой Нетак, держись!

Упрямец, конечно, поступил по-своему. Только услышал слово «держись», как немедленно разжал руки и стал пикировать. Но что произошло с ним внизу, мы расскажем потом, а сейчас вернёмся наверх и последуем за новыми пилотами — Непоседой и Мякишем.

Вертолёт плавно поднимался вверх. Солнце палило, не жалея лучей, но воздух вокруг становился всё холодней и холодней. Лопасті могучего винта вращались быстрее и быстрее, и вскоре целый ураган обрушился на Непоседу и Мякиша. Мяч мотало во все стороны, и Непоседе приходилось напрягать все силы, чтобы не упустить шнурок. Пружинки его рук

и ног вытянулись до отказа и стали, как бечёвочки, но Непоседа не унывал и даже сочинил на лету песенку:

Эй, могучий вертолёт,
Мчись повыше да вперёд!
Не горюй, приятель Мякиш,—
Я пилот, и ты пилот!

Но с Мякишем дело обстояло хуже. Под ветром он совсем окаменел и уже с трудом открывал глаза и рот.

— Пе-етя! — жалобно пищал он.

— Чего, чего ты скулишь? — отозвался Непоседа. — Разве тебе плохо? Летишь, как на спутнике! Прокатимся немного и сверху скорее увидим Петю...

Вертолёт медленно поднимался и поворачивал к окраине города, туда, где виднелись поле и лес. А внизу глазам утомлённого Мякиша открылась чудесная картина.

Город был словно игрушечный. Даже самый большой дом, казалось, мог вместить только одного пластилинового малы-

ша. Все дома напоминали кубики с зелёными и красными крышами. Улицы и переулки, как тропинки, вдоль и поперёк перерезали игрушечный город. Сады и скверы походили на зелёные перины и подушки... Ах, как тянуло к ним усталого Мякиша!..

Но сейчас не время думать о том, что виделось сонному Мякишу, — нужно было поскорее вернуться к цирку и узнать, что произошло с нашим пикировщиком Нетаком.

А случилось вот что. Не достигнув мостовой, он внезапно ударился о копну чьих-то упругих волос и крепко за неё ухватился.

Копна заревела на всю улицу, и толстая рука оторвала от неё Нетака.

Гора с горой не сходится, а человек с человечком сталкиваются. Нетак был не на шутку удивлён: прямо в упор на него смотрели заплаканные Петины глаза, а свободная Петина рука щупала на голове шишку, вздувшуюся от неожиданной встречи.

Спасибо директору цирка, который выставил Петю за ворота как раз тогда, когда Нетак сорвался с места, иначе бы пути их разошлись, и, быть может, навсегда...

Петя, улыбаясь сквозь слёзы, крепко сжимал в руках своего старого друга и спрашивал:

— Ты один? А где остальные?

— Там они. И мяч там... — Нетак указал на вертолёт, парящий уже за чертой города. — Надо бежать за ними!

— Пешком не пойду, давай машину! — заявил вдруг Петя.

— Какую? — не понял Нетак.

— Легковую!

— Ах, легковую! Крытую или открытую? «Победу» или «ЗИЛ»?

— Всё равно,— настаивал Петя.

— Ах вот как! — рассердился Нетак.— Тогда пойдёшь пешком.

— Не пойду!

— Пойдёшь!

— Не пойду!

— Пойдёшь!

— Не пойду!

— Ты так, значит?

Нетак был игрушечным упрямцем, а Петя — настоящим, живым. Так разве же мог ненастоящий переупрямить настоящего? И Нетак сдался. Он уступил ещё и потому, что увидел рядом детскую коляску — транспорт, в котором можно ехать не только сидя, но и лёжа.

— Ладно,— сказал он,— поедешь на этом. Колёса есть, подушки есть — чего тебе ещё надо?

Петя, не задумываясь, пошёл к коляске, мокрого хозяина которой унесли в дом перепеленать.

— И поеду! — сказал Петя.— Какая разница, на чём ехать?

Он был человеком не гордым и, не задумываясь, ввалился в коляску. Экипаж затрещал и присел на рессорах. Туловище толстого Пети с трудом уместилось в коляске. Ноги, конечно, не поместились и рогаткой торчали вверх, упираясь в небо расшнурованными башмаками.

— Заводи, поехали! — приказал Петя и вставил в рот бутылку с соской, которая лежала на матрасике.

Нетак затрещал, зафыркал, как мотор, упёрся руками в заднюю стенку коляски, и она покатила вниз по тротуару, разгоняя и удивляя прохожих.

Коляска то и дело натывалась на стены домов и на людей.

— Эй, повнимательней! Эй, поосторожней! — кричал из коляски Петя, предупреждая пешеходов.

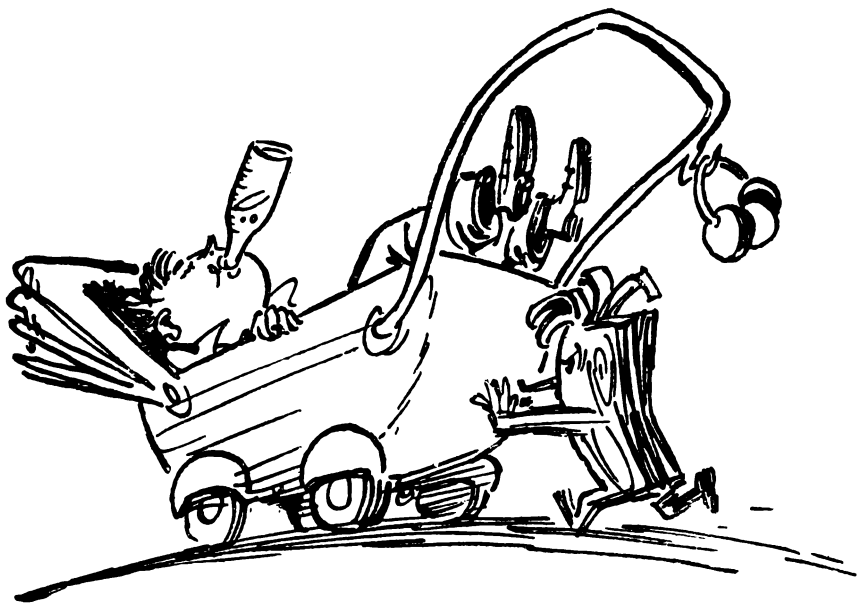
Вскоре за ними хвостом бежала детвора.

— Глядите, лилипут Гулливера везёт! Лилипут Гулливера везёт! — кричали они.

А на другой улице ребята, которые узнали Петю, сочинили специальную дразнилку и хором распевали её:

Что за тюк лежит в карете
И бутылочку сосёт?
В той карете едет Петя,
Толстый Петя-бегемот!..

Но Петю нисколько не тревожили дразнилки и возмущённые возгласы прохожих. Ему было удобно, он дремал и, чмокая толстыми губами, потягивал сладкое молочко.

Глава восемнадцатая

«Спасайте Петю!..»

Не думаете ли вы, случайно, что дома забыли о Пете? Конечно, не забыли.

После побега в квартире Маминых-Папиных было объявлено что-то вроде военного положения. Установлена связь со всеми городскими отделениями милиции, и оттуда во все концы города посланы разведчики. Поминутно звонил телефон — бабушка принимала сообщения о ходе поисков.

В этой работе не принимал участия только дедушка. Он с утра ушёл с псом Сарделем на поиски недостающей тонны металлолома.

Тут надо напомнить, что дедушка в прошлом был неплохим охотником. Он сумел натаскать Сарделя на ржавое железо так, как иных охотничьих псов натаскивают на уток или зайцев.

Теперь, учуяв в каком-нибудь дворе запах металлолома, Сардель делал охотничью стойку и тянул дедушку в подворотню.

Так вот, в разгар событий дедушка позвонил по телефону-автомату домой и радостно сообщил, что в шести кварталах от дома он нашёл...

Бабушка, не дослушав, выронила трубку и, присев на стул, радостно сообщила:

— Он нашёл!..

Трубку схватила мама:

— Кто нашёл? Что нашёл?

— Нашёл колесо, — слышалось в трубке.

— Какое колесо?

— От трактора! — ликовал дедушкин голос. —

Три пуда железа! Сорок восемь килограммов.

— Никаких колёс! — крикнула в трубку мама и,

разъяснив положение, велела бабушке немедленно заняться поисками Пети.

Повесив трубку, мама продолжала давать новые указания:

— Позвоните в бюро потерь и находок и сообщите Петины внешние приметы!.. Мальчик умный, ласковый, похож на меня, лицом немного на папу, больше всего любит меня и всё сладкое... Дуся, готовьте продукты на дорогу!..

В углу на стуле сидел бледный папа. Он совсем был не против того, чтобы Петя поехал в лагерь, но сказать об этом никак не решался.

— Только ты, только ты во всём виноват! — без конца повторяла ему мама. — А теперь, когда неизвестно, что с сыном, ты сидишь сложа руки!

Но папа как раз не сидел сложа руки. Он поминутно разводил ими, не зная, что предпринять, что ответить маме. И хотя он уже отлично знал, куда убежал Петя, повторял один и тот же вопрос:

— А куда, куда мог убежать Петенька?..

— Видать, в лагерь, куда же ещё! — сказала Дуся.

— В лагерь? Вы так думаете? — переспрашивал папа, но ничего не предпринимал.

— Ты должен ехать за ним и перехватить его по дороге!

— Да-да, конечно, — отвечал папа и снова разводил руками.

— Что будет, что будет! — ломала руки мама. — По улицам бегают уличные мальчишки, за городом начинается лес, в нём кишат дикие звери, а возле лагеря глубокая река!.. Ты должен бросить всё и немедленно отправляться!

— Так точно! — по-солдатски ответил папа и надел соломенную шляпу.

— Ну-с! — сказала мама, и только после этого папа встал со стула и медленно направился к двери. — Стой, а поесть чего-нибудь?

— Да, я не прочь перехватить, — смущённо сказал папа, проглотив слюну.

— Не о тебе речь! Возьми продукты для ребёнка, он там, наверное, совсем отощал, умирает с голоду, бедный мой сынок!..

Мама подала папе приготовленный Дусей рюкзак с пирогами. Затем взяла со стола несколько копчёных рыбин и, завернув их в бумагу, сунула в карман папиного плаща:

— Это тебе.

Папа вышел в коридор, легко вздохнул и, когда дверь за ним захлопнулась, побежал вниз, прыгая через одну ступеньку. Когда он уже выбегал на улицу, дверь снова отворилась, и по парадному громом прокатился мамин голос:

— Без Петеньки не смей возвращаться!

Но папа уже не слышал наказа. Машина, в которую он вскочил, зафырчала и с ходу набрала большую скорость.

Итак, в эту минуту Непоседа и Мякиш летели на вертолёте, Нетак вёз Петю в коляске, а папа мчался в открытом «газике».

Г л а в а д е в я т н а д ц а т а я

«Верни соску». Третий благородный поступок

Коляска с Петей катила всё дальше и дальше. Мимо мелькали дома, новые кварталы, и наконец началась окраина города.

Упрямый Нетак толкал бы коляску и дальше, ес-

ли бы вдруг сзади не послышался тяжёлый топот и громкое: «Уа-уа-уа!»

Петя открыл глаза, Нетак обернулся.

— Стойте! Верните коляску! Безобразие! — кричал мужчина в роговых очках. Одной рукой он пытался схватить коляску, а другой прижимал к груди орущего младенца.

Наконец папаша задержал экипаж и, тяжело отдуваясь, приказал:

— Вываливайся, лодырь! Говори, зачем утащил коляску?

— Это не я, — спокойно сказал Петя, не выпуская изо рта соски. — Это он!

Но близорукий папаша не видел Нетака и продолжал отчитывать Петю:

— Все вы друг на друга сваливаете, знаю я вас, у меня у самого мальчишка... — При этих словах он покачал в левой руке конверт с младенцем.

Петя нехотя вылез из коляски и, пощупав рубашу на спине, сказал:

— Подумаешь, очень нужна мне ваша мокрая коляска!

— И бутылку с соской верни! — сказала какая-то женщина, вырывая у Пети изо рта соску.

— Нахал! — возмущался папаша.

Кто не был занят этим событием, мог заметить, как на противоположной стороне улицы из подворотни выбежал бодрый старичок, катя перед собой, как мальчишка, обруч, тяжёлое заржавленное тракторное колесо. Улица наполнилась железным грохотом и лаем.

Это был Петин дедушка. Он возвращался с удачной охоты. Пёс Сардель прыгал впереди и оглашал воздух победным лаем.

Дедушка свернул было по тротуару налево, в сто-

рону дома, как вдруг Сардель учуял знакомый запах. Он сделал стойку и, заскулив, побежал через дорогу. Дальнорукые глаза дедушки моментально разглядели в толпе Петю. Дедушка вспомнил внушительное распоряжение мамы: «Разыскать!» — и решительно покати колесо через дорогу.

Из толпы, которая окружала Петю, отделилось четверо ребят: два мальчика и две девочки. Они стали на бровке тротуара и с распростёртыми объятиями радостно встречали дедушку.

— Позвольте, мне некогда! — сказал дедушка, подымая колесо с мостовой на тротуар.

Но рыжий веснушчатый мальчуган — видимо, предводитель четвёрки — восторженно закричал:

— А мы вас искали!

— Я тоже очень рад, — беспомощно залепетал дедушка, — но, к сожалению, понимаете ли, тороплюсь... у меня... там... Петя... — И, поскольку руки его были заняты, он бородой показал в сторону толпы.

Но четвёрка загородила дорогу и встала перед ним как железная стена.

— Понимаете, мы с сегодняшнего дня совершаем благородные поступки! — затараторила худая девочка с чернильной полосой под носом.

— И не меньше, чем по три в день! — выпалила другая, у которой почему-то было полторы косы: одна подлиннее, другая покороче.

— Это чудесно, — дрожащим голосом сказал дедушка и попытался пробить стену.

— Два поступка мы уже совершили, — сказал рыжий мальчик, — а сейчас должны совершить третий!

— Пустите, я тороплюсь! — запротестовал дедушка. — Что вы хотите со мной делать?

— Мы хотим вам помочь перейти на ту сторону... Это очень благородно! — закричали все сразу и, ухватив брыкающегося дедушку за руки, потащили через мостовую на другую сторону улицы, туда, откуда он только что прибежал.

Когда дедушка был благородно дотянут и дотолкан до другой стороны, Петя уже выбрался из толпы и спешил за Нетакком, который тащил его за шнурок ботинка вперёд.

— Скорей! Скорей! — торопил деревянный упрямец. — Наверное, отсюда недалеко пионерский лагерь.

При слове «лагерь» Петя почувствовал зуд в пятках и побежал что было сил в открытое поле. Нетак уцепился за Петины брюки и взобрался по ним прямо на плечо.

Г л а в а д в а д ц а т а я ,

в которой наконец-то состоится встреча всех героев

Вертолёт уже полчаса парил в воздухе и, покружив над распаханном полем, начал сбавлять высоту. Теперь его бесплатным пассажирам — Непоседе и Мякишу — отлично было видно всё, что творится внизу.

Острый глаз Непоседы различал даже следы автомашины на дороге.

Мякиш, приклеенный к мячу, безмятежно дремал и очнулся только тогда, когда над ними раздался крик Непоседы:

— Вижу, вижу! Я вижу Петю!

Не успел Мякиш продрать глаза, как почувствовал, что летит стремительно вниз. Но летел не только Мякиш. Летел мяч, а рядом летел Непоседа.

Счастье игрушечных мальчиков, что в момент приземления оба они очутились на мяче сверху. Мяч грохнулся оземь перед самым Петиным носом и снова полетел вверх. Когда он вторично грохнулся на землю, Петя схватил его и радостно закричал:

— Мяч, мяч! Мой мяч!

Но Нетаку было не до мяча: он видел, как разлетелись его друзья и исчезли где-то в кустарнике. Долго рыскал он по полю, пока не наткнулся на стоящего Непоседу. Перед Нетаким в небольшой ямке лежал короткий металлический чурбанчик и беспомощно вертел головой.

— Что это? — воскликнул Нетак. — Где твои руки и ноги?

Непоседа ничего не ответил, только глухо застонал.

Конечно, этого могло бы не случиться, если бы Непоседа подождал, пока вертолёт опустится ниже. Но ему, как всегда, не терпелось. Вперёд, вперёд! Лишь бы скорее... На большой высоте он разжал пальцы, выпустил верёвочную лестницу и... был наказан. Как раз тут и сказалось отсутствие одного винтика — винтика, который должен был внутри скрепить руки и ноги металлического мальчика.

— Я погиб! — тихо сказал Непоседа. — Кто теперь сможет найти мои пружинки, мои руки и ноги?..

У Нетака от жалости закрипело деревянное сердце, он хотел успокоить несчастного друга, но рядом послышался стон. Это появился Мякиш. Узнать его было невозможно: измятый, вываленный в земле, он теперь напоминал три сросшиеся картошки. Он не ходил, а полз, непрерывно охая, а в руках его — о радость! — были недостающие части Непоседы. Все четыре пружинки: две с ладошками и две с башмачками. Верный друг, несмотря на тяжёлые ушибы от

падения, собрал руки и ноги распавшегося товарища и притащил сюда. Притащил и упал. Нетак на радостях расцеловал Мякиша и побежал за Петей:

— Петя, Петя, скорей сюда!

Но Петя был занят мячом. Он был счастлив.

— Мой мяч! Мой, мой, мой! — повторял он и гладил его лоснящиеся бока.

Несчастный Непоседа сквозь слёзы смотрел на Петю, и доброе сердце игрушечного мальчика радовалось.

— Это твой мяч, Петенька, мы дарим его тебе, — ласково сказал он. — Поиграй, поиграй!

Мякиш и Нетак молча кивнули головами в знак согласия.

Но Петя после всего пережитого не стал играть в футбол. Он почувствовал сильную усталость, плечи его опустились, веки начали слипаться, и, зевая, он опустился на землю. Послышался богатырский храп. Раскинув руки, Петя лежал прямо на сырой матушке-земле под открытым небом и крепко спал.

Да, если бы сейчас мама увидела, как её сын грубо нарушает постельный режим, хотя и был он теперь по-настоящему жёстким, она сразу уложила бы сыночка на десять подушек и под шесть одеял.

Петя спал без снов, грудь его легко вздымалась, и белые щёки постепенно наливались широким помидорным румянцем.

Мякиш тихонечко взобрался на мягкий Петин живот и, зевнув, тоже прикорнул.

Нетак с досадой махнул рукой и решил сам взяться за починку Непоседы. На лбу его выступили капельки древесной смолы, язык от усердия высунулся, а сам он приговаривал:

— Так, так!.. Ногу — сюда, руку — туда, эту ногу — туда, эту руку — сюда... Всё!

Непоседа встал и зашатался.

— Ой, что ты наделал? — воскликнул он, размахивая ботинками вокруг головы. — Это же ноги, а где мои руки?

— Там, где ноги, — сказал Нетак. — Так лучше!

— Я не могу ходить на руках, не могу! — закричал Непоседа и со звоном шлёпнулся на землю.

— Ну тогда ходи на ногах, — милостиво разрешил Нетак.

— А как же голова?

— И голову переставлю. Мне это пара пустяков.

— Не хочу, не хочу! Ты меня всего перепутал! — зазвенел Непоседа и пошёл колесом — с рук на ноги, а с ног на руки.

Вот что получается, когда за дело берутся такие мастера, как Нетак.

Глава двадцать первая

*о том, как был отремонтирован Непоседа, и о новых
препятствиях на пути*

Пружинки Непоседы хоть и были перепутаны, а всё же сидеть на месте не давали. Он стал прежним беспокойным мальчиком, кувыркался и прыгал. Потом вскочил Пете на грудь и закричал:

— Вставайте, вставайте!

Первым проснулся Мякиш. Он открыл глаза и зевнул.

— Всё-ё ясно, узна-аю работу Не-етака! — сказал он и шлёпнул Петю по носу. — Вставай, дело есть!

Петя открыл глаза. У Непоседы был такой смешной вид, что сон как рукой сняло.

— До чего же ты смешной! — засмеялся Петя.

— Ни-ичего смешного нет,— сказал Мякиш.— С человеком беда стряслась.

— Да, что-то надо придумать...

Петя сел и почесал затылок. Лепить ему, как мы знаем, однажды случалось, а вот мастерить что-нибудь из дерева или из металла — ещё никогда. Не спеша он принялся за работу. Разобрал Непоседу на части и разложил их на земле.

— Ноги должны быть внизу,— тихо напомнил Мякиш.

— Нет, наверху! — настаивал Нетак.

— Не мешайте! — отмахнулся Петя.— У самого голова есть! — и принялся за работу.— Так, значит, правая — с правой стороны, левая — с левой... Руки то-оже так... Бум-бурубум, бум-бурубум! Порядочек!

— А у те-бя неплохие руки,— сказал Мякиш.— Только к тебе самому ещё нужно как следует руки приложить.

— Ещё бы — неплохие! Не зря же мой папа конструктор! — хвалился Петя.

Восстановленный Непоседа подпрыгнул и продекламировал:

— Ну-ка, братцы, в путь пора!

Мастерам — ура, ура!

И компания в полном сборе тронулась в путь. Над тропинкой лихо зазвенела песенка Непоседы:

Эх, ничто меня на свете
Не сумеет устроить,
Если может даже Петя,
Мамин Петя, Папин Петя,
Непоседу починить!

Вскоре вся компания очутилась на берегу реки, по ту сторону которой был лес, а в лесу — пионерский лагерь.

— Я чувствовал, что здесь моста не будет,— промямлил Мякиш, заглядывая с крутого берега в воду.

Но мост, к счастью, не понадобился — у песчаного бережка стояла лодка, а рядом с ней сидел старичок рыболов и удил рыбу.

Прячась за кустами, все четверо подошли поближе к рыбаку. Старичок следил сразу за тремя поплавками и мурлыкал себе под нос песенку:

Только удочку закину —
Клюнет старая корзина,
А другой разок заброшу —
Клюнет бывшая галоша.
Разбежались караси,
Не клюют — и не проси!
Не поймаешь нипочём,
Не заманишь калачом...

Петя решительно направился к рыболову. Не успел он выйти из-за кустов, как вдруг позади послышался рокот мотора, и у берега, круто притормозив, остановился открытый «газик». Из машины не вышел, а выпрыгнул Петин папа. Он бросил плащ и рюкзак и подбежал к рыбаку.

Этого беглецы никак не могли ожидать. Ни сам Петя, ни игрушечные мальчики даже не подумали о том, что их будут преследовать.

— Это за мной,— тихо сказал Петя и вздохнул.

Но папа, казалось, и не думал о нём. Он ходил вокруг рыбака, потирал руки и завистливо поглядывал на его удочки.

Мы забыли вам сказать, что товарищ Мамин, то есть Петин папа, был не только болельщиком футбола, но ещё и страстным рыболовом. Поэтому-то машина и остановилась у реки. Папа не знал, что по

— Как не знать! — ответил рыбак. — Мы с ним тут вчера весь день лечились, все нервы истрепали.

— Эх, удочку бы мне! — жалобно протянул папа. — Хотя бы одну...

— Берите любую, — сказал рыбак. — Всё равно ловли никакой. Пойду-ка я пониже — может, там повезёт...

— Повезёт, непременно повезёт! — обрадовался папа и, сбросив пиджак и шляпу прямо на землю, вперил глаза в поплавок.

Старичок рыболов свернул две удочки и, лукаво посмотрев на папу, замурлыкал свою песенку:

Только удочку заброшу —
Клюнет старая галоша,
А другой разок закину —
Клюнет бывшая корзина...

Спел и ушёл вдоль реки, вниз по течению.

Г л а в а д в а д ц а т ь в т о р а я

Косяк золотых лещей. Папа объявляет бунт...

— Вот это номер! — сказал Непоседа. — Что теперь будем делать? Если попадёмся ему на глаза — всё провалится.

— Теперь ему не до нас, — сказал Петя. — Он не уйдёт отсюда, пока не выудит хоть одну рыбёшку. Уж я-то его знаю.

— Так ведь здесь ничего не ловится — рыбы нет, — сказал Непоседа.

— А это что? — пропищал вдруг Мякиш.

— Где?

И Мякиш показал на рыбы хвосты, торчавшие из кармана папиного плаща.

Непоседа аж запрыгал от чудесной догадки.

— У меня идея, — сказал он и пополз по-пластунски к машине.

Папа сидел на берегу, жевал Петины пироги и бросал остатки в воду. Этим он только пугал лягушек, которые прыгали с кувшинок и зря качали поплавок.

Солнце желтком разлилось по папиной лысине, согрело её, а рыба всё не клевала. Наконец папа начал сам клевать носом, и над рекой поплыл нежный с пересвистами храп.

Непоседа вернулся, с трудом волоча пакет с копчёными лещами.

— Вон сколько! — вздохнул он, утирая пот. — И все золотые! Такой будет улов!..

Но никто не догадывался, что собирается делать с лещами Непоседа.

— Тебе придётся мне помочь, — сказал он Нетаку, а затем что-то долго шептал ему на ухо.

— Самый правильный способ! — ответил Нетак и, взяв одну рыбину, поспешил к воде.

Деревянный Нетак воды не боялся, утонуть он не мог, а с тяжёлым копчёным лещом ему и нырять было нетрудно.

Буль-буль-буль!.. — запела вода и поглотила ныряльщика.

Ровно через секунду поплавок папиной удочки вздрогнул, заёрзал — и нырнул. Леска натянулась, как струна, удилище согнулось и легло плашмя на воду. Папа проснулся, вскочил, влез в ботинках в воду и, схватив двумя руками удилище, вытащил его из воды. Бамбук свистнул в воздухе, леса выдернулась, и над рекой заблестел золотой лещ.

— Тю-тю-тю! — запел папа и, не разглядывая добычу, снова наживил крючок куском пирога.

Папа дрожал как в лихорадке. Забросив удочку, он начал нетерпеливо переступать с ноги на ногу, приговаривая:

— Нервы... ах, нервы!..

Буль!.. — сказал поплавок и снова утонул.

Папа вскрикнул и выдернул нового леща.

— Э, да тут их целый косяк!

Он вытащил подряд пять лещей! Потом косяк, видимо, кончился, и клёв прекратился. Только теперь папа рассмотрел свою добычу. Он стал как вкопанный, и глаза его полезли на лоб.

— Что это значит? — Папа побледнел и выронил из рук удочку. — Копчёные лещи в реке?! Да это же чудо!.. Все рыбаки просто лопнут от зависти!.. Нет-нет, это, наверное, нервы!.. Скорей к профессору Лещукину... то есть Щуликину... то есть Щукину...

Папа направился к машине, но вдруг рядом раздался хохот. Это смеялся Петя, выглядывая из кустов.

— Петя, ты? — спросил папа, и подбородок его задрожал. — Что ты здесь делаешь?

— Иду в пионерский лагерь.

— Какой лагерь? — переспросил папа. — Ах, лагерь!.. Сейчас же домой!

— Не пойду! — сказал Петя.

— Не пойдёшь? — И папа вдруг радостно выкатил глаза. — А ты, пожалуй, прав! Скажу больше — молодец! — И тут он принял грозную позу и начал ораторствовать: — Ты должен быть в лагере — так хочу я, твой отец!.. И пусть мама мне не указывает! Моя фамилия Мамин, но я вовсе не мамин, а свой! Я сам свой собственный папа, то есть папа своего сына! Я — старший в доме, я — глава семьи... А если мама по фамилии Папина, то она вовсе ещё и не папа, а моя мама, то есть моя жена!.. Довольно я с ней намамился... то есть намаялся... Теперь всё пойдёт по-другому, да!..

Петя не верил своим ушам — стоял разинув рот и дивился папиной храбрости. «Ну и достанется ему от мамы!» — подумал он.

Но папа, видимо, окончательно взбунтовался против мамы. Он бегал по берегу, разбрасывая ногами комки глины и спотыкаясь о коряги.

Он так увлёкся своим ораторством, что не заметил, как снова в ботинках вошёл в воду и изрядно подмочил брюки.

— Ты поедешь в лагерь! — громогласно заявил он, выпрыгивая из воды. — И никаких возражений! Я сам отвезу тебя... — И он протянул руку с лещами в сторону машины.

Лещи сверкнули на солнце золотыми боками. Папа посмотрел на них и запнулся.

— Подожди меня здесь, никуда не ходи! — сказал папа. — Я сейчас вернусь, только отвезу рыбу домой, пока она не протухла... Давай, — крикнул он водителю, — разворачивайся! — и, схватив с земли пиджак, на ходу впрыгнул в машину.

«Газик» исчез в клубах дорожной пыли, а на берегу, у самой воды, осталась папина соломенная шляпа.

Да, если бы отцовская голова в эти минуты не была забита лещами, он бы заметил, как изменился его сын. Петя стоял на берегу реки с распахнутым воротом, на ветру лихо развевался его чуб, а в глазах сверкали живые, задорные огоньки. Полнота его значительно поубавилась, щёки обветрились, и только в уголках губ сидели ещё едва заметные остатки каприза.

Ну что ж, папа ещё не раз полюбуется своим сыном, но сейчас цель похода была близка, все путешественники в сборе, и не было причин, которые снова смогли бы их разлучить.

А лодка стояла у берега, покачиваясь на волнах, и ждала пассажиров.

Глава двадцать третья

*О том, как могут пригодиться соломенная шляпа
и футбольный мяч*

— А теперь все в лодку! — скомандовал Петя и, оставив на берегу мяч, тяжело плюхнулся в старую рыбацкую плоскодонку.

Вода под лодкой закипела и подобралась к самым бортам. Петя сел на вёсла, но вдруг вскочил и крикнул:

— Кидай мяч!

Нетак бросил мяч.

Петя неуклюже схватил его, потерял равновесие и шлёпнулся на дно лодки. Плоскодонка закачалась, зачерпнула воды и отошла от берега.

— Стой, стой, куда ты! — закричал Непоседа. — А мы?

Петя ухватился за вёсла и стал беспомощно болтать ими. Течение подхватило лодку и понесло её к середине реки.

— Загребай правым! — кричали ему с берега.

Но Петя совсем растерялся, и лодка на глазах друзей уплывала всё дальше и дальше...

Мальчики метались по берегу, не зная, что предпринять.

— Я как будто чувствовал, что так будет, — сказал Мякиш, шлёпаясь на песок.

Казалось, путешествию конец, развязка близка, но коварная река подстроила им новую неприятность.

— Разве это моряк! — возмутился Нетак (сам-то он хорошо держался на воде и считал себя прирождённым мореходом). — Не моряк, а шляпа! — повторил он.

— Шля-апа? — переспросил Мякиш. — Шляпа здесь!

И верно, на берегу валялась папина соломенная шляпа.

— Да ведь это настоящий корабль! — обрадовался Нетак и столкнул соломенную шхуну в воду.

Шляпа закачалась на волнах, и всем троем путешественникам стало ясно, что лучшего корабля для них, сколько ни думай, и не придумать.

— Держи её! — закричал Непоседа и быстро начал ломать ветки для вёсел.

— Те-е-перь всё де-ело в шляпе! — многозначительно произнёс Мякиш и полез в неё.

Затем вскочил Непоседа с двумя новыми вёсла-

ми. Последним, оттолкнувшись от берега, взобрался Нетак.

Шляпа по самые поля ушла в воду и перестала качаться. Непоседа вёслами ловко проткнул поля и начал грести. Грёб он, прямо скажем, здорово, умело, а его руки-пружинки, как всегда, не знали устали.

— Полный вперёд! — чувствуя себя капитаном, командовал Нетак. — Курс норд-ост — на лодку!

А с Петей дело обстояло намного хуже. Течение несло и вертело лодку, как щепку. Вдобавок ко всему в днище оказались щели, и вода уже целиком заливала Петины ботинки.

Только опытному и сильному гребцу удалось бы спастись в таком отчаянном положении. И Пете снова пришлось взяться за вёсла.

Беда — лучший учитель. На нежной коже Петиних ладоней через минуту появились водяные пузы-

ри, но зато вёсла постепенно начали его слушаться. Напрягая последние силы, он вывел лодку из середины течения и начал приближаться к берегу. А вода в лодке всё прибывала и прибывала, она уже доставала до сиденья и по колени заливала Петины ноги... Он обернулся, чтобы посмотреть, далеко ли берег, и круто затопил весло. Лодка накренилась, и в неё хлынула вода.

«Всё! — с ужасом решил Петя. — Я погиб!»

— Мама! — закричал он и встал во весь рост.

Лодка медленно шла ко дну. Петя, конечно, держаться на воде не умел. До сих пор он плавал только в ванне, да и то для безопасности мама надевала на него резиновый спасательный круг. Но здесь ни мамы, ни круга не было.

Петино сердце защемило от горькой тоски. Ему стало жаль себя, маму, папу, бабушку, дедушку, Дусю и Сарделя... Как они будут умирать, если он погибнет!.. Спасения ожидать неоткуда — река и берег были пустыни.

Петя медленно погружался в воду. И вдруг рука его коснулась чего-то тугого, круглого. Это был футбольный мяч. «Я спасён!» — подумал Петя и крепко обхватил мяч руками. До берега оставалось метра четыре. Петя решительно лёг на воду и, колотя ногами, поплыл к берегу.

Г л а в а д в а д ц а т ь ч е т в ё р т а я

Моряк Нетак. Дорога в лагерь

Мы могли бы сейчас поплыть, а потом пойти прямо за Петей и узнать, благополучно ли он достиг цели. Но это было бы нечестно с нашей стороны, не по-

товарищески. Ведь на середине реки мы оставили трёх путешественников, которым тоже во что бы то ни стало необходимо было попасть в пионерский лагерь.

«Ну и что же! — скажете вы. — У трёх моряков отличный корабль, о них нечего беспокоиться».

И я так думал, пока не убедился в обратном. Наконец, что это была бы за история, если бы в ней не было новых и новых приключений!

Всё дело в том, что шляпа всегда остаётся шляпой. И если вы вспомните, что она сплетена всего-навсего из соломы, то поймёте, какая опасность угрожала нашим путешественникам.

Только трюм корабля заполнился командой, в числе которой были металлический и пластилиновый матросы, судно по самые поля погрузилось в воду. В сотни дыр соломенного днища начала просачиваться коварная вода.

Ещё не достигли они середины реки, как развалившийся на дне шляпы Мякиш завопил:

— Тону!

Нетак посмотрел вниз.

— Аврал! — закричал он. — В трюме вода! Всем прыгать в воду!

Хорошо ему, деревянному, прыгать в воду, а как-же железному Непоседе и пластилиновому Мякишу? Прыгни они в воду — тут бы им и конец, и помин-най как звали.

И вдруг произошло чудо. Впрочем, вы уже привыкли к чудесам, и поэтому оно покажется вам, наверно, очень обыкновенным. Мякиш начал расплываться как блин по соломенному дну, преграждая путь воде.

Вот вам и Мякиш! Все считали его увальнем и лентяем, не надеялись на него ни в чём, а на поверку

оказалось, что жила в нём добрая и смелая душа, готовая ради друзей на любые жертвы...

Течь прекратилась. Непоседа снова взялся за вёсла, но вода хлынула через боковые щели и на этот раз поверх Мякиша.

— Буль-буль-буль! — сказал он и скрылся под водой.

— Тонем! Тонем! — завопил Непоседа.

— Как бы не так! — буркнул Нетак. — Эх, была не была!.. — С этими словами он прыгнул в воду. Прыгнул и исчез.

Через секунду в днище что-то ударило, и шляпа приподнялась, а ещё через миг она медленно поплыла к берегу.

Нужно ли доказывать, что поступок Нетака был смелым? Поднырнув под шляпу, он приподнял её своей спиной и под водой начал грести к берегу.

Корабль плыл всё быстрее и быстрее. Наконец судно остановилось — шляпа села на мель.

— Мы спасены! Земля! — закричал Непоседа и выпрыгнул на берег.

Отдуваясь, выбрался из-под шляпы Нетак. Вода стекала с него ручьями, а деревянное тело его стало тёмным. Последним из шляпы вывалился Мякиш. Самому стянуть свои расползшиеся бока ему не удалось.

— Ну-ка, братцы, прижмите-ка мне бока! — попросил он товарищей.

Непоседа и Нетак взяли разгон и с двух сторон палетели на Мякиша. Фляк! — сказали его бока, и блин превратился в прямоугольник. Хотя и не совсем, но всё-таки он снова стал похож на себя и мог двигаться дальше.

Теперь осталось только одно — разыскать Петю. И все трое побежали вдоль берега.

Вскоре они стояли у самой воды и, печальные, смотрели на размокшие, расшнурованные Петины ботинки.

— Он утонул! Он погиб! — плакал Непоседа. — От него остались одни ботинки!..

Но Мякиш, который никогда и ничему не верил, показал вдруг на следы, ведущие к лесу. Сомнений быть не могло: такие глубокие следы могли оставлять только ноги, на которых держится увесистое тело.

На всякий случай они притащили один Петин ботинок и с научной точностью сравнили его со следом. Размеры совпали.

Ух, с какой радостью бежали они в лес, вперёд, по следам своего друга Пети!

Посмотрели бы вы теперь на наших путешественников! Нет, вы, наверно, не сразу узнали бы их. Это были уже не прежние самодельные игрушечные мальчики.

Деревянный упрямец Нетак, побывав под водой, промок до самой сердцевины и стал значительно мягче. И хоть характер его по-прежнему оставался твёрдым, зря он теперь упрямитесь не стал бы.

Пластилиновый Мякиш тоже побывал в переделке. И огнём его жгло, и ветрами обдувало, так что теперь ему не страшны были ни жара, ни холод. Да и лени в нём значительно побавилось.

Другим стал и Непоседа. Ему не только приходилось бегать — за вёслами его рукам досталось немало работы. От этого пружинки вытянулись, и стал он выше, крепче и как-то спокойнее.

Да, время и трудная дорога сильно изменили игрушечных мальчиков.

Впрочем, так в жизни бывает и с настоящими, живыми мальчиками.

Непоседа, Мякиш и Нетак бежали вперёд, а вслед за ними над тропинкой летела новая песенка:

Мы дорог прошли немало,
С нами всякое бывало,
Чудесами полон свет,
Хочешь — верь, а хочешь — нет!..

«Хочешь — верь, а хочешь — нет!» — звенело над берегом, а где-то в глубине леса, как большая медная птица, заливался пионерский горн.

Г л а в а д в а д ц а т ь п я т а я ,

без которой первая часть истории не имела бы конца

Теперь нашим путешественникам легче было сговориться.

Никто зря не упрямился, не бежал вперёд как угорелый и не отставал. Поэтому шли они напрямик к цели, не отвлекаясь по пустякам.

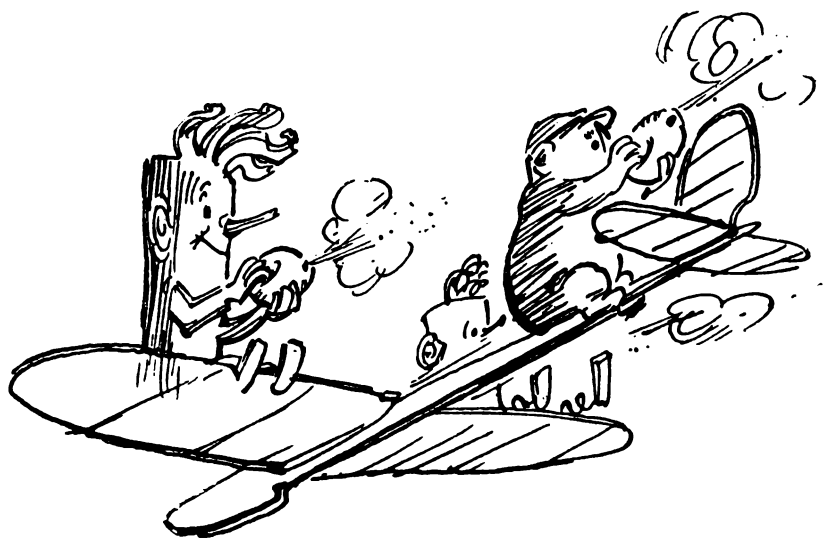
— Смотрите, что это такое? — остановился вдруг Непоседа. — Неужели я вижу самолёт наших ребят?

И действительно, посреди опушки на траве стояла настоящая модель пассажирского самолёта с бензиновым моторчиком.

Мальчики подбежали к самолёту, одиноко стоявшему на опушке.

— Всё ясно, — заглядывая в мотор, сказал Непоседа. — Бензин кончился — самолёт приземлился. Дело поправимое. В наш век техника и не из таких положений вывозит.

Да что много говорить! Мальчики не зря жили в комнате детского творчества, не зря водились с отличными мастерами. Каждый из них в любую минуту

мог стать и лётчиком и вертолётчиком, а если надо, справился бы и с реактивным самолётом.

— Раз бензина нет,— сказал Непоседа,— собирайте грибы дождевики. Смотрите, сколько их здесь!

Мальчики принялись собирать старые, жёлтые, круглые, как мячики, грибы, от которых никому никакого проку нет. Но если их раздавить, то они стреляют и из них вылетает струя бурой пыли.

— Лучше реактивных двигателей не придумаешь! — сказал Нетак.

Вооружившись грибами, Непоседа и Нетак сели на крылья, а Мякиш на хвост. И только раздавили они по первому грибу, как самолёт взвился ввысь.

Пах-пах-пах!.. — хлопали грибы, выбрасывая длинные струи пыли. Самолёт стремительно мчался над лесом.

Конечно, это не был шум настоящего реактивного самолёта, и нашим лётчикам приходилось шипеть и свистеть самим.

Подходила очередь последнего гриба. Не успели они его раздавить, как вдруг внизу на поляне показались белые палатки и мачта с красным флагом. Самолёт начал плавно опускаться вниз, прямо на дружную линейку.

Навстречу бежали ребята и громко кричали:

— Глядите, самолёт!

— Сам прилетел?!

Когда же они рассмотрели пилотов, поднялся невероятный шум.

— Непоседа?!

— Ой, смотрите, Мякиш!

— И Нетак здесь!

— А мы про них и забыли!

— Ура-а-а-а!

Радость встречи была так велика, так хотелось всем приласкать и потрогать игрушечных малышей, что началась обычная история. Ребята вырывали мальчиков друг у друга из рук. При этом они изрядно помяли Мякиша, а Непоседе и Нетаку выкрутили руки и набили немало шишек. Но кого могли волновать синяки и шишки, если торжествовала давняя, крепкая ребячья дружба!

Наконец самодельные мальчики попали в руки своих мастеров, в знаменитые умелые руки! Сразу нашёлся винтик, которого так не хватало Непоседе, инструменты, чтобы отшлифовать Нетака, и пластик, из которого Мякишу будут сделаны новое ухо и кусок правой ноги.

Встреча превратилась в настоящий праздник. Ребята затеяли кукольный спектакль и хотели в весёлой пьеске пробрать упрямцев, ленивцев, непосед, а заодно маменькиных и папенькиных сыночков, которых в любой школе и в любом лагере нетрудно отыскать.

Кому же поручить такие ответственные роли, если не нашим героям! Им тут же вручили тетрадки с ролями. Там были и весёлые частушки, и остроумные сценки...

Но глаза у игрушечных мальчиков были полны тревоги: в толпе ребят они не видели Пети.

— Он давно уже здесь,— сказали ребята и расступились.

Друзья увидели Петю. Он бегал босиком по траве и гонял красный футбольный мяч. Карманы его были доверху набиты печёной картошкой, и за щекой тоже была картошка. Глаза его сверкали, а по щекам разливался яркий румянец. Он ещё не был определён в отряд, и старшая пионервожатая как раз сейчас занималась этим вопросом.

Говорят, на следующий день в лагерь приезжали Петины мама и папа, но домой увезти его не смогли. Петя обхватил руками дуб и не давался родителям.

— Мой сын должен немедленно ехать домой! — настаивала мама.

— Домой,— говорил папа.

— Ваш Петя должен быть здесь! — убеждала вожатая.

— Здесь,— говорил папа.

Тут мама вспомнила свой докторский язык и с его помощью начала доказывать, что Пете необходим домашний режим.

— Мой ребёнок болен, у него ангины! — убеждала мама.

— Ангины,— подтверждал папа.

— А у нас он — здоровини! — улыбаясь, говорил врач.

— Здоровини,— соглашался папа.

Родителям ничего не помогло. На защиту Пети стал весь пионерский лагерь. Мама и папа уехали

Петя обхватил руками дуб и не давался родителям.

ни с чем и увезли обратно большой шоколадный торт, от которого Петя впервые отказался. И правильно сделал. Потому что простая картошка и хорошие товарищи — лучшее лекарство от капризита.

Вот и всё. На этом заканчивается первая часть истории. Поэтому напишем здесь не «конец», а, как сказала бы Петина мама на чисто докторском языке,

К О Н Е Ц У С

*Новые приключения
и научные открытия*

П Е Т И

МАМИНА-ПАПИНА

и его верных друзей —

НЕПОСЕДЫ,

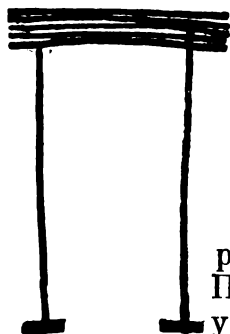
МЯКИША

и

НЕТАКА

Глава первая,

*в которой подробно объясняется, что такое
ГОД и что за год произошло с Петей*

рошёл год.

Почему люди говорят «прошёл»? Разве у него есть ноги? Есть! И ноги, и колёса, и крылья. Для лентяя-бездельника он прошёл, даже прополз; для того, кто побыстрее, — проехал, а для работяги Непоседы — пролетел как ветер, как реактивный самолёт.

В году двенадцать месяцев, в месяце — тридцать дней, и каждый день, кроме выходных, вы ходите в школу.

За год можно закончить один класс и перейти в следующий, и за этот же год можно остаться на второй год.

В этом случае тоже говорят: «Прошёл год» — и добавляют: «Зря».

Человек, который остался на второй год, тоже вырастает: у него становятся длиннее руки и ноги, а деревянная крашеная парта не вырастает. Она жмёт ему на коленки, и ему очень хочется её поломать. Но поломать её нельзя. Если вы поломаете парту, вас могут исключить из школы. А если вас исключат из школы... Об этом даже страшно подумать! Вы не узнаете, почему летает самолёт, где находится Африка, что такое спутник, ракета, планета, атом и,

что самое страшное, не сможете читать толстых книжек про разных героев, про путешествия и приключения, не будете знать, где север, где юг, — заблудитесь на первой попавшейся тропинке, на первой улице, и придётся вам тогда сидеть дома и делать вид, что очень заняты или больны. Потому что, если вы будете встречаться со своими знакомыми, они моментально скажут: «Это необразованный человек!»

Так вот, я с удовольствием должен вам сообщить, что ваш старый знакомый Петя, по фамилии Мамин-Папин, перешёл в следующий, в четвёртый класс, да ещё с буквой «А».

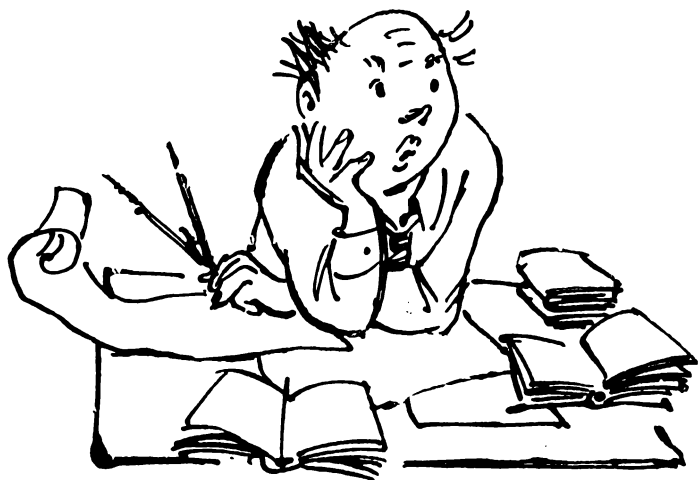
Не будем говорить о его отметках. Скажем только, что за лето в пионерском лагере Петя полностью излечился от капризита и, ходят слухи, стал совершенно самостоятельным. Во всяком случае, так он заявил своим родителям. Заявил и потребовал:

— Не хочу больше носить фамилию Мамин-Папин! Во-первых, всё равно все знают, что я и мамин и папин; во-вторых, не хочу, чтобы меня дразнили маменькин-папенькин сыночек. Само-

стоятельному человеку не подходит такая фамилия. Придумайте мне другую!

Мама думала весь день, бегала за советами к соседкам, но так ничего и не придумала. Поэтому она поручила это сделать папе. А Петин папа, как вам известно, был знаменитым изобретателем. Всю ночь

напролёт он тёр лоб, чесал за ухом и, конечно, придумал. Он поступил так, чтобы никого не обидеть: ни себя, ни маму, ни Петю. В новой фамилии был кусочек от мамы, кусочек от папы, и то, что получилось из этих кусочков, очень нравилось Пете. От мамы осталось «ма», от папы «п», и вышла фамилия Манин. Петя Манин! Это уже было совсем другое дело. С такой фамилией можно было даже стать героем.

Я знаю, вы сейчас спросите, а где же Петины друзья — Непоседа, Мякиш и Нетак? Что произошло с ними? Не волнуйтесь, я о них не забыл. Но это другой вопрос, и для этого нужна другая глава.

Глава вторая,

*из которой становится ясно, что такое
самостоятельность*

Петина школа стоит на старом месте. Ей совсем не надо ходить и переходить из класса в класс — все классы размещены прямо в ней: и первый, и третий, и десятый. А в школе на втором этаже по-прежнему находится

МАСТЕРСКАЯ «УМЕЛЫЕ РУКИ».

Здесь всё по-старому, если не считать, что на столах и полках прибавились новые жильцы — модели самолётов, радиоприёмники, телевизор и даже многоступенчатые ракеты.

А вот и старый парусный фрегат, на котором жили игрушечные человечки Непоседа, Мякиш и Нетак. Но почему жили? Разве они полопались или потерялись? Совсем нет. Они благополучно вернулись на старое место, и все соседи были им очень рады. Старая радиоточка, покашливая, говорила:

«Ах, как вы выросли! Как возмужали! Надеюсь, вы теперь стали серьёзнее?»

И действительно, Непоседа, Мякиш и Нетак изменились к лучшему.

«Очень солидные ребята!» — басил телевизор, разглядывая их своим большим голубым глазом.

Впрочем, всё это вы уже знаете.

Последнее время Петя редко заглядывал в мастерскую. Это очень обижало его друзей — игрушечных человечков. Однажды рано утром между ними произошёл такой разговор.

— Петя — зазнавака! — прозвенел своим чистым голоском Непоседа.

— Вазназака! — упрямо вставил Нетак. Он очень

крепился, но так и не мог сдержаться, чтобы не переиначить слова.

Мякиш счёл нужным промолчать. Но Непоседа молчать не умел.

— Подумаешь, самостоятельный! — сказал он и вскочил на ноги. — Всякий, кто умеет сам стоять, — са-мо-стоятельный, и... и нечего важничать.

— А я — самосидетельный! — заявил Нетак. Он как раз сидел на борту фрегата и болтал ногами.

— А я — самолежательный! — проямлил Мякиш. Он лежал на палубе и ничем не болтал, потому что его ноги и руки прилипли к фанерным дощечкам, из которых была сделана палуба.

И всё-таки Непоседа не мог успокоиться:

— Нет, Петя не такой самостоятельный, он совсем, совсем самосамостоятельный!

— Потому что он учится! — вздохнув, сказал Мякиш.

— Мучится! — буркнул Нетак.

Тут Непоседа запрыгал, задёргался всеми пружинками и закричал:

— Мы тоже, мы тоже должны учиться! Почему нас не принимают в школу?

— Потому что надо написать заявление директору, — объяснил Мякиш.

— А как надо написать?

— Са-амостоятельно!

Но, конечно, никто из них писать не умел. Непоседа из-за этого так расстроился, что набросился на Мякиша с криком:

— Вставай, лодырь! Нёчего быть самолежательным!.. А ты, Нетак, долго ещё будешь самосидетельным?! Помоги поднять Мякиша!

И вместе они принялись отрывать пластилинового друга от палубы. Поднять-то они его подняли, но,

известное дело, снова к нему приклеились. Стоят втроем в обнимку и разойтись не могут. Мякиш удобно повис на своих друзьях и сказал:

— А теперь мы уже местестоятельные...

— Не хочу! Не хочу! — задёргался что было сил Непоседа и оторвался от Мякиша. Рывок был таким сильным, что он перелетел через борт фрегата, стукнулся о край полки и упал куда-то вниз.

Дзинь-дзинь! Чик-чик!.. — слышалось внизу и замолкло.

Нетак и Мякиш подползли к борту, перегнулись и увидели, что Непоседа барахтается в какой-то странной, ещё не известной им машине. Пружинки его увязли в тонких рычажках, за которыми в четыре ряда лежали кружочки-копеечки с буквами.

Вот тебе и нá! Никто из них прежде не видел такой машины и не заметил, как она здесь очутилась.

Чтобы разглядеть её получше, они ещё сильнее перегнулись через борт и... Но ведь вы знаете, что случается, когда сильно перегибаешься через перила или борт. Именно это и случилось с Нетак и Мякишем, которые к тому же были склеены вместе и не могли шевелить руками. Короче, друзья свалились вниз, прямо на удивительную машину. От удара они расклеились и тоже увязли, только не в рычажках, а в кружочках с буквами. Когда они ударились о них, рычажки подскочили и выбросили Непоседу. Тот расправил свои руки-пружинки и сейчас же показал на лист белой бумаги, который был заправлен за валик.

— Смотрите, смотрите! — закричал он. — Эта машина делает бумагу!

Но Мякиш покачал головой и сказал:

— Нет, не делает бумагу. Раз на ней буквочки — значит, это пишущая машина!

— Не пишущая, а самопишущая! — заявил Нетак.

— Ну, так пускай она сама нам напишет заявление! — запрыгал Непоседа и начал приказывать: — Пиши, машина! Пиши!

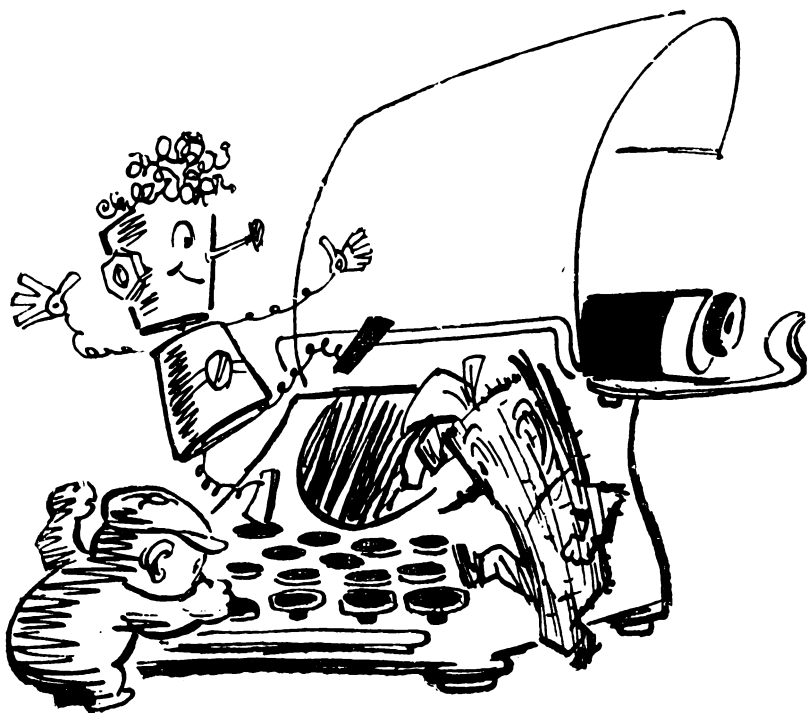
Но ни один рычажок не двинулся с места.

Тут Мякиш поставил свою тяжёлую ногу на одну копеечку. Рычажок подпрыгнул, ударился о бумагу, и на ней тотчас же отпечаталась какая-то буквочка.

— Надо бить по копеечкам, и машина будет писать! — сказал Мякиш.

— Бить! Бить! — обрадовался Нетак и наставил свои деревянные кулаки для драки.

— Правильно, правильно! — запрыгал Непоседа, но вдруг призадумался и спросил: — А по каким копеечкам?

Ведь он не знал ни одной буквы.

— Главная буква — мягкий знак! — уверенно сказал Мякиш.

— Нет, твёрдый! — ещё уверенней проскрипел Нетак.

Но Непоседа больше терпеть не мог. Он закричал:

— Я самоскакательный! Я самописательный! — и забегал по буквам-копеечкам.

Мякиш и Нетак тоже принялись колотить что есть силы.

Чик-чик-чик-чик-чик! Тра-та-та-та-та!.. — затрещали рычажки и начали биться о бумагу.

Валик быстро поехал в левую сторону, а на бумаге отпечатался целый ряд букв.

Машина очень громко стучала, и, наверное, стук её был слышен далеко за дверью, потому что через минуту в комнату вбежала школьная уборщица тётя Глаша. Она остановилась посреди комнаты и стала удивлённо смотреть по сторонам. Потом сама у себя спросила:

— Это кто же здесь печатает?

Она заглянула под стол, за шкаф, но в комнате ни взрослых, ни ребят не было. Наконец она подошла к пишущей машинке, надела очки и, конечно, сразу увидела игрушечных человечков, которые снова запутались в рычажках и буквах.

Тётя Глаша всплеснула руками и сказала:

— Ах, так это вы свалились сюда! Вот несносные шалуны эти мальчишки! Никогда как следует не кладут вас на место... — и принялась освобождать Непоседу, Мякиша и Нетака.

Непоседа вертелся, вырывался из рук и объяснял тёте Глаше:

— Мы хотим учиться! Мы писали заявление в школу!..

Но разве тётя Глаша даст кому-нибудь слово сказать?! Она, не переставая, громко ворчала, вспоминала всех мастеров, в том числе и Петю, и, конечно, поругивала их.

Наконец она освободила человечков и поставила их снова на палубу фрегата. Потом нагнулась над машинкой и вытащила из неё лист бумаги. Сразу в комнате стало тихо, только слышно было, как похрустывает бумага. Тётя Глаша вертела её, переворачивала вниз головой и вдруг рассмеялась:

— Ох и грамотеи! Ох и мудрецы! Ха-ха-ха... Придумают же такое?! — Продолжая смеяться, она медленно прочитала вслух:

КИРПАТОШИЛО БУМ ТАРАКАНОШИШКА СУП.

— Это наше заявление! Отнесите его директору школы! — кричали уже все трое.

Но тётя Глаша их не слышала, она смеялась:

— Кирпатошило?! Тараканошишка?! Вот потеха! — Потом она замолчала и покачала головой: — Что ж это я, старая, смеюсь? Я же не учёная, ничего не понимаю в науке. Может быть, это какое-нибудь новое правило или какая-нибудь старинная мудрость?! Э-э, рвать эту бумагу нельзя! Отнесу-ка я её учителям — пусть разберутся.

— Правильно! Несите! Скорей несите! — кричали человечки.

Тётя Глаша сложила листок вчетверо, положила его в карман своего халата и поспешила в учительскую.

Что произошло потом с заявлением Непоседы, Мякиша и Нетака, узнать не удалось. В этот день приключилось такое важное событие, что игрушечным человечкам пришлось забыть об учёбе и подумать совсем о другом.

Г л а в а т р е т ь я ,

*в которой рассказывается о специальной передаче
школьного телевизора и о знаменитом залпе
гороховой пушки*

Радиоточка захрипела и объявила:

«Внимание, внимание! Сейчас ровно восемь часов семнадцать минут тридцать две с половиной секунды. Начинаем зарядку для механических игрушек и моделей!»

Зазвучала бодрая музыка, и диктор начал командовать:

Встань спокойно, не беги,
Вдохи глубже, носом,—
Расправляем рычаги,
Клёпки и колёса!
Раз-два!
Раз-два!..

Игрушечные человечки немедленно и самым добросовестным образом приступили к зарядке. Мякиш удобно улёгся на спину и в такт музыке поднимал и опускал свой живот. Нетак стал на голову и размахивал ногами, а Непоседа делал всё, как полагается, только в два раза быстрее, чем полагается. При этом все трое вслед за диктором громко повторяли команды:

Раз-два! Раз-два!..
Чтоб не сохнуть, не ржаветь
И легко крутиться,
Надо сиднем не сидеть,
Словом, не лениться!..

У радиофизкультурника вся зарядка была в стихах, и поэтому ещё долго после упражнений в комнате все разговаривали в рифму.

Зарядка продолжалась, одни упражнения сменяли другие, но вдруг включился телевизор и басом объявил:

«Внимание, внимание! Через две минуты я буду передавать и показывать специальную передачу со школьного стадиона!»

Тут следует сказать, что телевизор этот был необычным — последним достижением науки и техники. Это был не «Рекорд», не «Рубин», не «Алмаз» и даже не «Старт». Он назывался «Школьник». Такое название он получил потому, что показывал одни цветные мультипликации и в любую минуту мог показать, что происходит с учениками школы, где бы они ни находились. Особенной заслугой телевизора ещё было и то, что во время скучных передач он автоматически выключался. Кроме всего прочего, по этому телевизору могли выступать все ученики, независимо от того, могли они это делать или нет. Поэтому в этой школе ни один ученик не завидовал артистам...

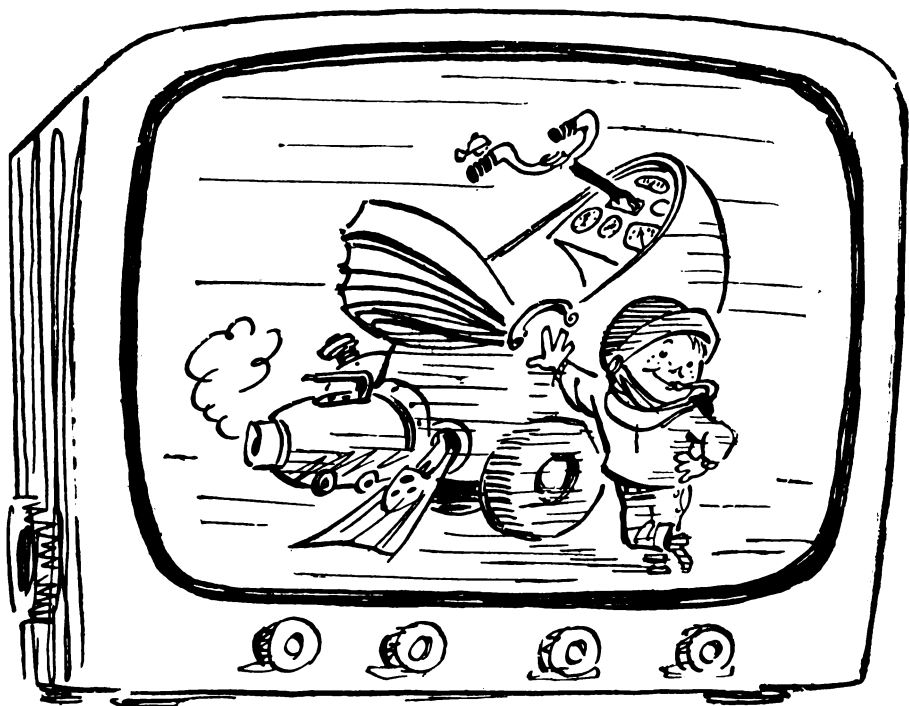
Непоседа, Мякиш и Нетак очень удивились. Обычно включал школьный телевизор Петя. А тут вдруг такая важная передача, и телевизор включился сам!

Человечки прекратили делать зарядку, выключили радиоточку и побежали к телевизору.

— Подожди! Подожди! — закричал Непоседа. — Скоро придёт наш Петя, тогда всё и покажешь!

Но телевизор спокойно и уверенно объявил:

Знаменитый мастер Петя
К вам сегодня не придёт:
Он на собственной ракете
Отправляется в полёт.
Он машину испытает
И тотчас же улетает!

Только он это сказал, как засветился экран и человечки увидели Петю. Узнать его было не просто: на нём был скафандр, как у космонавта, а за спиной — термос, от которого тянулись трубки прямо ко рту. Рядом же стояла его необыкновенная ракета. Да, это была действительно небывалая машина. У ракеты были колёса для езды по земле, ласты для плавания в воде, а задняя её часть состояла из большого пылесоса, который мог выбрасывать мощные струи воздуха и втягивать его обратно, а значит — двигаться и вперёд и назад.

Непоседе, Мякишу и Нетаку так понравилась Петина ракета, что они наперебой заговорили:

- Вот ракета так ракета!
- С нэй домчишься до планеты!
- Петя сделал везделёт!
- Вездесамосамоход!
- Здесь его аэродром!
- Нет, выходит — вездедром!

И человечки увидели, как Петя начал испытывать свою ракету. Он залил в бак горючее, сел в кабину и включил мотор-пылесос. Ласты оттолкнулись от земли, колёса завертелись, и ракета побежала по дорожке. Потом она взлетела, сделала круг в воздухе и опустилась прямо на озеро. Проплыла немного по поверхности и нырнула.

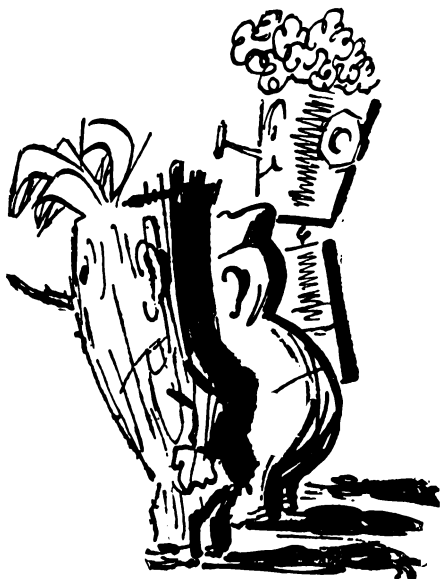
Через несколько минут она благополучно выкатилась на берег.

Игрушечные человечки были потрясены, они чуть ли не влезли в экран, чтобы получше всё разглядеть. Мякиш, так тот даже прилип к стеклу. Вдруг Непоседа всплеснул руками и ахнул:

— Гляньте, Мякиш и Нетак. Протекает Петин бак!

И действительно, всем было видно, как из небольшой дырочки в баке вездехода на землю капает горючее. Но Петя этого не видел и уже готовился к своему знаменитому полёту. Мякиш не удержался и начал всхлипывать:

— Как же быть, погибнет Петя!..

Тут Непоседа решительно заявил:

— Мы должны бежать к ракете!

Бросьте хныкать: «Как нам быть?!» —

Надо дырку залепить!

Телевизор выключился. Перед его экраном стояли растерянные Непоседа, Мякиш и Нетак. Что теперь делать? Не могли же они оставить друга в беде. Однако для этого надо было выбраться на улицу и очень быстро попасть на вездеходом, откуда каждую минуту Петя мог отправиться в путь.

Непоседа, Мякиш и Нетак огляделись в надежде отыскать в мастерской какое-нибудь средство передвижения. Машин здесь было много: и автомобили, и лодки, и самолёты, и вертолёты. Но все они виновато смотрели на человечков, потому что ключики от заводов были спрятаны у их мастеров.

— Что же нам делать?! — прохныкал Мякиш.

— Да! — растерянно вздохнул Непоседа, который готов был выпрыгнуть из окна. — Петина ракета — реактивная, и нам надо лететь туда как из пушки.

— Правильно! — сказал Нетак. — Как из пушки!

Он похлопал по стволу самодельную пушку и заглянул в её дуло. Пушка смущённо заскрипела. Она хотя и заряжалась порохом, но стреляла горохом.

— Кажется, в ней наше спасение! — неуверенно сказал Мякиш.

Но Непоседа уже успел обследовать грозное оружие и торжественно объявил:

— Пушка заряжена, затвор исправен!

— Барон Мюнхаузен летал на артиллерийском ядре, но на горохе никто не летал, — сказал Мякиш.

— А чем я не пуля?! — воскликнул железный Непоседа, разворачивая пушку к окну. — Держитесь за меня! — приказал он и полез ногами в дуло.

Мякиш сел на ствол и ухватил Непоседу за руки. Нетак взял Мякиша за ноги, а своими упёрся в затвор.

Непоседа закрыл глаза, задрожал и не очень громко скомандовал:

— Прицел девять, трубка восемь... Огонь!

Нетак дрыгнул ногами, затвор сработал, и грохнул выстрел. Мастерскую заполнил пороховой дым.

Те, кто наблюдал эту великую по своему героизму сцену, могли видеть, как из окна цепочкой вылетели Непоседа, Мякиш и Нетак, преследуемые гороховой картечью. Пушка напоследок чихнула и с гордостью посмотрела по сторонам.

А Непоседа, Мякиш и Нетак были уже далеко. Они летели по направлению к школьному стадиону, и у всех была одна мысль: «Как бы не разбиться при падении?!» Нет, не о себе они думали, не о своей целостности и здоровье. Все их мысли были о Пете. Однако скорость полёта была угрожающей. Приземляться надо было только с торможением, а для этого нужен был парашют. Но парашюты сами в воздухе не летают. В воздухе летают только воробьи и... вороны.

Вороны! Да, навстречу им как раз летела целая стая ворон. Большие птицы галдели и не думали сворачивать с пути. Всё было понятно. Ведь Непоседа, Мякиш и Нетак неслись в окружении гороха, и птицы на ходу стали глотать сладкую шрапнель.

«Какая удача!» — подумал Мякиш. В решительный момент, когда над его спиной очутились лапы одной из птиц, он дёрнулся вверх и... Результат был отличным. Лапы вороны влипли в пластилиновую спину Мякиша. Перепуганная птица забила крыльями, полёт затормозился.

— Ага, не будь вороной! — приговаривал Мякиш, не давая лапам вырваться.

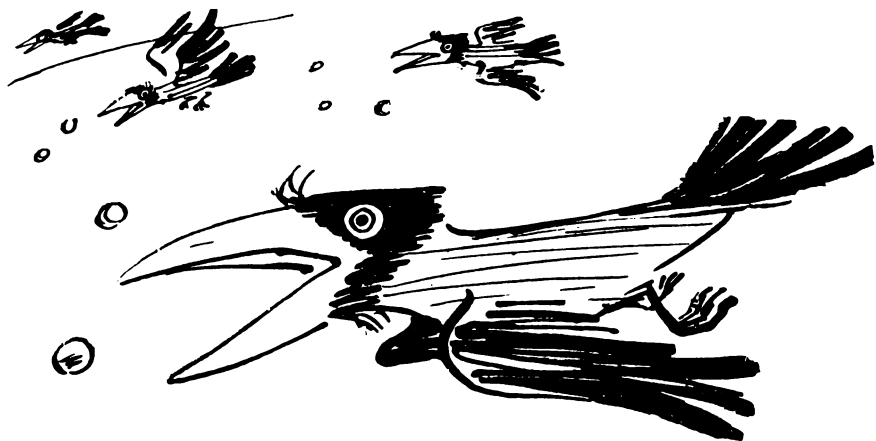
— Каррраул! — картаво орала птица. — Безобразие! Нескраведливость!..

Но это никого не трогало — друзья приземлились благополучно. Непоседа помог вороне освободиться от Мякиша и не забыл сказать ей спасибо.

Однако до стадиона было ещё далеко. Сейчас они шагали по грядкам школьного огорода, от которого до цели было добрых двести метров. Но для маленьких человечков двести метров — два километра. Их надо пройти...

— Полдела сделано! — сказал Мякиш. — Теперь можно и пошагать.

Друзья стали в затылок друг другу и строевым

шагом направились к стадиону. Ну, а поскольку полдела сделано, то почему бы не спеть под ногу походную песню?

И друзья грянули:

Не пугают нас овраг
И дорога длинная,
Ну-ка, братцы, шире шаг,
Непоседа, и Нетак,
И Мякиш пластилиновый!..

Они давно научились ходить строем и сейчас делали это с особым удовольствием. Старались они ещё и потому, что здесь, в школьном огороде, на них смотрели сотни завистливых глаз. А завистники эти были овощи. Они глядели со своих грядок и в такт маршу качали зелёными губами. Много их здесь росло: бураки, морковки, редиски. Подсолнухи поворачивали им вслед свои золотые головы, а молодые овощи так и рвались из земли, чтобы хоть раз в жизни попытать счастья и пошагать по дорожке. Да где уж им?! Цепкие корни крепко держали их в земле. Не квадрат-

ные, не кубические, а простые земляные корни — волосатые хвостики.

От такого почёта у друзей немножко вскружились головы, и они чуть было не повернули назад, чтобы снова показать овощам свою выправку.

Как раз в эту минуту до них донёсся рокот мотора. Тут уж было не до строевого шага. Друзья ахнули и врассыпную побежали к стадиону.

Когда они очутились на краю футбольного поля, мотор уже был включён на полную мощность. Из сопла ракеты, словно ураган, вырывался ветер, поднимая в воздух песок и травинки.

Петя сидел в кабине, а под баком для горючего сверкала лужа бензина.

— Скорей! Скорей! — торопили друг друга Непоседа, Мякиш и Нетак и мчались что есть духу вперёд.

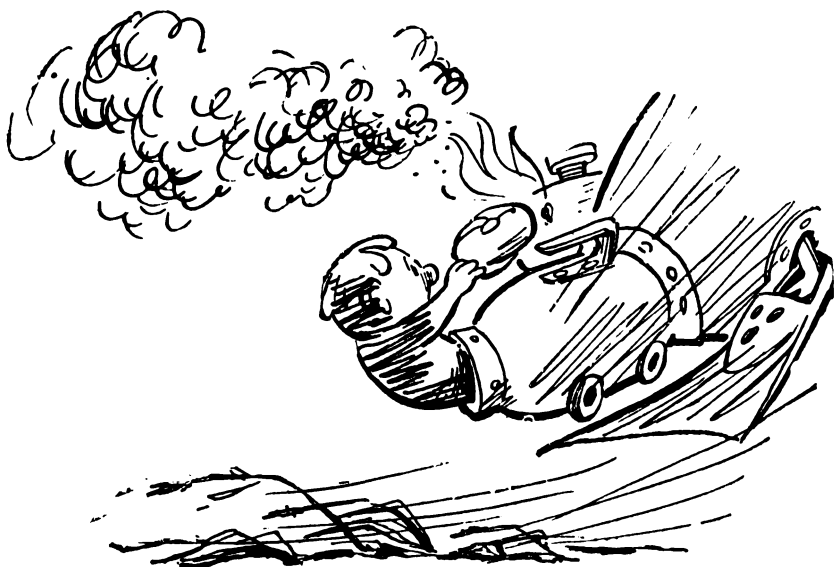
Ещё десять метров, ещё пять, но... поздно. Ракета рванулась с места, пробежала, прокатила по стартовой дорожке и взвилась в воздух. И тотчас же из бензобака вырвалось пламя. Непоседа, Мякиш и Нетак бежали и ещё громче кричали:

— Дым идёт! Огонь в ракете!

— Подожди нас, Петя, Петя!..

И то ли Петя услышал голоса своих старых друзей, то ли посмотрел на землю и увидел их, но ракета вдруг замерла в воздухе, звук мотора стал глуше, и она стала опускаться хвостом вниз, втягивая в себя воздух. С земли поднимались травинки, бумажки, листья и исчезали в сопле ракеты, а вскоре в воздух поднялись Непоседа, Мякиш и Нетак. Они стремительно полетели вверх и один за другим начали втягиваться в ракету. Сперва влетел в неё Непоседа, за ним Нетак, а Мякиш... О, Мякиш совершил здесь знаменитый подвиг, о котором, если бы знали, говорили все газеты! Он зацепился ногами за край

сопла ракеты и, напрягая все свои пластилиновые силы, вытянул туловище до бензобака. Несмотря на обжигающее пламя, он приклеился одной ладошкой к металлическому баку, а другой рукой — эх, была не была! — своей новой чудесной розовой кепочкой

залепил дырку. Огонь погас, течь прекратилась. Тогда он оторвал ладошку от бака, и его немедленно втянуло в ракету. Со стороны это походило на то, как некоторые мальчишки втягивают из супа ртом длинную макаронину: вслюп — и нету...

Да, братцы, пластилин — великое дело, если он не попадает на стулья, в тетради и на пол, если к нему не приклеиваются мамы и папы, если младшие

братишки и сестрёнки не кладут его в рот, принимая за мармелад!

Я полагаю, что у пластилина знаменитое будущее! Ведь если когда-нибудь наша планета треснет пополам и захочет распасться на две части, то именно он, этот чудодейственный скрепитель, не даст совершиться такому несчастью...

Мотор взвыл с новой силой, и Петин вездеплав-вездеход-вездесамосамолёт взмыл вверх, прямо в космос.

Г л а в а ч е т в ё р т а я ,

*в которой путешественники испытывают невесомость
и выясняется, что Гончие Псы — вполне
порядочные псы*

Надо ли рассказывать о том, что Петя был очень рад и благодарен своим человечкам, маленьким друзьям?..

Да, не спохватись они вовремя — погиб бы отважный мастер Петя Малин, и на этом кончилась бы наша история, и не было бы знаменитого путешествия с приключениями, которое последует прямо от этой строчки и будет служить образцовым примером многим будущим фантастам, фантазёрам и исследователям в деле храбрости и самостоятельности.

— Я виноват перед вами! — сказал Петя, усаживая Непоседу, Мякиша и Нетака рядом с собой на кресло пилота-водителя. — И как это я мог про вас забыть?

— Ничего, — ответил добряк Мякиш. — Главное, чтобы мы тебе не мешали!

Мякиш был по натуре человеком скромным и

поэтому не посмел вслух высказать мысли, которая промелькнула в его большой голове. Он с гордостью посмотрел на космонавта Петю, на Непоседу и Нетак и подумал: «Да, с таким экипажем, в такой ракете не страшны никакие пути на свете!» Вот как он подумал!..

Петя спокойно вёл везделёт, а человечки с любопытством разглядывали устройство кабины. Непоседа восхищался винтиками и пружинками, Нетак пытался развинтить какой-то прибор, а Мякиш смотрел на стены, на которых кнопками были приколоты карты: нашей планеты (оба полушария), звёздной системы Галактики, календарь и расписание уроков на текущий год.

«Петя правильно поступил! — подумал Мякиш. — Ведь он сейчас пропускает уроки, так пусть хоть расписание напоминает ему о школе...» Но ещё большим уважением проникся он к учёному космонавту Пете, когда увидел в хвостовой части кабины его учебники и тетради, аккуратно связанные верёвочкой. Да, Петя всё предусмотрел для дальнего и долгого путешествия...

Всё шло бы хорошо, если бы вдруг не произошло нечто неожиданное. Непоседа, Мякиш и Нетак не были привязаны к креслу, поэтому скоро почувствовали, как поднимаются вверх и преспокойно сидят в пустом пространстве, словно на воздушной подушке. Ещё через минуту они начали плавать в «воздухе». Человечки были очень удивлены, а Петя только поглядывал на них и улыбался.

— Ой! Ай! — закричал Непоседа и заболтал ногами и руками.

Но как он ни старался — продолжал висеть под потолком кабины, словно был привязан на ниточке. Там же висели Нетак и Мякиш.

— Безобразие! Что это такое? — заскрипел Нетак.

— Это? Это — невесомость! — с учёным видом ответил Петя.

Но Непоседа, Мякиш и Нетак не читали газет и пропустили чудесные радиопередачи, в которых первые космонавты мира Юрий Гагарин и Герман Титов рассказывали об этом чудесном явлении.

Пружинный Непоседа и деревянный Нетак продолжали волноваться, а Мякиш перевернулся на спину, подложил под голову свою мягкую руку и, посапывая, начал про себя рассуждать:

«Невесомость?! Интересно, что же это за штука?» Потом он от начала слова стал отбрасывать буквы, и у него получалось ...весомость... ..сомость... ..мость...

...ость... и, наконец, остался один мягкий знак. «Хорошая это вещь! — решил он. — Раз тут есть мягкий знак — я за ту невесомость спокоен!»

Но Петя всё-таки решил объяснить:

— Невесомость начинается там, где кончается земное притяжение. Понятно?

— Очень даже понятно! — недовольно прозвенел Непоседа. — Меня действительно ничто и никто не тянет вниз.

— И меня тоже, — кивнул головой Петя.

Тут Мякиш решил высказаться тоже:

— Это здорово придумано! Знаешь, Петя, если ты целые полгода не будешь ходить в школу, у тебя будет очень уважительная причина. Скажешь учителям: «Не мог из космоса ходить на уроки — ничто меня не тянуло в школу...» И никто не скажет, что ты злостный прогульщик и что это ты сам выдумал...

У Пети только глаза блеснули.

«Ну и Мякиш! Ну и хитрюга! — подумал он. — Я бы сам до этого не додумался...»

Что греха таить: ведь Петя совершил проступок, отправившись путешествовать во время учебного года. Правда, он рассчитывал на то, что, вернувшись героем, заставит всех восхищаться и говорить о своём подвиге. Все будут его хвалить, а о том, что он прогулял столько уроков, — забудут. Учителя поставят ему отличные отметки, потому что нельзя же герою ставить «двойки» и даже «тройки» — неловко как-то.

Как раз когда он так думал, до их слуха донеслись знакомые звуки: ти-ти, ти-ти-ти! Ти-ти, ти-ти-ти!..

Непоседа, Мякиш и Нетак, которые, точно мухи, бились у оконного стекла, дружно закричали:

— Спутник! Наш спутник летит!

Петя посмотрел на крупные, ярко сверкающие

звёзды (ведь они теперь были к ним намного ближе) и увидел, как из космической синевы приближается сверкающий шарик. Он стремительно двигался в их сторону, но летел значительно выше.

— Петя, Петя, давай посмотрим! — закричали Непоседа, Мякиш и Нетак и от нетерпения забарабанили кулаками по стеклу.

Конечно, Пете тоже захотелось поближе разглядеть спутник. Он дал полный газ, взял штурвал на себя, и везделёт рванулся вверх, навстречу спутнику.

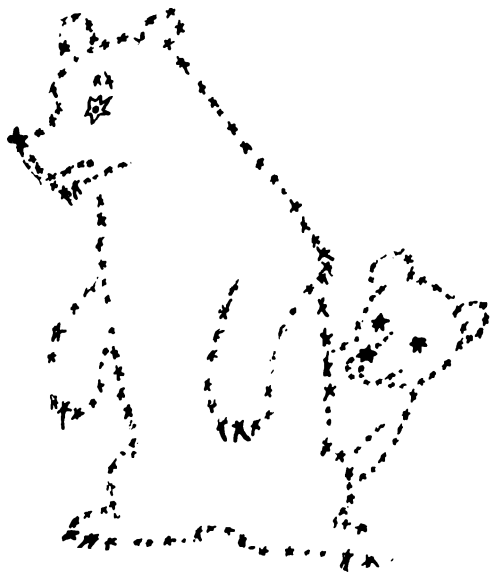
Вот уже стала видна красная звёздочка на его никелированном корпусе, заблестели четыре антенны, а в репродукторе везделёта так громко затитикало, что у всех закололо в ушах. И вдруг человечки не своими голосами закричали:

— Ай!

— Ой!

— Эй!

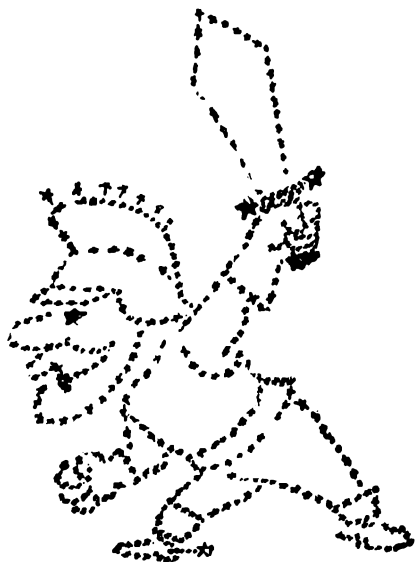
Петя не успел и глазом моргнуть, как его ослепило яркое сияние, раздался грохот, и везделёт на миг замер, а через секун-

ду они почувствовали, что летят в обратную сторону. Спутник скрылся из виду, и непонятно было, какая сила потащила их назад.

Как ни старался Петя, как ни нажимал на все рычаги и педали, ничего не получалось — вперёд они больше двигаться не могли.

И сразу же в космосе поднялся страшный переполох: послышался рёв, лай и громоподобные голоса. Это всполошились планеты. Воинственный Марс грохотал своими латами и размахивал мечом; Венера заламывала руки и взывала о помощи; Малая Медведица пряталась за спину Большой, а всё созвездие Гончих Псов заливалось неистовым лаем... В этом не было ничего удивительного, так как подобные

катастрофы в космосе бывают не часто... Я вижу, вас удивляет: почему лает созвездие Гончих Псов, почему Марс грохочет военными доспехами?.. Откровенно говоря, поначалу я сам несколько удивлялся, но и Непоседа, и Мякиш, и Нетак сумели меня убедить, что всё было именно так. Они даже дали честное игрушечное слово, и я не мог им не поверить.

К сожалению, Петя подтвердить этого не смог. От страха глаза его сами собой закрылись, и он не видел, что происходило вокруг. Кроме того, несмотря на всю свою самостоятельность, он не знал, что собой представляют Марс, Венера и всякие там небесные Медведицы и Псы.

Но, поверьте, дело было не в этом. В те минуты для отважных путешественников важнее было устранить причину «нетудаполёта», как выразился Нетак, и двигаться дальше, вперёд.

Отважный Непоседа тотчас же вызвался всё наладить. Он попросил у Пети верёвку и, привязав её к дверце вездельёта, вышел наружу.

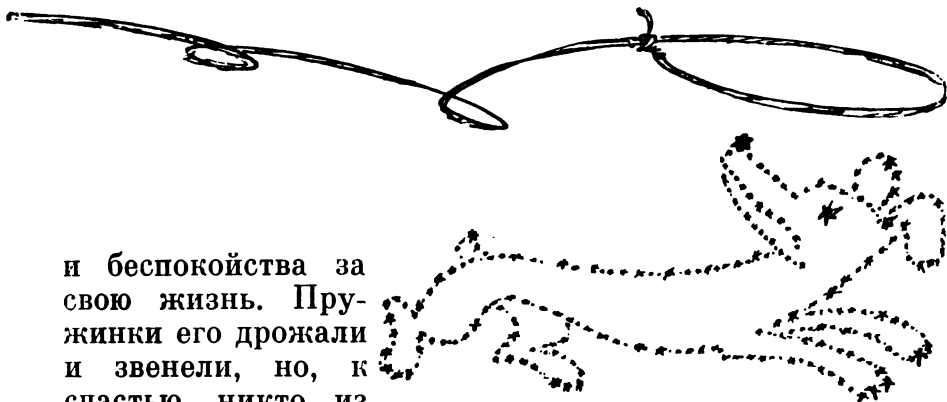
Вскоре всё стало ясно. Оказывается, Петин вездельёт зацепился ластой за одну из антенн спутника, и тот потащил его за собой по своей орбите. Внизу под ними всё ещё скакали Гончие Псы и продолжали лаять во все свои космические глотки.

Между прочим, говорят, что в это время многие земные телескопы отметили большой сдвиг созвез-

дия Гончих Псов влево, а некоторые звездочёты и вовсе потеряли их из виду.

Однако нашим героям сейчас было не до звёзд, хотя им, как говорится, до звёзд было рукой подать.

Было бы также неправдой утверждать, что Непоседа спокойно разгуливал по наружной части Петиного вездехёта. Нет, его изрядно трясло от страха

и беспокойства за свою жизнь. Пружинки его дрожали и звенели, но, к счастью, никто из друзей этого не ви-

дел. Это немного успокаивало Непоседу, но то, что он, как муха, мог преспокойно расхаживать вниз головой и никаким ветром его не сдувало, очень удивило его. Чтобы убедиться, что это не сон, он отпустил верёвку, но всё оставалось по-прежнему. Больше того, он пробовал отталкиваться, поджимать под себя ноги, отрывать их от звездолёта, но и тогда он продолжал как ни в чём не бывало лететь рядом с ним.

Наконец Непоседа добрался до ласты, которая зацепилась за антенну спутника. Медлить нельзя было, и он принялся расцеплять их. Но руки его от волнения так дрожали, что, конечно же, собственными силами он ничего сделать не мог.

Спасительная мысль пришла неожиданно. Вся свора Гончих Псов продолжала гнаться за ними, и, если бы удалось как-то запрячь их и погнать в другую сторону, спасение было бы обеспечено.

Собаки храбрые, когда их боятся. Но стоит только начать на них наступать, пугать, как они обращаются в бегство. В этом смысле небесные Гончие Псы ничем не отличались от земных дворняг. Непоседа, конечно, об этом не думал. Просто он хотел найти в них точку опоры, чтобы задержать везделёт, притормозить его.

Дрожащими руками он раскрутил верёвочное лассо и набросил его на главаря своры. Дальше всё произошло наилучшим образом. Псы завизжали, поджали свои звёздные хвосты и обратились в бегство, то есть повернули назад. Раздался скрежет, и Непоседа увидел, как освободившийся от случайного груза спутник рванулся вперёд и, весело титикая, исчез в космосе. Петин же везделёт, увлекаемый необычной упряжкой, помчался в нужном направлении.

Скоро Непоседа понял, что долго так продолжаться не может: Гончие Псы приближались к своему законному месту в звёздной системе и там, конечно, должны были остановиться. Скорость движения была такой бешеной, что Непоседа никак не мог сообщить, с чего начать отцепление. И вдруг на пути появилась широкая белая река, белая-белая как молоко. Гончие Псы легко перемахнули через её волны, а везделёт плюхнулся в реку, и движение затормозилось. Непоседа подтянулся к ручке на дверце везделёта, отвязал верёвку, и та в мгновение ока исчезла в пространстве.

Везделёт спокойно закачался на белых сладких волнах. Да, именно — сладких. В этом Непоседа убе-

дился тут же. Чтобы утолить жажду, он зачерпнул ладошкой немного влаги из чудесной реки. Откуда ему было знать, что он первым в мире испил из Млечного Пути?..

Теперь заработали ласты вездельёта, он стал на этот раз вездеплавом и поплыл по течению в глубь космоса.

В кабине друзья встретили Непоседу как героя. И хотя никто не кричал ему «браво» и «ура», взгляды друзей красноречиво говорили о том, что он их спаситель.

Г л а в а п я т а я,

*в которой рассказывается, отчего Непоседа стал певцом
и что представляет собой Млечный Путь*

Да, друзья, подвиги никому не даются легко! И порой по человеку, совершившему рискованное героическое дело, не заметишь, чего ему это стоило. Иногда от большого потрясения люди седеют, но пружинки, даже если они самые тоненькие, не волосы... Короче, Непоседа вернулся в кабину точно таким же, каким вышел. Печальный след, который оставил ему подвиг, был глубоко внутри, в организме, вернее, в механизме.

Очувтившись в молочной реке, Мякиш и Нетак поспешили похлебать этого чуда. Они обнаружили в полу вездельёта небольшую щель и поочерёдно прикладывались к ней.

— Свежее, сладкое! — причмокивая, сказал Мякиш и добавил: — Нам очень повезло! Хорошо, что это молоко не в бутылках, а то наколотили б мы полный космос молочной посуды.

А потом все вместе обратились к Пете:

— Петя, попробуй молочка! Попробуй...

Но как ни убеждали они Петю попробовать небесное молоко, тот категорически отказывался.

— Вам-то что?— говорил он.— У вас глотки и желудки не настоящие, а у меня, во-первых, от сырого молока живот болит, а во-вторых, в этом продукте, наверно, полно космической пыли. Не ровен час, ещё можно какой-нибудь метеорит проглотить. Лучше уж я попользуюсь своими запасами.

И он спокойно взял в рот соску, которой кончалась резиновая трубка, приспособленная к термосу за его спиной.

По этому поводу Мякиш сказал:

— Петя самостоятельный, поэтому пьёт из соски!

Непоседа обиженно заворочался и с трудом произнёс:

— М... м-ог бы п... п... поп... пробовать... ать...

Друзья удивлённо переглянулись.

— Что с тобой, Непоседа?— спросил Мякиш.

— Не... зна-аю,— с трудом произнёс тот.

— Он правильно разговаривает,— проскрипел Нетак.— Так и надо!

— Совсем не надо, ведь он же заикается,— сказал Мякиш.

— За... за-аик... ик... каюсь,— беспомощно развёл руками Непоседа.

Так вот оно что! Вот какой след оставил ему подвиг!

Докторам известны случаи, когда после большого испуга дети начинают заикаться. Именно это и произошло с беднягой Непоседой.

Мякиш сочувственно покачал головой и грустно сказал:

— Как же ты теперь будешь болтать и тараторить? Непоседа ведь должен говорить быстро.

— А я... я не... не смогу,— печально пропыхтывался на слове Непоседа, и в глазах его заблестели слёзы.

Мякиш оттолкнулся ногами от пола и, точно надувной шарик, подлетел к другу.

— Не плачь,— сказал он ему.— Я, кажется, знаю средство от заикания.

— А... а ч... что я должен де-елать?— с надеждой в голосе спросил Непоседа.

— Ты должен петь!

Если ты захочешь нам что-нибудь сказать, сочини быстренько стихотворение, придумай к нему музыку и пропой. Это даже очень интересно,— посоветовал Мякиш.

— Про-о-опеть?..— спросил Непоседа.

— Ну да. Вот я, например, у тебя спрашиваю:

Как ты себя чувствуешь,

Часто ли капусту ешь?— пропел Мякиш.

— И танцевать надо!— заявил Нетак.

— Не надо!— махнул рукой Мякиш.— Пой, Непоседа, пой!

И Непоседа попробовал. Он немножко призадумался, сочинил в уме стихи, прокашлялся, как артист, и запел своим звонким голоском:

— За-заикаться больше я не буду,
Перемою дома всю посуду!

— Какую посуду? Зачем она тебе?— спросил
Мякиш.— Ты что, не в своей тарелке?

И Непоседа снова ответил ему песенкой:

— Это я для рифмы взял посуду,
Можно было вставить и простуду...

— Как, ты ещё и простудился?— забеспокоился
Мякиш.— Мало того, что стал зайкой, так ещё и за-
болел?

Непоседа замахал руками, завертел головой и за-
пел во всю глотку:

— Это твой рецепт такой хороший,
Дайте мне, пожалуйста, галоши!..

— Чепуха какая-то!— возмутился Мякиш.— За-
чем тебе галоши?

Но Непоседа не мог ему объяснить. Ведь он по-
ступил именно так, как советовал Мякиш: в первой
строчке стояли нужные слова, а вторую он придумы-
вал только для того, чтобы получилась песенка. Об-
ращать на неё внимания не надо было. А Мякиш всё
время цеплялся за последнюю строчку.

Наверное, это мог бы объяснить ему Петя, но Пе-
тя уже минут десять как спал крепким и сладким
сном. Он устал и очень перевознолся.

А вездеплав двигался всё медленней и медленней,
что-то мешало ему. Непоседа, Мякиш и Нетак при-
слушались к мотору. Двигатель работал чётко, но
почему-то гудел натужней, чем прежде.

Тогда Мякиш посмотрел в окно, потом наморщил
лоб и поднял палец.

— Минуточку!— сказал он и бросился к дыроч-
ке, через которую они хлебали молоко из Млечного
Пути.

Поработав немного языком, он поднялся и сказал:

— Ничего страшного: молоко кончилось — пошла простокваша.

Однако призадумался, покачал головой и добавил:

— Эге, братцы, ведь за простоквашей пойдёт сметана, а за ней масло, и тогда мы увязнем... Надо что-то предпринимать!

Непоседа заволновался и, прыгнув Пете на плечо, пропел:

— Просыпайся, просыпайся, Петя.

А не то увязнем мы в диете!

Нетак и Мякиш тоже принялись тормозить космонавта, но тот спал каким-то сказочно крепким сном.

— Что делать?! Что делать?! — с криком заматались по кабине все трое.

Но отчаянный Нетак упёрся деревянным лбом в иллюминатор, а ногами в штурвал вездехота и что было силы начал давить на него. Штурвал опустился вниз, и человечки почувствовали, как вездехот оторвался от млечно-простоквашного пути и взмыл вверх. Затем перевалился на правый бок, перелетел через эту реку и начал падать куда-то вниз. И сразу же впереди, буквально на глазах путешественников, начала расти звезда. С каждой минутой она становилась всё больше и больше. Это грозило катастрофой.

— Что ты натворил, Нетак! Теперь мы все погибнем! — ужаснулся Мякиш.

А Непоседа жалобно пропел:

— Не хочу я с жизнью расставаться,

Я согласен даже заикаться...

Но в эту минуту от сильных толчков и неудобного положения проснулся Петя. Он удивлённо раскрыл глаза и жалобно залепетал:

— Пожалуйста, пожалуйста, не ставьте мне

двойки! Я назавтра выучу всё про Гончих Псов, про Млечный Путь и отвечу вам на пятёрку...

Оказывается, ему снилось, что его вызвали к доске и спросили, что он знает о звёздной системе. Петя во сне бодро отвечал учителю, что Гончие Псы — это весьма порядочные псы, что он лично с ними знаком и что они не очень отличаются от наших земных собак, только совершенно дикие. По поводу Млечного Пути он заявил, что эта молочная река постепенно переходит в простоквашу, сметану и сливочное масло...

Если бы такой ответ дали учителю Непоседа, Мякиш и Нетак, они, может быть, и заслужили отличные отметки. Но настоящему ученику больше «двойки» поставить нельзя было.

Короче, Петя проснулся вовремя.

Г л а в а ш е с т а я ,

в которой произойдёт торжественная встреча путешественников на Большой Нетаке и первое знакомство с её нетак-обитателями

— Кто? Кто трогал штурвал? — сердито спросил Петя.

Непоседа и Мякиш опустили головы. Они не были ябедами и не стали выдавать товарища.

Но Нетак и не думал скрывать своего поступка: он с видом победителя поставил ногу на штурвал и заявил:

— Кто же, как не я!

— Так мы же теперь из-за тебя можем полететь не туда, куда надо! — возмутился Петя.

— Ну и правильно, — спокойно сказал Нетак.

Ведь его подвиги всегда приводили только к неприятностям.

— Петя, а куда мы летим?— спросил Мякиш.

Если бы Петя хорошо знал глобус или карту полушарий, он не сказал бы того, что сказал именно сейчас. Он посмотрел на приближающуюся к ним планету и спокойно произнёс:

— Известно, куда летим. Обратно, на Землю...
Всё путешествие наше пропало!

Мякишу и Нетаку стало немножечко грустно, а Непоседа ещё больше заволновался и пропел:

— Не... не хочу домой лететь зайкой,

Я... я же путешественник великий!..

Однако всё было совсем не так. Планета была подозрительно мала, и её материки и моря ничуть не походили на земные. Мякиш хотел сказать об этом Пете, но передумал. Планета стремительно приближалась. Обратно поворачивать было поздно.

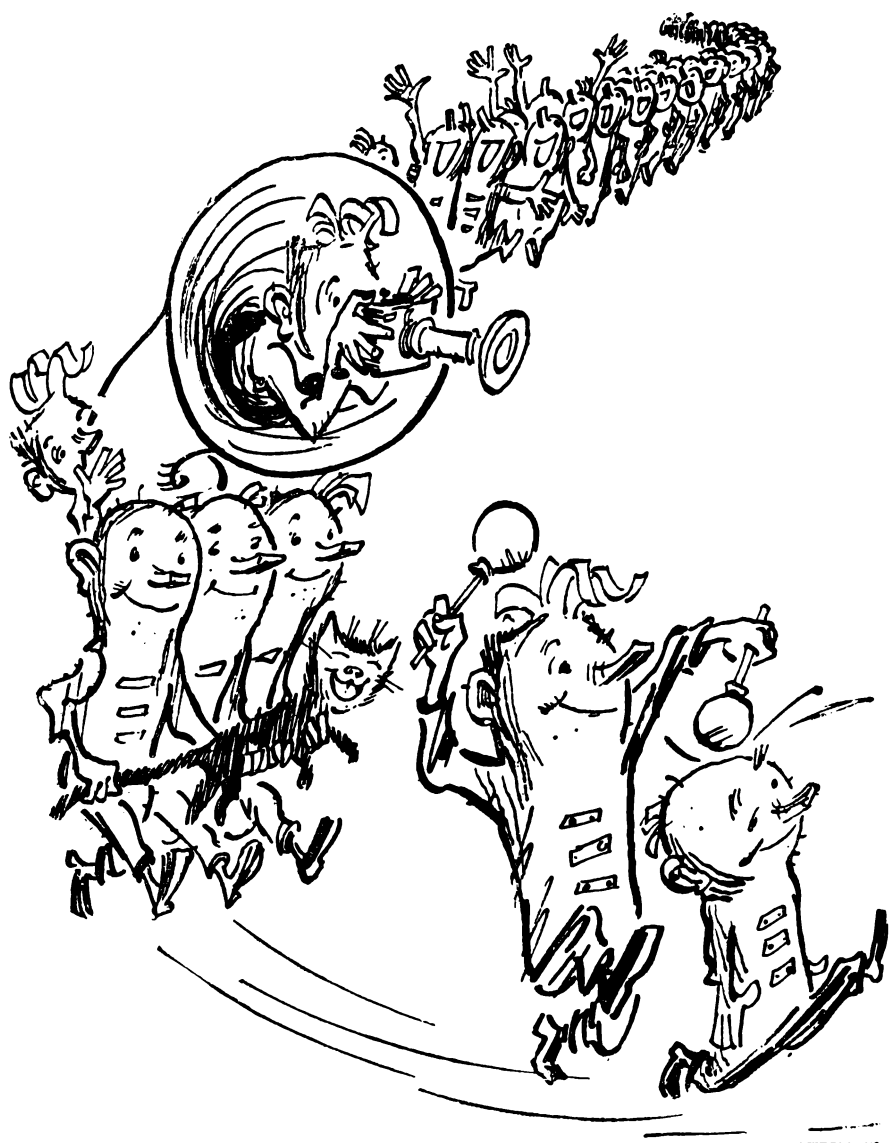
Скоро на поверхности планеты появились какие-то шевеления. Маленькие существа, словно муравьи, метались группками по земле и собирались на большом поле. Они поднимали над собой щитки и полотнища и размахивали ими. А спустя ещё минуту до слуха путешественников донеслись крики и музыка.

Везделёт начал приземляться.

Когда они совершали третий круг над полем, Петя разглядел огромный транспарант, примерно такой, какие бывают на железнодорожных станциях при въезде в большие города. На нём синими буквами было написано:

П л а н е т а Б О Л Ъ Ш А Я Н Е Т А К А .

Под транспарантом стоял духовой оркестр. Музыканты, стараясь изо всех сил, выдували из труб какую-то несусветную музыку.

— Мы, кажется, открыли новое небесное тело,— сказал Петя.

— Боюсь, что не так,— покачал головой Мякиш.

— Нет, так!— заявил Нетак.

Наконец космонавты приземлились, вернее, при-
нетакались. Тысячи местных жителей окружили
пришельцев Земли и нацелили на них свои фотоап-
параты.

Когда же дверцы распахнулись и путешественни-
ки ступили на твёрдую почву, воздух потрясли не-
истовые крики:

— Привет нашему другу Нетаку!

— Да здравствует Нетак!

— Слава великому путешественнику Нетаку!

— Да здравствует всё, что не так!..

Теперь-то уже всё прояснилось. Великое торжест-
во было вызвано появлением на Большой Нетаке
земного Нетака. Да, сомнений быть не могло: ведь
местные жители как две капли воды походили на
нашего старого знакомого деревянного Нетака, толь-
ко были сделаны из какого-то другого материала.

Конечно, почести до-
стались и остальным пу-
тешественникам, но они
были ничтожно малы,
чтобы о них стоило гово-
рить.

Объективы кинока-
мер и фотоаппаратов
были нацелены в основ-
ном на Нетака. А он сто-
ял у вездельёта с важ-
ным видом, словно был
знаменитым футболис-
том или киноактёром.

Оркестр продолжал греметь. Его музыка напоминала звуки, которые издаёт патефон, когда пластинку пускают в обратную сторону. А местные жители то и дело хором чихали:

— Ап-чхи! Ачхи!

Нетрудно было догадаться, что это заменяло им возглас «ура».

Вдруг толпа расступилась. Несколько местных нетаковцев притащили небольшую трибунку и установили её против гостей. Потом один из них взошёл на неё и, подняв руку, объявил:

— Слово для приветственной речи предоставляется почётному гражданину планеты, выдающемуся нетаковцу господину Нетактаку Наобороту!

Толпа зачихала во все носы, и к трибуне, пробивая локтями дорогу, стал продираться солидный нетаковец. По всему было видно, что он занимал видный пост и пользовался всеобщим уважением. На его носу сидели большие очки с розовыми стёклами, а между коленками он зажимал толстый портфель. Ходить таким манером было очень неудобно, но знаменитый житель Большой Нетакки, видимо, очень хорошо умел делать всё не так, как полагается делать. Пока он продирался к трибуне, соотечественники лихо хлопали его по плечам, а иные успевали ласково поддать коленкой.

Деревянный Нетак сиял. Он то и дело толкал Непоседу и Мякиша и радостно скрипел:

— Вот, учитесь, учитесь, как надо уважать старших!

Но Непоседа и Мякиш только улыбались и пожимали плечами. То же самое делал и Петя.

Наконец Нетактак Наобороту добрался до трибуны. Полный достоинства, он вскочил на её вершину и стал вверх ногами. Жители Большой Нетакки при-

тихли. Знаменитый нетаковец откашлялся и начал свою речь. Оратор он был отличный и жестикулировал ногами так, как иные не могли бы это сделать руками. Однако то, что он говорил, Пете приходилось в уме переворачивать наоборот, иначе пришлось бы либо обидеться, либо сразу удирать с планеты. А говорил он вот так и вот что:

— Народ Большой Нетак, на нашу планету с неба свалилась большая радостная беда! Нас посетили неуважаемые гости с другой планеты во главе со знаменитым земным Нетакком!

— Апчхи! Ачхи! — дружно зачихали нетаковцы...

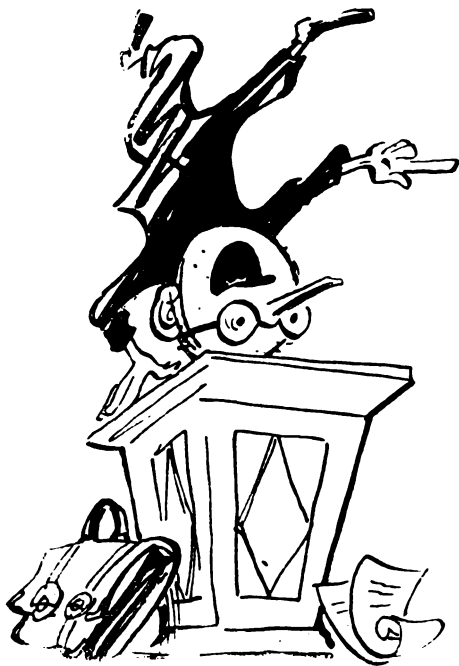
— Ну что?! — гордо проскрипел Нетак. — Правда восторжествовала! Теперь вы будете знать, с кем имеете дело! Будете знать, кто я такой!

— Наш долг, — продолжал оратор, — доказать гостям, что Большая Нетака — образец порядка и дисциплины во всей Вселенной! Наш девиз: «Только не так, только наоборот!»

Нетаковцы возликовали, и в глубокоуважаемого оратора полетели шапки, галоши и тухлые помидоры. Они хором кричали:

— Да здравствует славный Нетактак Наоборото!

— Будь он неладен!

— Напади на него коклюш, свинка, ангина!

А затем грянул гимн, который вместе со всеми пел и деревянный Нетак.

Славься, славься всё, что не так!
Всякий, кто так,— нарушитель и враг!
Правил не зная, живёт наш народ,
Славься же, славься наоборот!

Гимн закончился тушем, и музыка его была подобна скрежетанию тысячи ножей по тысяче кастрюль.

Как только какофония закончилась, Нетактак Наоборото обратился к путешественникам:

— Недорогие гости, ваше падение на Большую Нетаку будет отмечено в книгах нашей истории самыми крупными кляксами из самых невыливающихся невыливаек. Добро пожаловать, вон к чёрту с нашей планеты! Каждый наш дом станет вашим домом, а ваша ракета станет нашей!..

— Так я тебе её и отдам!— сказал Петя и хотел самым искренним образом швырнуть в оратора свой ботинок.

— Наши окна для вас открыты,— продолжал Нетактак Наоборото, подпрыгивая на руках.— Милости просим, входите, влетайте, вкатывайтесь, чтоб вам ни дна ни покрышки!.. Сегодня у нас двойное торжество, ибо вы прибыли в тот день, когда в нашей прекрасной столице Перевертайзо юные нетаковцы будут проходить экзамен-испытание на звание полного Нетака. Вы же будете самыми недостойными гостями этого великого праздника!.. Прошу, начинайте парад!

Заскрипел, завизжал оркестр, замелькали белые флаги, усеянные чёрными кляксами, и мимо гостей замаршировали колонны жителей Большой Нетак.

Пете на минуту показалось, что он находится на самой шумной переменке в самой неорганизованной школе. Но это только на одну минуту, ибо то, что произошло дальше, не могло даже присниться его ближайшему другу деревянному Нетаку.

Машины, которые предложили гостям местные власти, показались Пете подозрительными. Они чадили, колёса делали восьмёрки и визжали, оттого что оси их были, наверное, годами не мазаны.

Петя от имени своих друзей вежливо отказался от нетаковских машин и заявил, что их вездеход-вездеход превосходно ездит по любым дорогам.

Радужные хозяева не возражали. Но, прежде чем наши путешественники вошли в свой вездеход, они подхватили Нетака на руки и начали качать. Толпа высоко подбрасывала его, дружно чихала и, когда тот падал вниз, почтительно расступалась. Нетак грохался на землю, радостно улыбался и снова взлетал вверх.

— Какое счастье, что он деревянный! — качая головой, шептал Мякиш и отворачивался, когда его друг в очередной раз сталкивался с землёй.

Наконец гости уселись в кабину и во главе колонн нетаковцев двинулись в столицу Перевертайзо.

Г л а в а с е д ь м а я ,

*в которой описывается столица Перевертайзо и река
Самописка, на берегу которой стоит этот город*

Скоро вдали показались какая-то тёмная река и горбатый мост.

У самого берега Петя невольно остановил вездеход и начал протирать глаза.

Неужели ему всё это кажется? Ведь вода в реке была тёмно-фиолетового цвета, точь-в-точь как ученические чернила.

— Что это значит?— спросил он, высовываясь из кабины.

— Это река Самописка,— спокойно ответили ему маленькие нетаковцы, которые купались в реке и были точно такого же цвета, как вода в ней.

— Но ведь она похожа на чернила!

Подоспевший на своей чадающей машине Нетак-так Наоборото объяснил Пете:

— Совершенно верно — чернила. Это большое удобство! Во-первых, мы избавили наших учеников от необходимости брызгаться чернилами в школе — к их услугам целая река; во-вторых, наши ученики бегают во время уроков к реке и макают в неё свои перья или заправляют самопишущие ручки. И всё это бесплатно, за счёт городского правления.

— Ну и ну! — покачал головой Петя и повёл вез-деход на мост.

Однако ни одна из следовавших за ними колонн и не подумала воспользоваться мостом: все они по-шли вброд и на противоположном берегу вышли со-вершенно перекрашенные.

— Молодцы! Правильно пошли! — сказал Нетак.

Но Петя, Непоседа и Мякиш молчали. Всё это начинало надоедать, хоть и любопытно было видеть, какие чудеса последуют дальше.

Как только они выехали на противоположный бе-рег, который был началом города, на них с диким лаем набросились кошки всех мастей.

Нетактак Наоборото выпрыгнул из машины и, несмотря на всю важность своего положения, соб-ственноручно стал разгонять кошек, покрикивая на них:

— Ачу! Ачу! Пошли вон, добро пожаловать!..

И путешественники въехали в столицу. Да, пре-красный город Перевертайзо представлял собой весьма необычную картину. О нём стоит рассказать поподробнее.

Собственно говоря, на первый взгляд город был как город: дома, улицы, скверы, люди... то есть нетаковцы. Жители планеты выглядели очень своеобразно. Рост и размеры их не зависели от возраста, а зависели от того, сколько в ком было упрямства. Много упрямства — большой нетаковец, мало упрямства — поменьше. Поэтому можно было встретить нетаковца размером с куклу и рядом увидеть упрянца-великана ростом с нормального человека. Другими качествами, кроме упрямства, они не обладали.

В столице, как и на всей Большой Нетаке, всё делалось наоборот. Стрелки на часах двигались против хода часовых стрелок, да и сама планета, оказывается, вращалась не в ту сторону... Петя это понял по лёгкому головокружению, которое не покидало его с момента посадки. Короче, порядки в этом городе заставляли Петю только и делать, что удивляться.

Заметив замешательство гостя, Нетактак Наобороту поспешил объяснить:

— У нас очень порядочные беспорядки! Чувствуйте себя свободно и делайте, что вам вздумается!

А Петя слушал и читал объявления.

«Нам всё равно — можно лезть через окно!» И двери в домах были заколочены.

«Не переходи улицу в положенном месте!» И пешеходы толпами ходили по мостовой.

На кинотеатрах висели объявления: «Детям до шестнадцати — можно!»

И сотни других, вроде: «Сорить!», «Шуметь!», «Высовываться!..»

Можете себе представить, какой невообразимый ералаш стоял в городе. Машины не переставая гудели и каждую минуту сталкивались, у каждого дома дрались мальчишки, а полиции не было видно...

Впрочем, это не совсем так. Полиция была всюду на месте. Надо было только догадаться, что широкие стеклянные колпаки на перекрёстках были полицейскими постами. Если в нормальных городах эти колпаки узкие и стоят вертикально, чтобы дежурный милиционер не мог прилечь и уснуть, то в Перевертайзо это всё, естественно, было наоборот. Под широкими стеклянными колпаками стояли кровати, и на них мирно спали постовые.

Петя не поверил своим глазам. Он остановил вездеход, вышел на улицу и подошёл вплотную к полицейскому посту. Следом за ним поспешили Непоседа, Мякиш и Нетак. Они расплющили носы о стекло и убедились, что не ошиблись: на удобной широкой постели лежал упитанный нетаковец-постовой и храпел.

В это время к ним подоспела машина Нетакта Наоборото. Знаменитый нетаковец подошёл к ним на цыпочках и, приложив палец к губам, сказал:

— Ш-ш-ш, не будите его, он на посту!

— Но ведь в городе беспорядки!— не сдержал своего возмущения Петя.

— А у него — порядок, тишина. Колпак звуконепроницаемый!— объяснил Нетакт Наоборото.— У нас постовым и пожарником может быть только тот, кто умеет проспать на одном боку двадцать четыре часа. Это очень выгодные профессии — никакой ответственности. В случае чего, у дежурного оправдание: «Не видел, спал».

— Хорошо, когда полиция ничего не видит!— улыбнулся земной Нетак и, не скрывая своего одобрения, нежно погладил кусочек полицейской будки.

Зато Непоседа весь дрожал и молчал. Он боялся, что от возмущения не сможет ни заикаться, ни петь.

Ну, а Мякиш по этому поводу выразился так:

— Ничего не скажешь — хороша постелька! Широкая, мягкая. — Он потянулся, зевнул и промурлыкал: — Я, пожалуй, мог бы здесь стать начальником полиции. Работёнка не пыльная...

Петя тревожно покосился на Мякиша, махнул рукой и поскорей затолкал своих друзей в кабину вездехода.

Дальнейшая поездка по столице Перевертайзо ничего нового не принесла, всё продолжалось в том же духе. И совсем незачем пересказывать то, что увидели наши путешественники. Достаточно представить себе город и увидеть его наоборот, чуть ли не вниз головой.

Да, не случайно эта планета называлась Большая Нетака, а столица её — Перевертайзо.

Время подходило к обеду, и путешественники направлялись к самой знаменитой в столице столовой с очень приятным названием «Ешь как хочешь!».

Г л а в а в о с ь м а я ,

в которой описывается торжественный приём в столовой, под названием «Ешь как хочешь!», и важная беседа между Петей и государственным деятелем Нетактаком Наоборотом

Знаменитая столичная столовая «Ешь как хочешь!» успокоила и обрадовала путешественников. Название её было правилом, а кто из ребят не мечтает иногда о таком правиле? Во всяком случае, таких немало.

Петя сам ещё недавно устанавливал дома подобные порядки. Но там приходилось бороться с родителями, а здесь, пожалуйста, ешь как хочешь!..

Столы в обеденном зале были накрыты. Гостей ожидали давно.

Нетактак Наоборото сам лично пальцами снял пробы со всех блюд и похвалил шеф-повара. Потом гостям подали меню. Петя не мог скрыть своего удовольствия и прочитал его вслух. Вот что там было написано:

На десерт

(для аппетита): МОРОЖЕНОЕ С ИЗЮМОМ.

На первое: КОМПОТ С НАПОЛЕОНОМ.

На второе: НАПОЛЕОН С КОМПОТОМ.

На третье: ТОРТ С КОМПОТОМ И НАПОЛЕОНОМ

Посетители могут отказываться от супов и каш.

— Очень здорово!— сказал Петя.—От супа сразу отказываюсь, я уже дома насупился. Что касается каши — я ещё подумаю, может быть, не откажусь.

То ли в нём заговорил голод, то ли воспоминания детства, когда его, ещё маменькиного и папенькиного сыночка, перекармливали и перепичкивали всякими вкусностями, но только он с грустью заявил:

— Эх, жалко, что не захватил я свой ПУП!

Эти слова заставили Нетактака Наоборото и шеф-повара переглянуться. Толстый шеф осмелился по этому поводу высказать следующее:

— Уж на что мы, нетаковцы, ко всему привычный народ, а без пупа обойтись не можем. Жаль, что вы забыли его дома. Интересно бы взглянуть, какой он у вас?

— Небольшой. Примерно, как стол, и работает от электричества.

— Позвольте, пуп?— развёл руками шеф-повар.

— Ну да, ведь это машина. ПУП означает Полуавтомат Усиленного Питания. Он в разжѐванном виде подаѐт пищу в рот. Остаѐтся только проглатывать.

У шеф-повара и Нетакта Наоборот от удивления глаза полезли на лоб.

— Вот это да!— сказал шеф-повар и прикрыл ладошкой то место, где у него был самый обыкновенный, не полуавтоматический пуп.— Как же это вы не захватили такое чудо с собой?!

Петя почесал в затылке и не спеша ответил:

— Да потому, что этот ПУП не такой, как у всех людей...

— Как вы сказали? Не такой, как у всех?— перебил Нетакт Наоборот.

— Да, не такой.

— Так ведь это именно то, что нам нужно!— Он подпрыгнул от радости и угодил в вазу с кремом.

— Пожалуйста, я пришлю вам чертежи, как только заработает космическая почта,— пообещал Петя.

— А я потребую, чтобы издали правительственный указ. Пусть все жители Большой Нетакти заменят свои обычные пупы на не такие, как у всех людей!

— Пожалуйста, делайте что хотите,— махнул рукой Петя.— А я уж как-нибудь сегодня справлюсь без ПУПа.— И он проглотил слюнки.

— Справимся, справимся!— нерешительно мурлыкал Мякиш, шагая по липкому столу.

Ничего удивительного не было в том, что стол был липким и сладким: ведь он весь был заставлен мороженым и наполеонами. Потому-то и мух было очень много. Петя хотел прогнать их, но вовремя заметил объявление:

БУДЬТЕ ВЗАИМНО ВЕЖЛИВЫ — НЕ ОБИЖАЙТЕ МУХ!

И всё же Петя хотел проявить свою аккуратность. Он спросил у хозяев:

— Нельзя ли перед обедом помыть руки? Знаете, в дороге запылились, много космической пыли...

— Это неважно! — улыбнулся Нетактак Наоборот. — Значительно важнее помыться после обеда, чтобы не унести на себе казённых мух!

— Ваши обычаи для нас закон! — сказал Петя, торопясь приступить к обеду.

Вскоре заработали языки, челюсти и пальцы.

Через две минуты даже воздух в столовой стал липким.

Нетактак Наоборото не слезал со стола. Он копошился в тортах и мороженом, плавал в кастрюлях с компотом, выбирая для гостей лучшие яства.

Нетак — самый почётный гость планеты — был усажен на вершину кремового торта и торчал там, как роза. Несколько раз он порывался сбежать со стола, но Нетактак Наоборото вежливо удерживал его на месте и при этом нежно обмазывал кремом.

Вскоре между Нетактаким Наоборотом, главным уполномоченным по наобороте делам, и Петей состоялась деловая беседа. Возникла она легко и непринуждённо, как-то сама собой, и от простых шуток и любезностей перешла на важные государственные вопросы.

— Так, так! — первым начал Петя, отправляя в рот кусок наполеона.

— Скорее, не так! — вежливо заметил Нетактак Наоборото.

— Но всё-таки так! — мягко не соглашался Петя.

— Оно было бы так, если бы не не так!

— Как так — не так?

— Очень просто, не так! — повышал голос Наоборото. — Поскольку, так сказать, видите ли, возможно, тем не менее и тому подобное.

Петя вежливо разводил руками и твердил своё:

— Но ведь у вас, уважаемый Наоборото, всё не так!

— Уф, наконец-то!— с облегчением отдувался гостеприимный нетаковец.— Я знал, что вы оцените наши порядки! Именно не так!

— Так, так,— говорил Петя.

— Нет, скорее, не так!..

И всё начиналось сначала. Таким образом обед прошёл в дружеской обстановке, и обе договаривающиеся стороны достигли соглашений по многим вопросам.

Первым отвалился от угощений Непоседа. Он вообще был неважным едоком, а тут ещё Нетактак Наоборот и шеф-повар портили ему аппетит своими нетак-пожеланиями:

— Ешьте, чтоб у вас животы лопнули!

— Чтоб вам горько стало!

— Ешьте, авось заболееете!..

Соскочив к Пете на стул, Непоседа сердито пропел:

— Когда всё это кончится.

Нужна с повидлом пончица...

— Мало тебе этого?— удивился Мякиш.— И, во-первых, не пончица, а пончик! Пончиц не бывает даже на Большой Нетакке. А во-вторых, меня уже тоже тошнит.

Петя трудился честно, но в конце концов почувствовал, что от такой пищи к нему может вернуться самая неприятная из болезней — капризит. Вспомнив о ней, он немедленно прекратил есть.

Вдруг Нетактак Наоборот заволновался. Он спрыгнул на пол и быстро заговорил:

— Ай-ай-ай! Я совсем забыл, что через два часа начинается великий праздник! Я должен немедленно бежать на столичный стадион, проверить, всё ли в полном беспорядке! А вы ешьте и уставайте, потом придёте не туда. Дорогу вам не покажет каждый...

Последние слова он уже выкрикивал на ходу, убегая и оставляя на полу следы разноцветных кремов.

— Пошли на воздух!— сказал Петя, отмахиваясь от казённых мух.

— П-пошли,— тяжело отдуваясь, сказал Мякиш.

— П-п-пошли!— радостно заикался Непоседа.

И все вместе подумали: «Как бы нам больше никогда не попадать в столовые «Ешь как хочешь!».

У выходного окна, пересчитывая своих друзей, Петя не увидел Нетака.

— А где Нетак?— спросил он.

— Что-то не видно,— развёл руками Мякиш.

Они бросились к столу, но ни в одном торте, ни в одном компоте деревянного упряма не оказалось.

— Всё ясно, я знал, что он сбежит!— сердито махнул рукой Петя.— Надо было его привязать. Он пропадёт! Здесь что ни шаг — опасность!..

— Положим, не все места так ужасны,— вдруг задумчиво произнёс Мякиш.

Петя тревожно посмотрел на Мякиша и сказал:

— Ну, если уж и ты так думаешь, то мы сейчас же отправляемся обратно! Довольно, нанеатакались, чтоб им было пусто, этим наоборотам!

Непоседа испуганно посмотрел на Петю, а Мякиш слезливо проканючил:

— А нашего Нетака мы здесь оставим?

— Оставим! Пусть знает как подводить коллектив!

Непоседа от обиды не смог ничего проикать и зазвенел всеми пружинками.

— Не-ет, Петя!— решительно замотал головой Мякиш.— Это не честно! Нетак тебя в беде не оставил, он бежал вместе с нами, чтобы починить твой дырявый бензобак. А ты...

— Что я?.. Я ничего,— смутился Петя.— Но пора же этому упрямцу наконец стать самостоятельным!

— Но ведь он пока только самосидетельный,— вздохнув, сказал Мякиш.

— Какой?

— Са-мо-си-де-тель-ный!— по складам повторил Мякиш.

— Ага, ну конечно,— понимающе сказал Петя, хотя в действительности не понял, что это значит.

Непоседа дёргался, дёргался, наконец пропел:

— Надо нам обегать всю столицу,

На ноги поставить всю полицию!..

— На ноги поставить этих спящих барбосов нам не удастся,— сказал Петя.— А вот Перевертайзо перевернём вверх тормашками и отыщем нашего Нетака.

— А я всё-таки попытаюсь договориться с полицией. Я найду с ними общий язык!— заявил Мякиш.

— Ладно,— махнул рукой Петя.— Бегом на поиски! Через час встретимся на этом месте.

И они разбежались в разные стороны.

Г л а в а д е в я т а я ,

в которой Петя и Непоседа попадают в образцово-показательный нетакинтернат

Петя и Непоседа бежали так быстро, что скоро потеряли Мякиша из виду. На улицах было очень шумно и оживлённо. Жители Перевертайзо готовились к великому празднику и не обращали внимания на знаменитых пришельцев с другой планеты.

По проспектам то и дело проходили колонны юных жителей столицы. Все они держали путь на

столичный стадион. И хотя марширующие очень походили на пропавшего деревянного Нетака, Петя и Непоседа не решались расстраивать колонны идущих. Впрочем, его и не могло там быть. Марширующие выделяли на ходу такие трюки и фортели, выкамаривали такое, чего ещё не умел делать деревянный Нетак.

На окраине города их остановили душераздирающие крики и свист, которые неслись из-за высокого забора. На неструганых досках большими чернильными буквами было написано:

ОБРАЗЦОВО-ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ НЕТАКИНТЕРНАТ.

Петя махнул рукой и хотел бежать дальше, но Непоседа схватил его за штанину и пропел:

— С... срочно надо здесь искать Нетака,

В... вот она зарыта где, собака!

— Почему здесь?— удивился Петя.

И Непоседа снова запел:

— О... он хотел учиться обязательно,

Чтобы тоже стать самостоятельным!..

— Вот оно что!— сказал Петя.— Ну, тогда, конечно, пойдём.

И они перелезли через забор, потому что ни ворот, ни калитки нигде не было.

Видимо, в нетакинтернате была большая перемена. Двор кишел учениками разного калибра. Они так были увлечены своими играми, что не сразу заметили гостей.

То, что своими собственными глазами увидели Петя и Непоседа, заставило их замереть и прижаться к забору.

Половина учеников играла в чехарду. Они прыгали через учителей, и если какой-нибудь учитель

не выдерживал скакуна и падал, то самый отчаянный нетаковец давал ему десять щелчков в лоб.

Другая половина учащихся стреляла из рогаток в окна.

Не успел Петя отереть со лба холодный пот, как их заметили ученики. Сотни глоток радостно заорали и заулюлюкали, и из сотен рогаток в гостей полетели крупные голыши.

Тотчас же к ним подбежал солидный крупный нетаковец. Это был директор образцово-показательного нетакинтерната. Он же был и заслуженным учителем планеты. Об этом свидетельствовал знак на его груди: орден невыливайки с двумя мухами — высшая награда.

— Безобразие! — сказал Петя, заслоняясь от метких выстрелов.

Но директор радушно улыбнулся и заявил:

— Что вы, что вы, у вас нет основания обижаться на моих учеников: они стреляют в вас отборнейшими

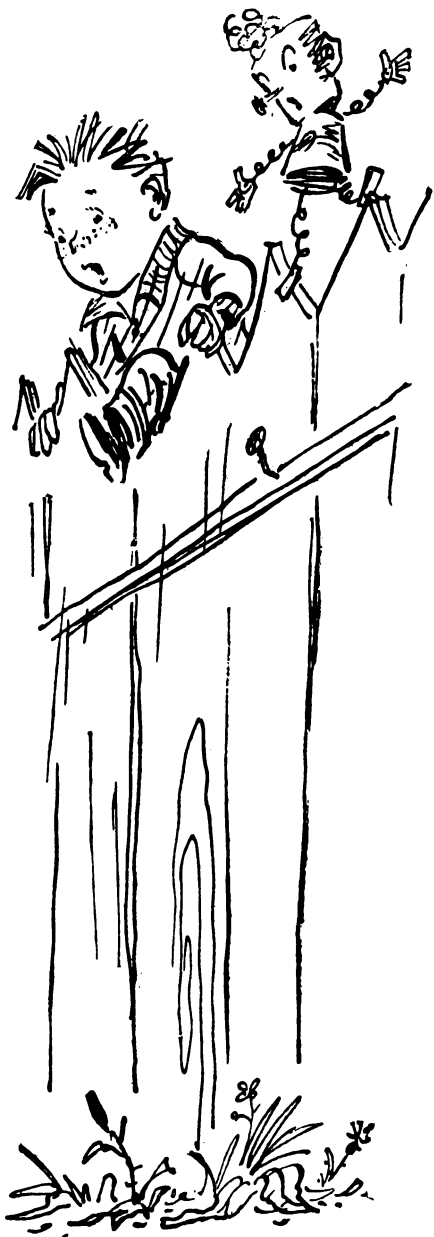
камнями. У нас не каждый гость удостоивается такой чести. К сожалению, я сам не успел в вас выстрелить, но, надеюсь, на первый раз вы меня простите... Честное слово, я больше не буду! — смущённо закончил директор.

К счастью, в это время прозвенел звонок, и стрельба прекратилась. Ученики лихо стали запрыгивать в окна своих классов, а директор ска-

зал: — Надеюсь, вы не откажетесь посетить урок в нашем нетакинтернате. Пойдёмте со мной, я поведу вас в лучший класс!

Петя немедленно хотел отказаться, но вспомнил, что ведь надо искать Нетака. И, откровенно говоря, его очень интересовало, как в таком интернате проходит обучение. Непоседа же успел обегать всю территорию и сообщить Пете, что среди учеников, которые хулиганили во дворе, их Нетака не было.

— Хорошо, мы пойдём на урок, — сказал Петя

директору.— Только прикажите ученикам не оказывать больше нам таких почестей.

— Ни в коем случае, это против наших правил. На уроках в гостей положено брызгать чернилами, а не стрелять из рогаток.

— И этого, пожалуйста, не надо,— попросил Петя.

— Хорошо. Ради вас мы пойдём и на это. Я прикажу,— пообещал директор и повёл гостей к учебному зданию.

По дороге Петя шепнул Непоседе, чтобы тот заглянул во все классы и поискал в них Нетака. Непоседа кивнул головой и первым прошмыгнул в интернат.

В учебном корпусе коридоры были узенькими и низкими. Маленькими оказались и классы, потому что юные нетаковцы были маленького роста и в больших помещениях не нуждались.

Как только Петя и директор вошли в один из классов, ученики-нетаковцы дружно стали на головы. То же самое сделал учитель на своей кафедре. Петя спросил у директора, не нужно ли ему проделать это приветствие.

— Нет,— ответил тот.— Чего доброго, вы ногами проломаете потолок.— И тут же сообщил:— Здесь сейчас будет урок чтения. Это очень сложный предмет!

«Почему сложный?— удивлённо подумал Петя.— У нас дети ещё до школы начинают читать». Однако скоро он убедился, что директор был прав.

Солидный руководитель нетакинтерната сел на пол и пригласил Петю устроиться рядом. Петя поблагодарил за любезность и сел по-турецки, скрестив под собой ноги.

В классе стоял невероятный шум. Парты хлопа-

ли крышками и ездили по полу, словно заводные сани. Петя сам был не из дисциплинированных учеников, но сейчас ему хотелось подбежать к одному-другому нетаковцу и призвать к порядку. Ещё минута, и он так поступил бы, но учитель, ловко лавируя между разъезжающими партами, подошёл к нему и, вручив учебник, сказал:

— Мы будем читать рассказ на первой странице, вот этот.— И он ткнул пальцем в название.

«Мальчик и Кабан»,— прочитал про себя Петя.

Потом учитель остановил одну из парт и, щёлкнув в лоб вертлявого ученика, приказал ему:

— Читай, Нетачок, и не посрами меня перед гостем и директором.

Нетачок встал и бойко прочитал:

— «Кичьям и набак».

— Молодчина!— улыбнулся директор.— Правильно!

Петя начал искать на странице такие слова, но не нашёл. Такого там и в помине не было. Только название рассказа чем-то напоминало прочитанное учеником, но чем — Петя понять не мог.

А ученик бойко продолжал:

— «Набак лажел в ежул, а кичьям лёш в улокш».

В действительности же в первой строчке рассказа чёрным по белому было написано: «Кабан лежал в луже, а мальчик шёл в школу».

— Это же не верно,— не удержался Петя.

— Конечно, не верно!— согласился директор.— В рассказе что-то перепутано. Всякий уважающий себя ученик должен лежать в луже, а кабан — ходить в школу!

Петя на минуту зажмурил глаза и представил себе эту картину. В большой чернильной луже

лежал мальчик, болтал ногами и хрюкал, а кабан с ранцем на спине торопился в школу.

— Тыфу,— негромко произнёс Петя и подавил в себе усмешку. Он уже догадался, в чём заключалась мудрость нетактения в этом нетакинтернате: ученики должны были читать слова наоборот.

Петя больше не следил за содержанием рассказа: надоело

переворачивать слова наизнанку. К счастью, история была короткой. Рассказ кончался словами:

«Кабан стал знаменитым учёным».

Ученик же прочитал:

— «Набак латс мытинеманз мынёчу».

На что учитель заметил:

— Молодец, из тебя тоже выйдет хороший набак!

Петино терпение лопнуло. Он и слушать больше такого не мог и боялся, чтобы проводы не были такими же торжественными, как встреча. Ведь на партах наизготовку лежали рогатки.

Тогда он пустил в ход испытанный школьный метод. Он поднял руку и попросил слова.

— Что желает сказать наш гость?— спросил учитель.

— Я ничего не желаю сказать,— ответил Петя.— Я только желаю на минуточку выйти.

— Куда?— вместе спросили директор и учитель. И тогда Петя взялся за живот и скрючился.

— А-а, пожалуйста, пожалуйста, хоть на целый час!— разрешил догадливый директор и любезно открыл ему двери.

В коридоре Петя сразу же столкнулся с Непоседой. Тот печально развёл руками-пружинками и пропел ему, что Нетака нигде обнаружить не смог.

— Чёртов деревянный упрямец!— выругался Петя и сказал:— Давай, Непоседа, скорей уносить отсюда ноги, иначе прозвонит звонок и нас начнут торжественно провожать! Бежим прямо к столовой. Может быть, Мякиш уже отыскал Нетака.

И, перепрыгнув через ворота нетакинтерната, знакомой дорогой они побежали к столовой.

Глава десятая,

*в которой обнаруживается пропавший без вести
Мякиш*

Возле столовой «Ешь как хочешь!» было тихо. Вездеход-везделёт стоял невредимым, но Мякиша не было.

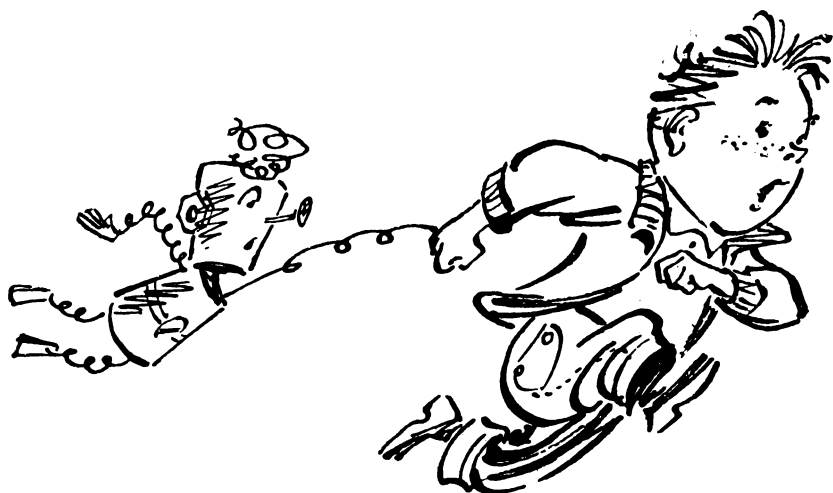
— Вот беда!— сказал Петя.— Теперь и этот пропал. Что же нам делать?.. Придётся Мякиша подождать.

Но Непоседа взволнованно зазвенел своими пружинками и пропел:

— Э... этак будем ждать его до ночи,

Надо заглянуть нам в «Ешь как хочешь!».

— Верно,— согласился Петя.— Этот обжора может преспокойно угощаться в столовой и толковать с шеф-поваром о моём ПУПе...

Но ни в кухне, ни в столовой Мякиша не оказалось.

— А-а!— спохватился Петя.— Всё понятно! Непоседа, за мной!— скомандовал Петя, и оба побежали к зданию столичной полиции, которое возвышалось на главной площади Перевертайзо.

Только теперь он понял, что Мякиш неспроста завидовал работе перевертайзовских полицейских, которые только и делали, что спали на своих постах. Конечно же, пластилиновый ленивец о лучшей должности и не мечтал...

Скоро они очутились возле столичной полиции. Вокруг здания и внутри было тихо и спокойно, словно в городе уже сто лет не было никаких происшествий и безобразий.

— Кто вам не нужен?— спросил их у дверей сонный полицейский.

— Ты нам не нужен, — ответил Петя. — Нам нужен пластилиновый Мякиш, наш четвёртый друг.

У дверей начали собираться проснувшиеся от шума разные полицейские чины. Они зевали, потягивались и возмущались поведением незваных пришельцев:

— Вы оторвали нас от важных... подушек!

— Что за новые порядки!

— Шумите в стороне!

— Вы мешаете работать нашему новому начальнику! — ворчали сонные полицейские.

Но Петя решительно заявил:

— Отдавайте нам нашего Мякиша!

— Нет у нас никакого Нетакша!

— Нет, есть!

— Нет, нет!

— Я буду жаловаться властям!

— Пожалуйста!— обрадовались полицейские и выволокли огромную книгу жалоб.— Чем больше на нас жалоб, тем лучше.

В эту минуту из здания полиции выкатился радостный Непоседа и жестами стал звать Петю за собой, обратно в помещение. Растолкав полицейских, Петя побежал вверх по лестнице. В коридоре с длинной ковровой дорожкой он остановился и прислушался.

Во всём здании воздух был густым от храпа и дрожал, как холодец. Хотелось разгребать его руками. Немного тише было возле кабинета главного начальника. Здесь не разрешали громко храпеть, чтобы не отрывать руководителя от сна.

Петя решительно распахнул дверь кабинета, и всё сразу прояснилось. Под сверкающим стеклянным колпаком на шикарной министерской кровати ногами на подушке спал Мякиш.

Непоседа взял такой большой разгон, что не смог притормозить у колпака и стукнулся прямо о стекло. Дзинь-передзинь!.. — зазвенело по всему зданию, и колпак рассыпался на мелкие осколки. Петя немедленно стащил Мякиша с постели, сунул его за пазуху и помчался вниз по лестницам. Непоседа летел след за ним.

Через минуту весь город знал, что украли нового начальника полиции.

Пробежав два квартала, Петя остановился.

— Зачем ты это сделал?— спросил он Мякиша, вытряхивая из него остатки сна.— Зачем ты побежал в полицию?

— У меня на это было много причин,— зевая, ответил Мякиш.— Во-первых, я в полиции выяснил, что наш Нетак пошёл на стадион.

— И ты не побежал за ним?!

— Я не мог. Потому что, во-вторых, мне предложили должность начальника полиции и я должен был занять эту должность и немедленно приступить к исполнению служебных обязанностей.

— Но ты же спал, как сурок.

— Спал,— согласился Мякиш.— А ты видел, Петя, какая у меня была кровать? Мечта, магнит!

— Всё равно ты должен был сперва бежать за Нетак, ты должен был себя побороть!

— А меня поборола кровать. Она оказалась сильнее...

— Да что с тобой, соней эдаким, говорить!— махнул рукой Петя.— Сейчас же бежим на стадион! Вперёд!..

Глава одиннадцатая,

*в которой описывается великий праздник на стадионе
Перевертайзо и рассказывается, где и как был
найден Нетак*

По всему городу, словно ветер, носились звуки духовых оркестров. Крики «ачхи» долетали до других планет. И все эти звуки неслись со столичного стадиона, в чаше которого разместилось почти всё население Перевертайзо. Жители столицы сидели один на другом, на одном лежащем сидело трое. Разобрать, где чьи руки и ноги, было невозможно. На любом рынке, на любой толкучке было в тысячу раз больше порядка, чем на перевертайзовском стадионе.

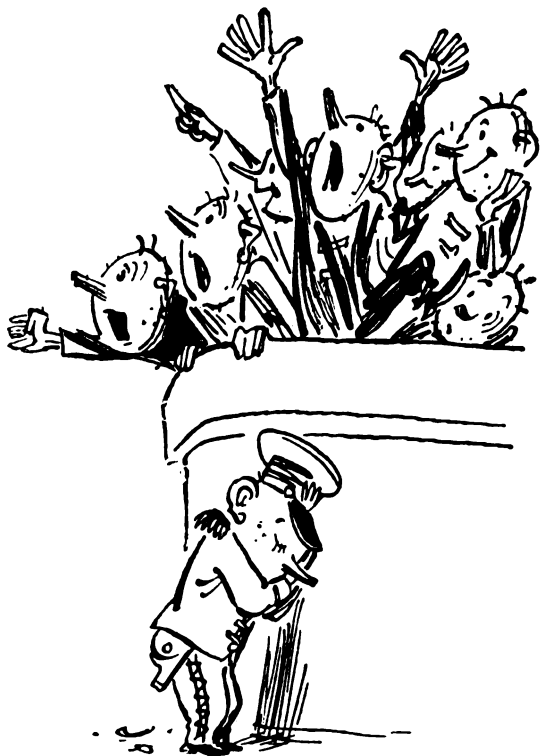
«Не потерять бы мне здесь Непоседу и Мякиша!» — подумал Петя, ни на секунду не выпуская из виду своих малышей.

Непоседа и Мякиш, в свою очередь, боялись оторваться от Пети, поэтому каждую минуту хватались за его штанины.

Когда же в воротах стадиона их втянуло в поток идущих и закружило, словно в водовороте, Петя больше не стал раздумывать: он схватил Непоседу и Мякиша и затолкал их в свои карманы. Дальше он шёл по течению, куда несла его река колючих,

твёрдых, угловатых нетаковцев. Кое-где приходилось, в полном смысле слова, ходить по головам, и Петя с содроганием слушал, как хрустят под его башмаками твёрдые упрямы. Однако ни одной жалобы он от них не услышал. Видимо, хождение по головам здесь было

тоже делом обычным и, главное, безболезненным.

Неизвестно, чем бы закончилось для гостей хождение по стадиону, если бы перед ними неожиданно не вырос почётный гражданин Большой Нетакти — сам Нетактак Наоборот. Разбросав навалившихся на него соотечественников, он поднялся и, расставив руки, воскликнул:

— Кого я вижу! Неуважаемые гости, для вас приготовлена особая ло-

жа! — И он указал на десятиместную ложу, в которой стояло, лежало и сидело больше сотни нетаковцев.

Орудяя руками и ногами, Нетактак Наоборот мигом очистил ложу и втащил туда гостей. Теперь Петя спокойно мог разглядеть всё, что происходило на поле. Непоседа и Мякиш выползли из Петиних карманов и удобно устроились на его коленях.

Посреди поля стояла большая печь, по форме напоминавшая огромную бутылку. В ней на машинах и тачках подвозили дрова и уголь, а из её трубы-горлышка к небу поднимался курчавый столб дыма.

— Что ж это они, печь их будут? — спросил Петя, показывая на колонны юных нетаковцев.

— Зачем печь? Закалять! Все они пройдут в этой печи закалку, и тот, кто не сгорит, получит диплом и звание полного нетаковца.

Петя ничего не ответил и только почесал затылок. Нетактак Наоборото начал нервничать и ёрзать на стуле.

— Всё не так! Всё неправильно делают!— ворчал он.— Надо побольше, побольше дров класть!— Наконец он не выдержал и, перескочив через барьер логи, побежал на поле.

Там он, не задумываясь, вскочил в печь. Оттуда полетели искры, а за ними выбежал и он сам. Растолкав кочегаров, Нетактак Наоборото схватил лопату и яростно стал забрасывать в печь уголь.

Непоседа, который вертелся на Петинем правом колене, всплеснул своими ладошками и грустно пропел:

— Как же мы Нетака здесь отыщем,
Если тут нетаков этих тыщи?!

— Не знаю как, а только бегите и ищите!— приказал Петя и столкнул с колен своих маленьких друзей.

Непоседа и Мякиш тотчас же затерялись в кипящем море нетаковцев.

Между тем колонны, выстроившись по росту, приближались к печке-бутылке. Оркестры замолкли в ожидании торжественной процедуры. Успокоились и нетаковцы: замерли, замолчали.

Чумазый, перемазанный углём Нетактак Наоборото выбежал на середину поля и заорал:

— Внимание, внимание! Великое торжество начинается! Жители Большой Нетаки, сегодня наша планета получит сотни новых полноценных нетаковцев, которые в огне не горят и смогут устоять перед любым правилом и законом, исполнив его, как пола-

гается, наоборот! Да здравствует новое пополнение!
Да здравствует всё, что наоборот!

Трибуны стадиона задрожали от мощного чихания. Грянули оркестры, и из тысячи глоток вырвались слова гимна:

Славься, славься всё, что не так!
Всякий, кто так, — нарушитель и враг!
Правил не зная, живёт наш народ,
Славься же, славься наоборот!

Только теперь Нетактак Наоборото покинул поле стадиона и побежал к своей ложе.

Колонны юных нетаковцев помаршировали прямо в открытую пасть печи. Дым из трубы повалил, как из домны, а из противоположного отверстия печи начали появляться уже закалённые нетаковцы — полные нетаки. Они выкатывались, как испечённая картошка: почерневшие, дымящиеся, покрытые синеватой окалиной. Сталкиваясь друг с другом, они издавали звон, как первосортная сталь, и долго ещё над их головами вился дымок. Важные чиновники тут же вручали им дипломы, напечатанные на металлических листах. Такой диплом не рвался, не мялся и не ржавел.

Петя уже давно перестал наблюдать за этим зрелищем. Глаза его пристально разглядывали тесные ряды стадиона, пытаясь отыскать Непоседу и Мякиша. Но разве можно в такой гуще увидеть маленьких человечков? Петя уже стал волноваться, как вдруг в одном из проходов поднялась сутолока. Кто-то кого-то тащил вверх прямо к его ложе. Вскоре Петя всё понял. «Ура!» — чуть было не закричал он. Непоседа и Мякиш тащили к нему упиравшегося Нетака. Через минуту все трое были у его ног. Упрямец Нетак продолжал вырываться и даже виду не подавал,

что знает Петю и своих старых друзей, Непоседу и Мякиша. Он выкручивал им руки и не переставая трещал:

— Так-так, не так! Так-так, не так!

Петя хотел помочь друзьям. Он протянул к упрямцу руки, но тут же воскликнул:

— Кого вы притащили?! Это же совсем не наш Нетак! Неужели вы этого не заметили?

Непоседа грустно посмотрел на свои длинные руки и прозвякал:

— Ра... растянул мне, гадкий, все пружинки,
Мне не обойтись уж без починки!

Мякиш с трудом отцепился от трескучего нетак-ковца и проямлил:

— А мне он вон сколько вмятин оставил...

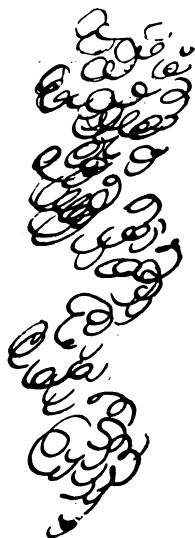

Почувствовав свободу, трескучий нетаковец перескочил через барьер трибуны и покатился вниз прямо по головам своих соотечественников.

Непоседа и Мякиш сразу приуныли. Нетактак Наобороту ни разу не взглянул в сторону своих гостей. Он внимательно наблюдал за процедурой закалки юных нетаковцев и не переставая ел мороженое: сливочное, пломбир, фруктовое. Как только он долизывал порцию, ему тут же, прямо под язык, подсовывали другую.

— Что же вы расселись?! — возмущённо сказал Петя Непоседе и Мякишу. — Бегите снова искать!

— Мы больше не можем, — сказал Мякиш. — Если они увидят, что мы украли ещё одного нетаковца, нас разорвут на части. Мы и так чудом уцелели.

— Ага, м-мага! — промычал заика Непоседа.

— А я знаю, что делать! — сказал Петя, снимая с себя куртку. — Вот возьмите её и как только найдёте нашего Нетака, накрывайте и, как в мешке, тащите сюда. Никто не узнает, кого вы тащите.

— Отличная мысль! — прошамкал Мякиш и взялся за один рукав куртки.

Непоседа схватился за второй, и они поволокли её вниз по проходу.

На этот раз Пете долго ждать не пришлось. Не прошло и пяти минут, как Непоседа и Мякиш притащили Петину куртку. Она дрыгалась, точно живая, и поровила вырваться из рук Непоседы и Мякиша. Не видя, кого тащат человечки, нетаковцы даже помогали им.

— Молодцы! — похвалил друзей Петя. — Надеюсь, теперь-то вы не ошиблись?

— Не... нет! — сказал Непоседа и, глядя на Петю, пропел:

— Са... сам вскочил он в куртку, между прочим. По тебе соскучился он очень!

— И по нас, — утомлённо зевая, сказал Мякиш.

Петя засунул руку под куртку, как это делают фотографы, заряжая фотоаппарат, но с криком «ай!» сразу же выдернул её.

— Ай, ай, горячо! Смотрите, моя куртка дымится!..

Куртка тотчас же развернулась, и вместе с дымом из неё вывалился горячий нетаковец, только что прошедший торжественное испытание.

— Эх, вы! — безнадёжно махнув рукой, сказал раздосадованный Петя. — Снова не того притащили!

— Та... так никто же его не звал.

Са... сам он в куртку забежал, — пропел Непоседа.

— Ну да, — вздохнул Мякиш. — От такого испы-

тания не только в куртку забежишь, а и в речку прыгнешь...

Петя не выдержал и, повернувшись к Нетактаку Наобороту, сказал:

— Это же безобразие! У нас сбежал один человек, а ваша полиция палец о палец не ударила. Сонные мухи у вас, а не полицейские!

— Да-а,— самодовольно протянул Нетактак Наобороту, выковыривая языком изюминку из пломбира.— Мои полицейские, когда не надо, очень бдительно спят.

— Но ведь этот человечек — гражданин другой планеты, он не имеет права оставаться здесь! — возмутился Петя.

— Почему же, у нас свободная планета: кто хочет, пусть остаётся. Мы можем всякому дать прибежище, только умел бы он ходить на голове и делать всё наоборот...

Разговор этот не закончился, потому что Непоседа и Мякиш вдруг радостно вскрикнули и кубарем покатались вниз, прямо на поле стадиона. Потом они во весь дух побежали к печи, в которую заходил уже последний нетаковец.

Петя заметил, как вслед за этим последним отчаянно бросился в печь Непоседа и через секунду вытащил из неё наполовину обуглившегося нетаковца.

Петя понял: на этот раз Непоседа и Мякиш не ошиблись. Он не стал дожидаться, пока притащат в ложу беглеца, и сам побежал друзьям навстречу.

— Вперёд! За мной! — приказал он подбежавшим к нему человечкам и начал проталкиваться к выходу, расчищая для них дорогу.

К счастью, торжество кончилось, зрители были очень возбуждены, и никто не обращал на них внимания. Над стадионом стояли тучи серого дыма, а рядом с бегущими друзьями всё время пахло обугленным деревом. Это было явным доказательством, что теперь с ними был именно деревянный, а не какой-нибудь другой Нетак. Сначала его не приходилось тащить, он сам бежал как от огня. И это было именно так.

Спустя несколько минут весь экипаж был возле своего вездехода-вездельёта. Ещё через минуту все сидели в кабине. Петя включил мотор, и ракета легко и стремительно оторвалась от планеты. В космосе она тоже очутилась легко: мотору помогала какая-то непонятная сила.

Оказывается, Большая Нетака не имела притяжения. Здесь даже это явление происходило наоборот. Всё правильное и хорошее отлетало от Большой Нетак, как горох от стенки.

Глава двенадцатая,

*в которой продолжается полёт и Непоседа перестаёт
петь песни*

За окнами вездолёта стояла густая синева. Только вдали, словно сквозь дырки в тёмном театральном занавесе, сверкали яркие, лучистые звёзды.

О том, как это было красиво, знали только знаменитые герои-космонавты и наши путешественники, которые продолжали свой групповой полёт по просторам ещё никем не изведанной Галактики. По пути им встречались новые сказочные созвездия. Друзья тут же присваивали им названия. Например, группу звёзд, напоминавшую большую перину, с разрешения Пети Мякиш назвал Созвездием Пуховой Перины. Звезду, которая то исчезала, то появлялась, причём каждый раз в новом месте, называли Непоседой. А самой большой и яркой звезде, отливавшейся чернильным фиолетовым цветом, решением всего экипажа было присвоено название Звезды Пети Мапина. И если когда-нибудь в астрономическом атласе вам встретится звезда под этим названием, то вы смело можете всем заявить, что отлично знаете её первооткрывателя. Это был именно Петя Мапин, бывший Мамин-Папин.

Моторы работали чётко, невесомость уже несколько не беспокоила путешественников, и весь полёт, как говорят космонавты, протекал нормально.

Да, если б сейчас в кабине вездолёта не пахло обгорелой головешкой, можно было бы подумать, что у наших путешественников не было столкновения с планетой Большая Нетак. Единственным доказательством их пребывания на этой наоборот-планете был Нетак. Он сидел почерневший, с обгоревшими стружками-волосами, и никто не собирался даже

стереть с него сажу. Таким друзья решили доставить его на землю. Откровенно говоря, у всего экипажа после этого визита остался неприятный осадок, даже у самого Нетака. Именно об этом подумали сейчас все четверо. словно по команде, посмотрели друзья на пострадавшего товарища, а он и головы от стыда поднять не может, не то что в глаза посмотреть.

Петя как командир экипажа высказался первым:

— Ну что, Нетак, может быть, снова хочешь на Большую Нетаку?

Если бы Нетак не был Нетаким, он бы с радостью закричал: «Нет, не хочу!» Но ведь он остался Нетаким, деревянным упрямцем, поэтому смолчал, хотя по всему его виду было понятно, что теперь его туда даже калачом не заманишь.

А Петя продолжал:

— На всех на вас одно средство есть...

— Какое?— хором спросили Непоседа и Мякиш.

— Горячая печь! Вот какое!

Теперь пришла очередь смутиться Мякишу. Конечно, все помнят, что и он, пластилиновый лентяй, чуть не расплавился в кондитерской печи из-за своей беспробудной лени.

И всё же Мякиш попытался чуточку оправдаться.

— Так ведь я,— промямлил он,— случайно туда попал, а Нетак сам, добровольно в печь полез.

— Потому он и упрямец Нетак. Каждый в беду по-своему лезет. У кого какой характер...

— А вот я молодец!— совершенно не заикаясь, с гордостью воскликнул Непоседа.

Все дружно обернулись в сторону Непоседы. Даже Нетак забыл о своём несчастье и тоже удивлённо выпучил глаза на своего друга-пружинку.

Непоседа не унимался. Он летал по кабине и кричал своим чистым, звонким голоском:

— Молодец! Молодец! Я молодец, я в печь не попадал!

— Подожди, не спеши, может, и твоя очередь ещё придёт. Но я слышу, ты совсем перестал заикаться!— сказал Петя.

— Перестал! Совсем перестал!— звенел Непоседа.

— Э-эх,— вздохнул Мякиш.— Это и хорошо и плохо.

— Почему плохо?— замер в воздухе Непоседа и с обидой посмотрел на пластилинового друга.

— Потому что теперь нам никто не будет песенки петь. Всё-таки с твоими глупыми песнями как-то веселей было.

— Чепуха!— вмешался в разговор Петя.— Ты, Непоседа, лучше расскажи, отчего ты перестал заикаться?

— От того, от чего и начал. От испуга.

— Когда же это случилось? Что-то я не заметил, когда ты испугался,— развёл руками Петя.

— Я и сам не заметил — некогда было. Но, думается, это случилось тогда, когда я за Нетаком в печь прыгнул. Всё-таки мне не каждый день приходится это делать. Страшноватая работа. Дух захватило, и все заикалки из меня, словно семечки, высыпались.

— М-да,— протянул Мякиш.— Значит, верно говорят: клин клином вышибают!

Друзья обрадовались, что Непоседа излечился от противного заикания. По этому поводу начались разные рассуждения.

Мякиш заявил:

— Когда человек заикается, его ни с кем не перепутаешь. Не все же так разговаривают. Вот, скажем, заблудился в городе ребёнок, родители придут в ми-

лицию и скажут: «Моего ребёнка сразу найдёте, он зайка». Приведёт постовой в милицию десяток зайк, и мама сразу своего отыщет. Значит, это не так уж плохо.

Тут и Нетак пожелал высказать своё мнение. Он сказал:

— Так все должны разговаривать, а то противно, когда гладко болтают...

— И вовсе не в этом дело,— перебил его Петя.— Я тоже думаю, что зайкой иногда быть полезно.

— Это в каком же случае?— спросил Мякиш.

— Ну, например, когда тебя учитель к доске вызывает. Ты выйдешь, учитель задаст вопрос, а ты ему: «П-п-преж-ж-жд-де, ч-ч-ем-м с-с-ска-ка-зять-ть о г-г-глаго-голе, не-не-необходи-мо-мо...» Учитель махнёт рукой и скажет: «Довольно, садись на место». И поставит троечку. Жалко ему будет мучить бедного зайку.

— Нет, нет! Вы меня больше не уговорите! — запротестовал Непоседа. Он решил, что друзья его убеждают снова стать зайкой.— Если вам нравится, можете сами заикаться. Надоели мне эти песни: не хочу я по всякому поводу выдумывать стишки и музыку. Попробовал бы ты, Мякиш, день и ночь петь... Подумаешь, ему скучно без песен!.. И не хочу теряться и в милицию попадать, и не хочу быть учеником-зайкой... Так что и заикаться об этом не смейте!..

— Ладно, никто тебя не уговаривает,— успокоил его Петя.— Хватит спорить, давайте немного прогуляемся по космосу. Готовьтесь! — приказал он.

Это предложение всем пришлось по вкусу. Спустя несколько минут космонавты спокойно прогуливались по наружной части вездехода и летали рядом с ним, точно сказочные птицы. Долго ли, коротко ли

длилась их космическая прогулка, но только Непоседа вдруг закричал, что слышит музыку и голос радиодиктора. Друзья тотчас же подлетели к нему и стали прислушиваться.

Г л а в а т р и н а д ц а т а я ,

*в которой Непоседа становится радиоприёмником
и радиопередатчиком и устанавливается связь
с планетой Земля*

Всё объяснилось очень просто. Непоседа-то был человечком металлическим и поэтому, когда он зацепился за радиоволну, стал вроде радиоприёмника. Ведь радиоволны не знают границ и свободно проникают в космос. Пружинные руки и ноги Непоседы были отличными антеннами. Поворачивая и вытягивая их, он настраивался на разные волны. Когда он так делал, от него исходили разные звуки: то музыка, то разноязыкая человеческая речь. Скоро Непоседа так наловчился настраиваться, что друзьям уже не приходилось напрягать слух — каждое слово было отчётливо слышно даже на расстоянии.

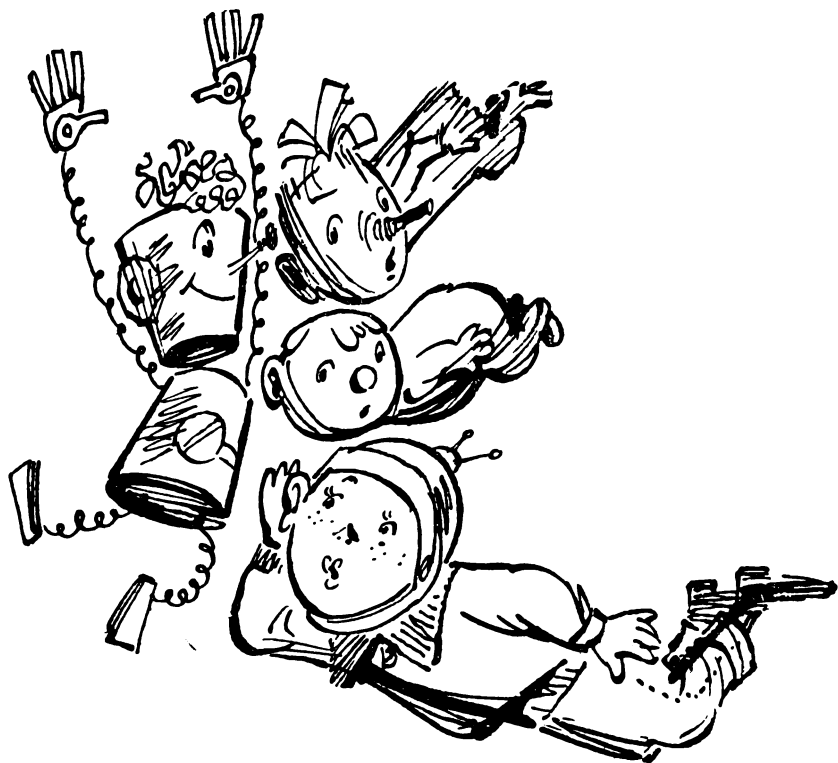
Друзья наперебой стали просить его:

— Поймай музыку!

— Поймай футбольного комментатора!..

Небывалое дело! Нашим путешественникам удалось в космосе прослушать всю вторую половину игры на кубок между футбольными командами «Спартак» и «Динамо». И друзья болели. Болели в космосе!

Они кувыркались, прыгали в пустом пространстве, и только Непоседа не мог пошевелить ни ногой, ни рукой. Стоило ему чуточку повернуться, как

станция пропадала. Он с завистью смотрел на товарищей, но держался стойко. Не мог же он лишиться удовольствия своих друзей.

Когда спортивный комментатор закончил свой рассказ и прозвучал знакомый спортивный марш, радиодиктор объявил:

«Внимание, внимание! Через несколько минут будет передано важное сообщение! Работают все школьные радиостанции!.. Внимание, внимание!..» И диктор снова повторил всё сначала.

Друзья терпеливо стали ожидать. Все взоры были обращены на Непоседу. Чтобы не потерять волны,

Петя приказал Мякишу и Нетаку подлететь к «радиоприёмнику» и попридержать его с двух сторон. Ведь всё-таки он был Непоседой.

И вот началось важное сообщение.

«Дорогие радиослушатели! — начал диктор. — В начале учебного года ученик одной из наших школ, Петя Мапин, на собственной ракете-везделёте покинул Землю и отправился в космос. По свидетельству школьной уборщицы тёти Глаши, вместе с ним отправились три игрушечных человечка: Непоседа, Мякиш и Нетак. Некоторым школьным астрономическим станциям удалось засечь в космосе передвижение самодельного везделёта, но вскоре они его потеряли. Просьба ко всем юным астрономам и радиотехникам начать разведку пропавшего везделёта с юными героями. О ходе поисков просим сообщать на радиостанцию «Умелые руки», которая помещается в 131-й полной средней школе и работает на волне две тройки, одна пятёрка...»

Дальше друзья не стали слушать. Они закричали «ура» и закувыркались в космосе.

— О нас знают! — кричал Петя.

— Нас ищут! — мямлил Мякиш.

И все вместе стали качать Непоседу и кричать:

— Слава нашему Непоседе!

Вдруг Мякиш отлетел в сторону и задумался.

— Ты чего это? — спросил Петя.

— Думаю.

— О чём?

— Не спеши. Придумаю — сам скажу.

И Мякиш, удобно разлёгшись в космосе, прикрыл глаза.

— Эй, не можешь ли ты думать побыстрей! — заторопил его сам Непоседа. — А то я не знаю, что мне теперь делать?

— А я, кажется, придумал, что тебе делать,— открыв один глаз, сказал Мякиш.— Я полагаю, если ты можешь быть приёмником, то, может быть, из тебя получится и передатчик. Ведь чудесам на Земле нет предела, а в космосе и подавно.

— Что же ты предлагаешь? — спросил Петя.

— А вот что. Если Непоседа, когда он вверх головой,— радиоприёмник, то, может быть, вниз головой он станет передатчиком. Попробуем, мы ничем не рискуем.

Непоседа не стал ожидать Петиной команды и сам перевернулся вниз головой. В космосе можно хоть сутки болтаться вверх тормашками, потому что не знаешь, где верх, где низ.

— Ну, а что теперь? — спросил Петя.— Ведь у Непоседы нет микрофона. Куда же мне тогда говорить?

— Туда, откуда он говорит,— заявил Мякиш и крикнул Непоседе: — Раскрой-ка пошире рот!

Дальше стал действовать Петя. Он подлетел вплотную к Непоседе и прямо ему в рот, как в микрофон, стал говорить дрожащим от волнения голосом:

— Земля! Земля! Я — Петя Мапин!.. Земля! Земля! Я — Петя Мапин! Говорю из космоса, говорю из космоса!.. Отвечайте, кто слышит!.. Перехожу на приём! Перехожу на приём!

Непоседа немедленно перевернулся вверх головой. Все притихли и начали прислушиваться. Но из Непосединого рта слышались только шумы и посвистывания. И вдруг... О чудо! Раздался отчётливый голос:

«Вас слышим! Вас слышим!.. Здравствуй, Петя! Говорит радиоузел «Умелые руки». Как протекает полёт?.. Перехожу на приём!»

— Хорошо! — заорали путешественники, когда

Непоседа перевернулся вниз головой.— Всё в порядке, продолжаем полёт. Самочувствие отличное!

Непоседа вертелся, как акробат, становясь то приёмником, то передатчиком.

«Петя! Петя! — неслось с Земли, прямо из школы.— Сейчас с тобой будет говорить Павел Сергеевич, директор школы!..»

Голос юного радиста оборвался, и через несколько секунд из рта-репродуктора слышалось солидное покашливание. Так всегда покашливал Павел Сергеевич, когда был в хорошем настроении. Это сразу успокоило Петю, потому что до сих пор, когда директор школы разговаривал с ним, у него бывало только плохое настроение. И вот Павел Сергеевич начал. Голос его дрожал от волнения: «Дорогой Петенька... Дорогой Петенька!»

Этого Петя не смог спокойно перенести. На глаза его набежали слёзы. Но счастливый герой не скрыл их от друзей, потому что такое случилось бы с каждым учеником, если бы он из уст директора услышал ласковое «Петенька, или Вовочка, или Ванечка!».

Директор снова покашлял и продолжал:

«Не забудь, дорогой, вести дневник и аккуратно записывай все наблюдения. Не страшно, если в записях будут грамматические ошибки... Ничего, герою это прощительно...— Но тут директор чуточку помолчал и добавил: — Конечно, лучше, если ошибок не будет. Герою надо быть грамотным. Тем более, что твои записи станут историческими документами... Мы в школе уже делаем выставку твоих работ и повесим твой портрет и твои тетради... Какие будут у тебя пожелания? Переходим на приём, слушаем тебя!»

Теперь Пете пришлось покашлять, прежде чем высказать своё пожелание:

— Пожалуйста,— сказал Петя,— не ставьте на выставку моего дневника. Там, кажется, много лишних...— Но слова «двоек» он вслух не сказал.

«Хорошо, Петенька,— пообещал директор.— Теперь твоя просьба для нас — закон... Береги своих друзей и себя! Мы будем ждать от тебя новых известий. А сейчас с тобой будет говорить товарищ Папина, то есть твоя мапочка, то есть твоя мамочка, которая только что примчалась в школу».

И сразу же из Непоседы полились частые всхлипывания:

«Петенька, сыночек мой, это я, твоя мама! Срочно скажи мне, жив ты или нет?»

— Жив! Жив! — закричал Петя.

«А что ты там ешь?» — продолжала рыдающая мама.

— Всё, что попало!

«А свежее ли?»

— Свежее!

«Петенька, покупай себе в каждом космическом гастрономе колбаску и маслице и обязательно пей молоко!»

— Хорошо, мама.

«Сыночек, немедленно возвращайся назад, а то я себе на Земле места не нахожу!»

— Хорошо, скоро вернусь...

Последней говорила тётя Глаша. Она тоже рыдала и просила расцеловать Непоседу, Мякиша и Нетакка, без которых она последнее время жить не могла.

На этом передача и приём закончились, потому что Непоседа совсем завертелся и выбился из сил. Мякиш не слышал окончания передачи: он уснул, как только услышал голос Петиной мамы. Петя разбудил его, и все вернулись в кабину, чтобы разработать план дальнейшего полёта и возвращения.

Глава четырнадцатая,

*в которой происходит приятная беседа с печальным
окончанием*

После радостного происшествия в кабине вездёлта состоялся весьма приятный разговор. Радио-Непоседа, как главный герой события, сидел у Пети на руках и не без важности поглядывал на своих товарищей — Мякиша и Нетака. Мякиш тоже немножечко гордился, ибо кто, как не он, усовершенствовал Непоседу и помог ему стать передатчиком. По этому случаю он решил отложить послеобеденный сон и высказаться.

— Да-а! — многозначительно протянул он.

— Что — да? — насторожился Непоседа.

— Хорошее дело — радио!

— Конечно, хорошее! — отозвался Непоседа.

Когда хочешь — музыку слушай или сказки...

— А когда хочешь, можешь выключить, то есть заткнуть глотку.

— Эй, ты! — подпрыгнул Непоседа. — Выбирай-ка повежливее слова! Подумаешь, учёный напёлся! Я те выключу!

Мякиш не стал продолжать спор, но, помолчав немного, заметил:

— Уж если говорить об учёных, особенно знаменитых, то я полагаю, что среди нас такой сейчас находится.

Тут все посмотрели вопросительно на Мякиша и с нетерпением стали ожидать, что скажет он дальше.

Мякиш важно покашлял, точь-в-точь как директор школы, и не торопясь сказал:

— Вот нашему Пете и достанется слава великого открывателя планет и учёного!

Тут Нетаку захотелось протестовать, но пока он

воздержался: слишком уж много неприятностей перенесли из-за него друзья на Большой Нетаке.

А Мякиш продолжал:

— Сперва в школе будет выставка с Петиним портретом. Потом начнут экскурсии ходить из других школ, чтобы посмотреть на Петю...

Как только Петя услышал эти слова, он схватился за штурвал и направил везделёт вниз, к Земле. Что греха таить, ему поскорей захотелось посмотреть собственную выставку и искупаться в тёплых волнах великой славы. Однако никто из друзей не заметил, что везделёт стремительно полетел вниз, — всем хотелось знать, что дальше скажет Мякиш. И Мякиш обратился прямо к Пете:

— Только зря ты, Петя, думаешь, что великая слава — это лёгкое дело.

— А что в ней тяжёлого? — спросил великий открыватель и учёный.

— Ну, хотя бы то, что на выставке обязательно должен быть твой дневник. Стало быть, тебе придётся...

— Что придётся? — всё ещё не понимал Петя.

— Придётся заниматься только на «отлично». Иначе тебя исключат из великих учёных.

— Чепуха! — впервые за всё время высказался обгоревший Нетак, но больше ничего не сказал.

Петя же покраснел до ушей и тоже промолчал, хотя про себя с грустью подумал: «Теперь мне придётся как следует поднажать на учебники, тем более что пропущено много уроков».

Пока шёл этот разговор, Мякиш и Нетак висели в пространстве по причине невесомости. И вдруг неожиданно оба шлёпнулись на пол кабины.

— Эй, эй, катастрофа! — запищал Мякиш.

— Спокойно! — сказал Петя. — Никакой катастро-

фы нет: мы вошли в земную атмосферу, и невесомость кончилась.

Мякиш и Нетак подползли к иллюминатору и внизу увидели что-то синее, сверкающее.

— Чепуха,— сказал Нетак.— Там тоже небо.

— Не небо, а океан! — поправил Мякиш.

— То есть как океан?! — только теперь после обиды очнулся Непоседа.— Разве мы летим на Землю, домой?

— Пора! — решительно сказал Петя.— Напутешествовались. Меня теперь в школе с нетерпением ожидают. Сам Павел Сергеевич, директор, будет меня с цветами встречать.

Петя на миг зажмурил глаза и представил себе картину торжественной встречи: оркестры, цветы, вся пионерская дружина в галстуках...

Но мысли его прервал Непоседа:

— Это с какой же стати прерывать путешествие?! Мы только на одной планете побывали. Надо лететь опять в космос!

— Надо! — упрямо поддержал его Нетак. Ему стыдно было в таком виде возвращаться в мастерскую «Умелые руки». Что скажет тётя Глаша, когда увидит его таким чёрным, обугленным чурбаном?!

— Я лучше знаю, что нам надо! — рассердился Петя.

— Нет, не знаешь! — зазвенел Непоседа.

— Нет, знаю!

— Нет, не знаешь!

Петя не удержался, топнул изо всей силы ногой об пол каюты, и тут случилась беда. Доска проломилась, в кабине образовалась щель, и все три его друга вывалились из вездельёта.

Петя так был зол, что не понял, какая стряслась беда.

— Ну и ладно! Провалились так провалились. Надоели мне эти человечки, только и знаешь, что возишься с ними, как с малыми детьми! — ворчал он. Однако скоро совесть заговорила в нём, и он стал укорять себя: — Что же я такое говорю?! Ведь это мои друзья-товарищи. Разве не они спасли меня от гибели, когда горел бак моего вездельёта?!

Он посмотрел вниз, на синюю гладь океана, но ничего не увидел. Должно быть, его друзья уже погибли, утонули в океане...

«Что бы там ни было — я должен спасти их!» — подумал Петя и дрожащими от волнения руками направил вездельёт стремительно вниз.

Г л а в а п я т н а д ц а т а я ,

*в которой происходит столкновение и знакомство
путешественников с Кибернетическим островом*

Непоседа, Мякиш и Нетак летели вниз, прямо навстречу бушевавшему океану.

Просто чудом удалось им ухватиться в воздухе друг за друга, и это дало возможность переброситься несколькими фразами, вернее, проститься перед неминуемой гибелью.

Задыхаясь от сильного ветра, не скрывая слёз, Непоседа сказал друзьям:

— Мы были верными товарищами, мы никогда не покидали друг друга и погибаем тоже вместе.

— Жалко нас! — прохныкал Мякиш, но ветер отнёс его слова назад, в небо.

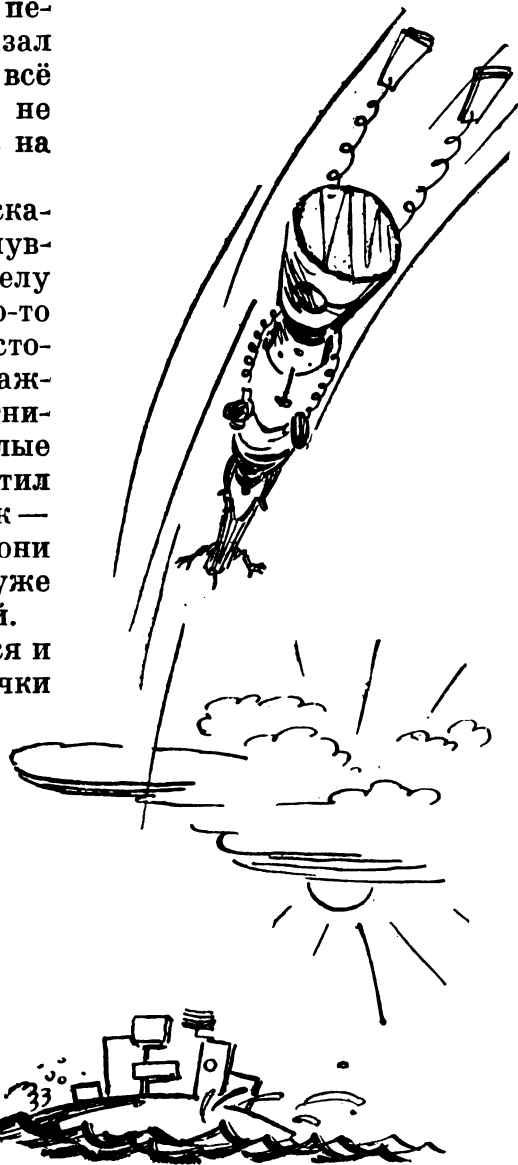
— Эй, глядите! — проскрипел вдруг Нетак. — Туда! Туда! — И он указал куда-то на восток, где на волнах океана виднелся какой-то плоский круг.

— Это остров, — печальным голосом сказал Мякиш, потому что всё равно никакая сила не могла бы их забросить на него.

Но только он это сказал, как Непоседа почувствовал, что по его телу пробежал ток и что-то сильно потянуло его в сторону острова. Так однажды притянуло его к магниту в мастерской «Умелые руки». Он крепко ухватил Нетака за руку, Нетак — Мякиша, и все вместе они полетели к острову, уже не вниз, а по наклонной.

Остров приближался и рос на глазах. Человечки успели заметить, что на нём не было ни единого деревца, а весь он был уставлен какими-то не то домиками, не то коробками. В следующую минуту они почувствовали сильный, но пружинистый удар и очутились в металлической сетке.

Непоседа протёр глаза и тихо спросил:

— Это мы уже на том свете?

— М-м, кажется, ещё на этом, — неуверенно промычал Мякиш. — На тот свет мы должны были пройти через океан, а мы в него, кажется, не попадали.

— Не попадали! — буркнул Нетак. — Я совсем сухой, можете пощупать.

Мякиш не стал в этом убеждаться, а Непоседы рядом уже не было. Скоро до них долетел его звонкий голос:

— Сюда, братцы, сюда!

Судя по тому, что голос его звучал бодро, друзья поняли: здесь для них никакой опасности нет.

Непоседу они нашли на большой площадке перед щитом со всякими приборами: квадратными, круглыми и покрытыми матовыми стёклами, как экраны телевизоров. На одних приборах стрелки шевелились, на других — выписывали на бумажных лентах какие-то зигзаги, и со всех сторон доносилось постукивание и пощёлкивание, словно в этих домиках-коробках сидели тысячи кузнечиков.

Друзья внимательно стали рассматривать остров. Все домики были сделаны из пластмассы и металла, и почти на каждом стояла антенна или вращающийся волноулавливатель локатора. Но ни одной живой души на острове не было, хотя он и жил и работал. Об этом сообщил Мякишу и Нетаку Непоседа, который дважды успел обежать весь остров.

— Людей нет, а остров плывёт и живёт! — сказал он, удивлённо покачивая головой.

— А в середине — машины! — сообщил Мякиш, выслушивая, словно врач, стенку одного домика. — Да-а, жалко, что поговорить здесь не с кем.

Однако всё оказалось не так, и помог это выяснить именно Нетак. Он вертелся перед приборами и наткнулся на блестящее квадратное стёклышко, напо-

минавшее зеркальце. Заглянув в него, Нетак обнаружил там человечка, очень похожего на него самого, только чёрненького.

— Эй ты, чумазый! — крикнул Нетак и замахнулся рукой.

Человечек ничего не ответил и тоже замахнулся на Нетака.

— Так ты что — драться?! Вот я тебе! — И Нетак брякнул своим деревянным кулаком по стёклышку.

Стёклышко зазвенело и разлетелось на мелкие осколки, а чумазый человечек исчез.

— Ты зачем зеркальце поломал?! — испуганно воскликнул Непоседа.

Но вместо Нетака из круга, затянутого металлической сеткой, ему ответил густой басовитый голос. Медленно выговаривая слова, он сказал:

«Я — Кибернетический остров «Моряк» точка поломка номер один точка».

И тотчас же вместо разбитого стёклышка появилось новое.

— Вот это да! — почесал в затылке Непоседа. — Как он себя назвал, этот остров?

— Ки-бер-не-ти-ческий! — подражая голосу острова, сказал Мякиш.

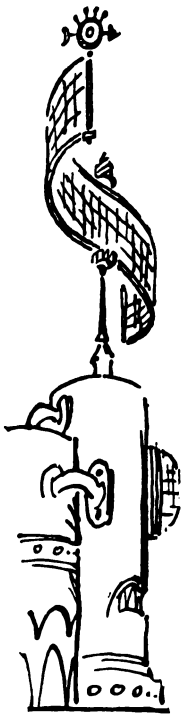
За металлической сеткой снова что-то зашипело, и раздался тот же голос:

«На острове зафиксировано появление трёх неизвестных космических существ точка приступаю к изучению существ точка».

Все трое стояли поражённые и молчали. Мякиш заговорил первым:

— Как-то неудобно, надо было бы с ним познакомиться.

— Конечно, ведь нас этот остров спас, — сказал Непоседа.

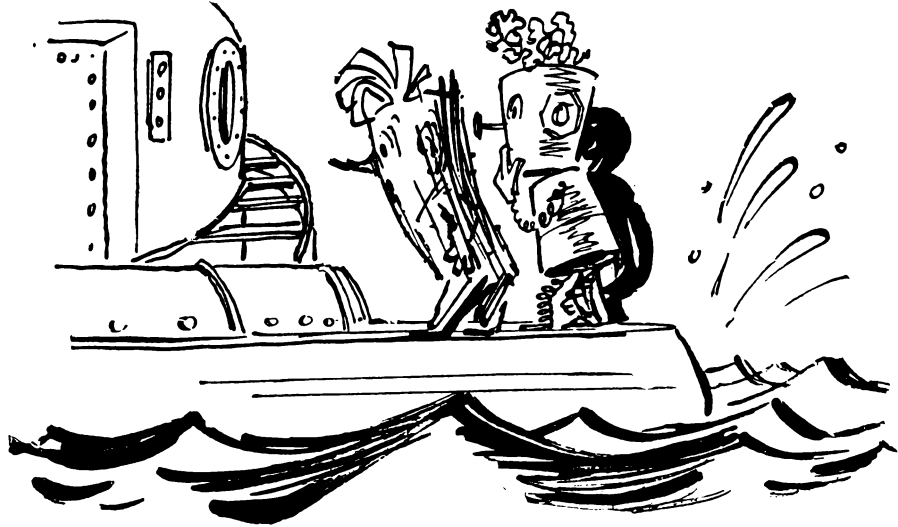
Тогда Мякиш забрался на металлический столбик и, приподнявшись на цыпочки, вежливо сказал в металлическую сетку:

— Здравствуйте точка меня зовут Мякиш точка... Мя-киш! — по складам добавил он.

Из отверстия под сеткой медленно высунулась кисточка и осторожно ощупала пластилинового человечка. Как только она скрылась в отверстии, из которого появилась, сетка сказала:

«Мякиш точка блин точка пластик точка».

— Верно, верно! — закивал головой Мякиш. Он сейчас действительно напоминал блин, потому что распластался о поймавшую их сетку.

— А это точка мой друг Непоседа! — указал Мякиш на своего пружинного товарища.

Кисточка стала щупать Непоседу, который при этом страшно задёргался и закричал:

— Ой, щекотно точка щекотно! Боюсь шекотки!

А репродуктор за сеткой зашипел и сказал:

«Непоседа точка деталь велосипеда точка плюс пружинки точка».

Таким же образом Мякиш представил Нетака, и репродуктор сказал:

«Деревянная чурка точка побывал в печурке точка имеет ожоги третьей степени».

После представления друзей Мякиш тем же вежливым тоном продолжал:

— Мы уже знаем, уважаемый остров, что вас зовут Кибернетический, а фамилия ваша Моряк, но нам хотелось бы знать, что вы делаете здесь в океане?

И остров ответил:

«Я автоматическая станция точка веду научные наблюдения в Атлантическом океане точка электронный мозг и механизмы включены инженером точка».

— Послушайте, послушайте! — таинственно зашептал друзьям Непоседа. — Я что-то знаю! Ведь он, как и мы, тоже самодельный!

«Так точно точка, — ответил остров, от слуха которого не ускользал даже малейший порошок. — Я самодельный точка. Задавайте вопросы».

Непоседа и Нетак посмотрели на Мякиша, потому что он был самым умным и умел задавать вопросы.

Мякиш долго чесал в затылке. Ему хотелось задать какой-нибудь сложный и важный вопрос. И вот он его задал. Но прежде стал в очень умную позу.

— А скажите, пожалуйста, товарищ Кибернетический остров, вы тоже вполне самостоятельный?

Непоседа и Нетак закивали головами. Это был именно тот вопрос, который следовало задать. Ведь сами они ещё не были самостоятельными.

И остров ответил своим солидным басом:

«Вполне самостоятельный точка автоматический точка».

— У нас тоже есть один знакомый, вполне самостоятельный, вполне автоматический! — поддержал разговор Мякиш.

«Какой марки автомат точка?» — поинтересовался остров.

— Марки — Петя, конструкции — Мамин-Папин! — очень по-научному ответил Мякиш.

Остров помедлил с ответом и, словно роясь в словаре, начал подбирать слова:

«Павлик, Проша, Петя — дети точка Петя — мальчик точка Папа — конструктор, Мама — механик точка».

— Точно, Папа — конструктор! — обрадовался Непоседа. — Вот остров так остров! Всё знает! И что Петя — мальчик, и что папа — изобретатель...

Но Мякиш перебил Непоседу. Ему очень хотелось говорить с умным островом о чём-то учёном: о технике, о машинах. И, чтобы показать свою осведомлённость в этом, он сказал:

— Наш Петя сейчас летит на своём везделёте... домой!

Остров снова начал рыться в своём словаре:

«Везделёт точка вездемёд точка мёд точка сахар точка конфета точка ракета точка».

— Верно, верно — ракета!

«Петя точка не летит точка», — сказал остров и замолчал.

— Как — не летит?! — спросили хором Непоседа, Мякиш и Нетак.

Но остров не ответил. Он стал быстро поворачиваться вокруг своей оси, словно искал кого-то в океане.

Г л а в а ш е с т н а д ц а т а я ,

*в которой описано Петино подводное путешествие
и приземление на остров реактивной акулы*

Когда Кибернетический остров сообщил Непоседе, Мякишу и Нетак, что «Петя не летит», он сказал абсолютную правду. Петя в это время уже действительно не летел, а плавал и нырял.

Больше часа носился вездельёт над волнами океана. До рези в глазах всматривался Петя в воду, но нигде не видел плавающих друзей. Он считал, что деревянный Нетак мог послужить маленьким плотом для Мякиша и Непоседы, и таким образом все держались бы на воде сколько хватило сил.

Когда же надежда найти их на поверхности была потеряна, Петя решил искать человечков на дне. Он нажал специальный рычаг, выпустил ласты, и вездельёт стал вездеплавом. Аппарат плавно опустился на воду и, пробежав метров десять по волнам, стал погружаться.

Скоро в иллюминатор стали заглядывать любопытные рыбы морды, и чем глубже он погружался, тем чудовищней становились подводные существа. Петя так увлёкся разглядыванием рыб, что на время забыл о цели своего погружения. А когда в иллюминаторе появились умные глаза осьминога, он подумал, что встретился с водолазом. К счастью, глубина

океана здесь была не очень большая, и скоро вездеплав коснулся брюхом дна. Благодаря небольшой глубине солнечные лучи просвечивали водяной слой, и Петя свободно мог всё разглядывать.

Вокруг подводного гостя с каждой минутой становилось всё больше любопытных. Вдруг Петя отчётливо увидел неподалёку от вездеплава своих друзей. Вода колебалась, искажала их фигуры, но всё же он был уверен, что это именно они. Если бы до этого случая ему уже приходилось хоть раз побывать на океанском дне, он понял бы, что это обман зрения. Подводный мир так разнообразен, что иной неопытный подводник может странную рыбу принять за человека. Не случайно же в старину люди считали, что в воде живут человекоподобные существа — русалки. Они очень похожи на нас: люди как люди, только с рыбьими хвостами и чешуёй.

Словом, Петя, не раздумывая, погнался за мнимыми Непоседой, Мякишем и Нетакм. Но чем быстрее он плыл, тем быстрее они удирали от него.

«Ясно,— подумал Петя.— Они на меня очень обиделись. И это вполне справедливо. Если догоню — попрошу прощения. Всё-таки они человечки добрые и простят меня...»

В погоне Петя не заметил, что беглецы всё время увлекают его на большую глубину. Преследуя их, вездеплав катился словно с горы. Петя понял это только тогда, когда сумрак всё гуще и гуще стал обволакивать окружающие предметы и в кабине стало почти совсем темно. Зато рыбы вокруг стали ещё более чудовищными, и притом у каждой было что-то вроде фонарика или маленького прожектора. «Ого, да тут у них электричество есть!» — подумал Петя.

Разглядывая странных обитателей океанского

дна, он потерял из виду тех, за кем гнался. Да и как тут было не разбежаться глазам, когда вокруг появился буквально новый подводный мир с разумными существами. Петя отчётливо видел, как одна из рыб звала его к себе, делая плавником точно так, как делает человек рукой, подзывая другого. Слишком велико было любопытство, чтобы не последовать за разумной рыбой. К тому же она и усмехалась совсем по-человечески.

И вездеплав стремительно катился вниз, в глубину океана. Светящихся рыб было так много, что Пете показалось, будто он едет в автомобиле по ночному городу, проспекты которого ярко озарены электрическими лампами. Скоро стенки вездеплава стали потрескивать, и Петя почувствовал себя, как в грецком орехе, который пытаются расколоть щипцами.

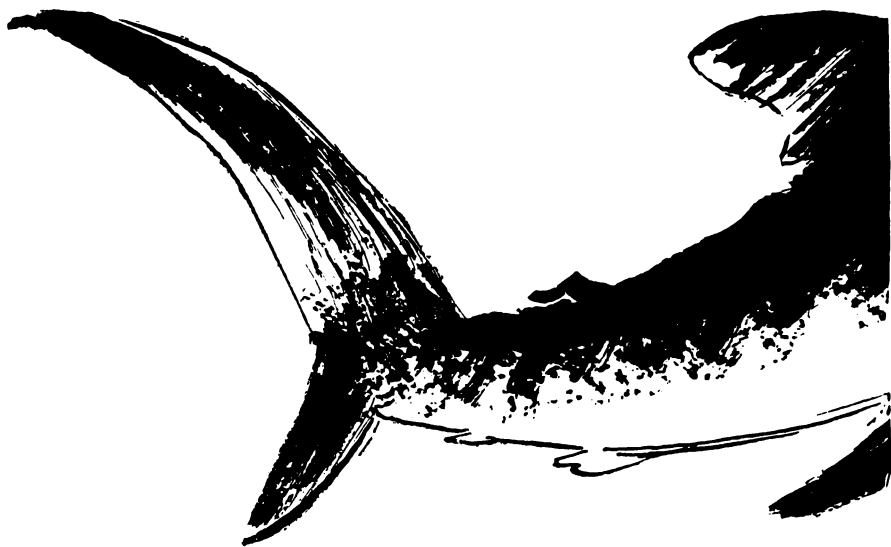
Да, Петя совершил ошибку. Над вездеплавом была огромная толща воды. Если стенки не выдержат глубинного давления, тогда поминай как звали и знаменитый Петин аппарат, и самого водителя.

Петя тотчас же взял штурвал на себя, и машина стремительно понеслась вверх, как пробочный поплавок. Она словно из тёмной ночи спешила к далёкому рассвету. Светящиеся рыбы исчезли, и снова появились стайки океанских рыб. Они веерами разбегались в разные стороны, а некоторые из них тыкались лупоглазыми мордами в окна иллюминаторов.

Вдруг среди рыб началось волнение. Они засуетились, словно заговорщики при приближении полиции. Как оказалось впоследствии, так оно и было.

В кабине неожиданно стало совсем темно: что-то большое заслонило иллюминатор. Когда же снова появился свет, Петя увидел огромную торпедообразную рыбу. У неё были высокие острые плавники и огромный зубастый рот. Потом он заметил другую,

третью... «Акулы!» — сразу узнал подводных пиратов Петя, но не очень испугался. Ведь он находился под надёжной защитой прочных стен вездеплава. И хотя у акул был зловеющий вид, настроены они были вполне миролюбиво. Они затеяли что-то вроде хоровода и принялись кружить вокруг вездеплава. Именно здесь Петя ещё раз убедился в отличных ходовых качествах своей машины. Она не уступала акулам ни в скорости, ни в манёвренности. Петя пристраивался им в хвост и кружил в общем хороводе, догонял и ударял их носом, словно играл в пятнашки. Однако скоро эта игра стала надоедать. Петя попытался отвязаться от надоедливых рыб, но не тут-то было: акулы только вошли во вкус.

Тогда Петя остановил вездеплав. Замерли в ожидании и акулы. Петя уловил момент, включил полную скорость и прорвал оцепление. Акулы погнались за ним. Спустя минуты три Петя оглянулся. Преследователей стало

меньше. Но самая огромная хищница находилась на небольшом расстоянии. Петя добавил газу, но в эту минуту в моторе начались перебои. Скорость резко упала. Петя снова оглянулся и увидел свирепую морду настигавшей его акулы. В следующую минуту мо-

тор заглох. Послышался сильный толчок, и всё вокруг потемнело. Мрак, хоть выколи глаз. Движение остановилось, и Петя почувствовал, что вездеплав медленно погружается. Скоро в кабине стало жарко, и стены начали потрескивать, словно вездеплав стягивали стальными обручами. Тогда-то Петя понял, что вместе со своим вездеплавом находится в брюхе акулы.

Холодные капли выступили у него на лбу. «Значит, путешествию конец?! — подумал Петя. — Жалко! Как жалко! И себя жалко, и то, что не увижу своей выставки в школе. И не встретит меня директор с цветами, а только положит букет возле моего портрета...»

И вот в духоте тёмной кабины Петя представил себе, как он, уже давно погибший в брюхе акулы, пробирается незаметно в свою школу и видит картину торжественных поминок. Плачет директор, плачут учителя, плачут тётя Глаша и вся пионерская дружина. Вот от слёз уже стали мокрыми пионерские галстуки, жалобно играет духовой оркестр... А мамы и папы нет... «Это хорошо! Пусть они не знают, что я погиб, пусть не волнуются», — подумал Петя... И вот в честь героя раздаётся залп из двадцати орудий. Петя отчётливо слышит стрельбу, но в следующую секунду понимает, что это не пушки палят, а акула пытается оторгнуть его из своего нутра. Петя даже попробовал помочь акуле — подтолкнуть машину вперёд, но скоро понял, что даже общими усилиями им это сделать не удастся.

И тогда его осенила спасительная мысль. Несмотря на темноту, он бросился искать повреждение в моторе. Изнемогая от жары и усталости, он трудился до тех пор, пока не обнаружил причин. Ведь работа мотора была единственным шансом на спасение.

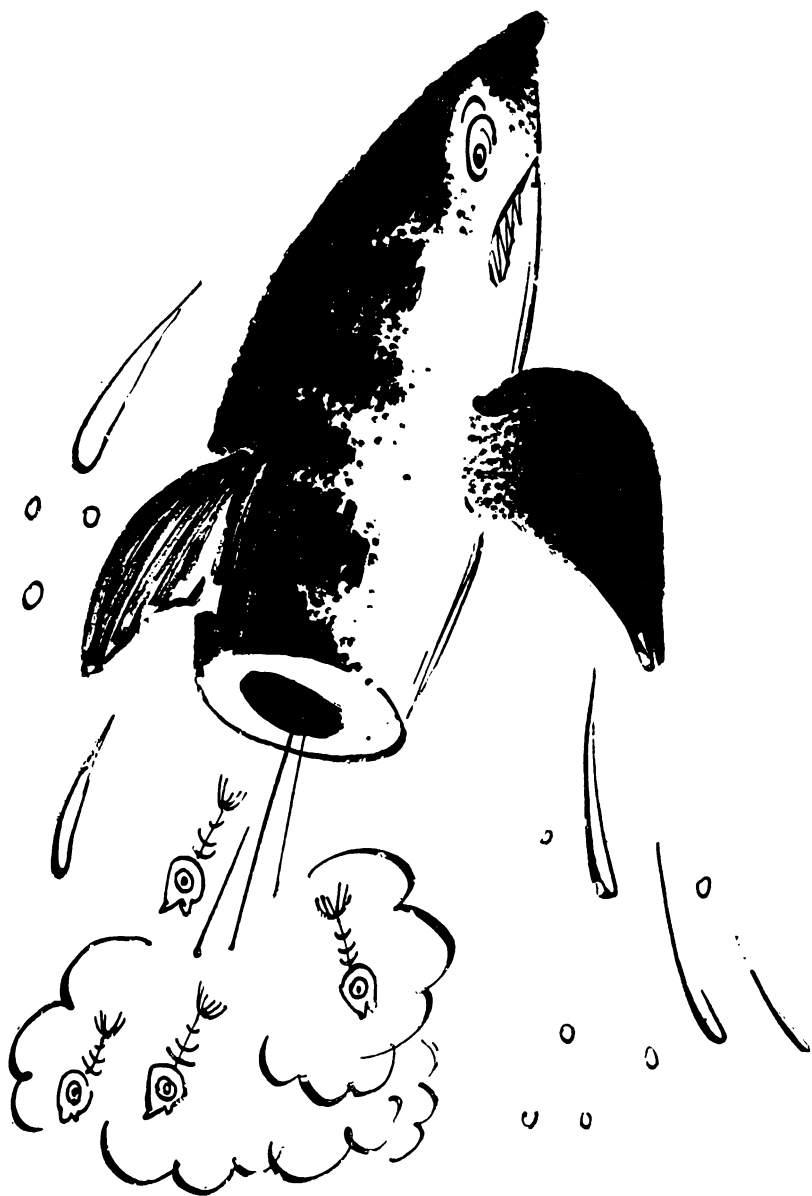
Да, Петя не лишён был сообразительности — расчёт его был верным. С волнением приготовился он к решающему опыту. Выждав минуту-другую, он включил мотор на полную мощность. Раздался оглушительный взрыв, словно под ногами заработал вулкан, и вездеплав в темноте понёсся вверх. О, если б акула хоть капельку соображала, она расцепила бы зубы, и ракета вырвалась бы из её нутра. Хищница отделилась бы внутренним ожогом и изжогами. Но не такие акулы. Ещё не было случая, чтобы они выпускали свою жертву, даже если им стоило это жизни. Поэтому произошло вот что: когда газы с огромной силой вырвались из сопла ракеты, они оторвали акулий хвост и сама хищница превратилась в ракету.

Тот, кто в это время плавал бы поблизости в океане, мог бы наблюдать невиданную в истории картину. Из глубины на поверхность вырвалась бесхвостая акула и понеслась прямо в небо, извергая из того места, где должен быть хвост, столб пламени и дыма.

Именно эту картину и заметили новые обитатели Кибернетического острова: Непоседа, Мякиш и Нетак. Конечно, они могли удивляться и думать о чём угодно, но догадаться, что акула была новой оболочкой Петинной ракеты, они не могли.

С той минуты как Мякиш сообщил острову, что «Петя летит на своём вездельёте домой», непонятное волнение не покидало разумную машину. Остров вертелся из стороны в сторону, антенны локаторов вращались как волчки, но обнаружить на дне океана Петю и его вездеплав они не могли. Теперь причина была ясна: вездеплав находился в плотной оболочке акульего тела, которое не было проводником электрических токов.

Когда же над островом появилась реактивная акула с оторванным хвостом, то изо всех антенн

Из глубины прямо в небо вырвалась бесхвостая акула...

вылетел огромный магнитный заряд и через хвостовое отверстие бывшей хищницы уцепился за металлические части вездельёта. Ракета со свистом описала дугу и опустилась на крышу самого большого металлического домика. В то же время на этой крыше открылся люк, и акула была поглощена — исчезла с глаз.

Непоседа, Мякиш и Нетак стояли поражённые, не в состоянии произнести ни единого слова. Молчание прервал сам Кибернетический остров. Он прекратил вращения и своим басом заговорил:

«Я — Кибернетический остров «Моряк» точка принял на исследование летающую машину в магнитонепроницаемой оболочке с живым существом внутри точка идёт изучение материала точка».

Г л а в а с е м н а д ц а т а я ,

*в которой Петя даёт острову чрезвычайно
важные задания*

Сто раз спрашивали у острова Непоседа, Мякиш и Нетак, какую машину принял он на исследование, но ответа не получили. Остров молчал, потому что сам был занят выяснением этого вопроса.

Но вот открылся люк, который прежде проглотил акулу, и на крышу домика выкатился Петин вездеплав-вездельёт-вездесамосамоход. Новенький, чистенький, без единой вмятины и поломки. Из другого же люка, открывшегося на борту острова, вылетели остатки акулы. Остров выплюнул их в океан как ненужные отбросы.

Только теперь из репродуктора, как всегда, вслед за шипением слышались слова:

«Я — Кибернетический остров «Моряк» точка сообщая точка в магнитонепроницаемой оболочке находился самодельный реактивный аппарат точка произведён средний ремонт точка».

Непоседа, Мякиш и Нетак ахнули и развели руками. Мякиш тут же зарыдал и сквозь частые всхлипывания проронил:

— А-акула съела Петю... нашего Петю!

Непоседа и Нетак тоже приготовились плакать, но не успели. Дверца вездельёта открылась, и из неё вышел невредимый, сияющий Петя.

Нужно ли передавать, сколько радостных слов было высказано по поводу встречи всеми друзьями. Благородные человечки даже не вспомнили о ссоре, а Петя ни о чём не стал их спрашивать. Зато Непоседа, Мякиш и Нетак вели себя на Кибернетическом острове точно хозяева.

— Можешь себя чувствовать здесь как дома,— сказал Пете Непоседа, небрежно облокотившись о маленькие металлические перильца.— Этот остров свой парень, у него внутри полно всяких винтиков и пружинок!

Мякиш тоже решил вставить словцо и добавил:

— И к тому же он вполне самостоятельный, автоматический. Он умеет разговаривать и всё абсолютно знает!

— Да?! — удивился Петя.— Что же, по-твоему, он знает, кто я такой?

— А ты проверь, спроси у него.

Но Петя не успел спросить. Всёслышащее ухо острова не пропустило ни единого слова из их разговоров, и репродуктор-рот, пошипев немного, произнёс:

«Петруша, Павлик, Петя дети точка Петя точка человек точка».

— Тю-ю! — махнул рукой великий путешественник.— Это и кошка знает, что я человек. А вот что я за человек? Какой?!

«Обыкновенный точка»,— сказал остров.

— Был обыкновенный, а теперь — необыкновенный! — обиделся Петя.— Ничего ваш остров не знает.— Петя подумал минутку и добавил: — В школе и то все знают... кто я теперь такой.

Петина нескромность немного смутила друзей. И, чтобы поддержать остров, они наперебой стали объяснять Пете, какой он умный и старательный.

— Он всё делает сам! — сказал Непоседа.

— Он образованный! — сказал Мякиш.

— М-да,— произнёс Нетак.— Вот так!

Петя удивлённо посмотрел на друзей:

— Что ж, он и таблицу умножения знает?

Тут остров не выдержал и заговорил:

«Таблица умножения точка таблица уважения точка таблица спряжения точка задавайте вопросы точка».

— Понял?! — спросил восхищённый Непоседа.

— Ну, понял... Вот возьму задам ему сейчас пример на умножение, он и провалится.

«Задавайте вопросы точка!» — прошипел остров.

— Сколько будет пятью пять? — выпалил Петя.

«Двадцать пять целых точка», — ответил остров, не задумываясь ни на секунду.

— Почему целых? — спросил Петя. — Разве бывают двадцать пять поломанных?

«Бывают с десятиными точка с сотыми точка с тысячными точка», — мгновенно ответил остров.

Этого Петя ещё не знал, потому что в классе такого не проходили. Однако он убедился, что остров действительно образованный и при этом очень быстро и без ошибок решает примеры. Петя немного подумал и спросил:

— А как у вас обстоят дела с грамматикой?

«Грамматика точка математика точка фонетика точка кибернетика точка задавайте вопросы», — выпалил остров.

Петино лицо засияло. Друзья моментально поняли, что Петя надумал что-то чрезвычайно интересное.

— Ну что же, — сказал он. — Если этот остров соскучился по домашним заданиям, то я могу сделать ему одолжение... Честное пионерское...

Петя чего-то не договорил, вскочил на домик, где стоял его везделёт, и скрылся в кабине. Через минуту он вышел оттуда с охапкой учебников и тетрадей, которые захватил с собой из дому.

— Чем плавать ему без дела, пускай выполнит за меня домашние задания за год. Тут у меня учеб-

ники по арифметике и по русскому языку, и все тетради есть. Пожалуйста, делай,— обратился он к острову.— Только кляксы не ставь!

«Не поставлю точка честное пионерское точка»,— ответил остров и открыл в стенке домика дверцы.

Петя, не задумываясь, вбросил в окошко учебники, тетради и даже дневник.

Дверцы захлопнулись, и остров сказал:

«Задание принято точка приступаю к исполнению точка».

— Ну, это другое дело! — потёр руки Петя.— Теперь я вижу, что этот Кибернетический остров — дельная штука, болтать не любит. Впрочем, посмотрим ещё, как он справится с заданием.

— Справится,— сказал Непоседа.— Не маленький. Ну, а что мы будем делать?

— У нас тоже найдётся работа! — заверил Петя.— Надо подумать о том, как я выступлю в школе. Мне нужна красивая речь, достойная великого путешественника!

— Ну да, тебе ведь всё нужно записать! — напомнил Мякиш слова директора школы.

— Конечно, и записать. Только в какой форме я буду всё это излагать?

— В форме — изолгать! — проскрипел Нетак.

— А ты бы помолчал! — обиделся Петя.— Я серьёзно у вас спрашиваю. Это очень ответственное дело. Речь должна быть яркой, красивой.

Мякиш поднял руку и попросил слова:

— Нужно, чтобы твоя речь была в стихах!

— Правильно! Правильно! — обрадовался Непоседа.— Я тебе помогу, когда снова начну заикаться...

Но тут в разговор вмешался остров:

«Могу писать стихи точка ямбом точка хореем точка дактилем точка ожидаю задание точка».

— Но я-то не умею писать стихи ямбом точка и всякими там хорееми точка,— сказал Петя.— Я не умею рифмовать.

— А ты сочини ему только первые две строчки каждого четверостишия, а остальную пару с рифмами допишет остров,— придумал выход Мякиш.

— Отличная мысль! — обрадовался Петя.— Только вы помогите мне придумать и эти первые две строчки,— обратился он к друзьям.

— Поможем, поможем! — согласились Непоседа, Мякиш и Нетак.

Петя вытащил из кармана блокнот и карандаш, и все дружно принялись за сочинение первых двух строчек для будущих четверостиший. Когда работа была закончена, получилось вот что:

Мы на могучем везделёте
Отправились в далёкий путь...

Минуя звёзды и планеты,
Где света солнечного нет...

На Млечный Путь дороги наши
Легли прямёхонько, и вот...

На Гончих Псах к Большой Нетаке,
Как вихри, мчались мы во мгле...

Нам Нетактак Наоборото
Чудесный оказал приём...

Из огнедышащей бутылки
Упрямый был спасён Нетак...

Мы встретили учёный остров
И с ним сошлись без лишних слов...

Итог полёта был хороший,
Мы завершили путь в лесу...

Всем очень понравилась заготовка будущей торжественной речи, и каждый представил себе, как она будет звучать, когда появятся рифмы.

— Готово! — сказал острову Петя. — Куда бросать?

«Сюда!» — прошипел остров и открыл новые дверцы.

— А не подведёшь? — спросил Петя, опуская лист в отверстие,

«Честное пионерское!» — ответил остров Петиним голосом и захлопнул дверцы.

Теперь оставалось только ожидать, когда остров досочинит речь до конца. И путешественники расположились на отдых. Погода была чудесная, в небе ни тучки, и лёгкий ветерок умирал полуденную жару.

Петя присел на металлическую ступеньку, облокотился спиной о мягкую пластмассовую решётку и стал наблюдать, как мирно плещут волны и беззаботные рыбы то там, то здесь выскакивают из воды. Непоседа, Мякиш и Нетак забрались к нему на колени и тоже залюбовались прекрасной картиной. Непоседа подмигнул своим друзьям и тихо шепнул им:

— Сейчас попрошу Петю, чтобы он рассказал нам о своём приключении с акулой!

Но только он хотел обратиться к Пете, как заметил, что тот глубоко дышит и мирно посапывает.

Петя уснул. Уснул крепким сном, каким спят все утомлённые великие путешественники. И Непоседа не задал вопроса, а поднёс к губам палец и тихо прошептал:

— Тс-с! Пусть наш Петя поспит!

Глава восемнадцатая,

*в которой остров дописывает Петину стихотворную
речь и перелетает через каменные рифы*

Петя уже и не помнит, когда ему приходилось спать таким крепким сном, с такими приятными сердцу видениями. А видел он сон о своём прибытии в школу—как раз то место, когда он читает на память свою стихотворную речь. В первом ряду встречающих стояла его учительница Мария Владимировна и плакала от восторга. После каждого куплета она раскрывала классный журнал и ставила против Петинной фамилии красивую «пятёрку» по русскому языку, письменному и устному. Когда же он закончил и поклонился, раздались дружные рукоплескания и... Петя проснулся. Оказывается, аплодисменты ему слышались от того, что волны бились о круглые борта острова. Ветер крепчал, и шум их с каждой минутой становился громче.

— Что?.. Где я? — спохватился Петя.— Где моя речь?

«Речь,— зашипел остров,— давно готова точка получите точка».

Дверца, в которую была брошена бумага с Петинными заготовками, распахнулась, и рычажок вытолкнул бумагу. На ней машинкой аккуратно были допечатаны недостающие строчки с рифмами.

— Почитай! Почитай вслух! — запрыгали от нетерпения Непоседа, Мякиш и Нетак.

— Сейчас, погодите,— важно сказал Петя и поднялся на ступеньку, на которой прежде сидел.

Он взял в правую руку листок с речью, солидно откашлялся и, поглядев на притихших друзей, начал. Читал он красиво, с выражением и при этом

делал очень изящные жесты и закатывал глаза.
А речь получилась вот какой:

Мы на могучем везделёте
Отправились в далёкий путь.
На сундуке у тёти Моти
Василий кот решил уснуть.

Минуя звёзды и планеты,
Где света солнечного нет,
Он съел вчерашние котлеты
И в кухне утащил паштет.

На Млечный Путь дороги наши
Легли прямёхонько, и вот
Он там наелся простокваши,
И разболелся вдруг живот.

На Гончих Псах к Большой Нетаке,
Как вихри, мчались мы во мгле.
Такому даже и собаки
Не станут верить на Земле.

Нам Нетактак Наоборот
Чудесный оказал приём.
Кто добровольно влез в болото,
Тот и погибнуть может в нём.

Из огнедышащей бутылки
Упрямый был спасён Нетак.
Глаза у рака на затылке,
У хрюшки впереди пятак.

Мы встретили учёный остров
И с ним сошлись без лишних слов.
Из мухи сделать очень просто
Слона и парочку ослов.

Итог полёта был хорошим,
Мы завершили путь в лесу,
Где на сосне растут галоши
И фиги с маком на носу.

— Браво! Чудесно! Прочитай ещё раз! — хлопали в ладоши и кричали человечки.

Особенно ликовал Нетак. Он кричал своим скрипучим голосом:

— Правильные стихи! Хорошие! Самые лучшие стихи!

«Браво точка. Браво точка», — радостно восклицал и сам остров, хотя был Петиным соавтором и ему полагалось бы быть поскромней.

Петя поклонился раз, другой, но вдруг спохватился и стал лихорадочно перечитывать стихи, произнося вслух отдельные слова:

— Василий кот?! Вчерашние котлеты?! У хрюпки впереди пятак?! Парочку ослов?! И фиги с маком на носу?! Эй, эй! Пойдите, что это за речь?! Этот бездарный остров подсунул мне какую-то чепуху! — Петя набросился с кулаками на металлическую стенку, начал колотить её и приговаривать: — Вот я тебе! Ты хотел меня опозорить перед всей школой! Как ты смел сочинить такую чепуху?!

Но остров совершенно спокойно ответил:

«Рифмы правильные точка размер соблюдён точка рабqта сдана точка».

А Петя не унимался. Он пинал ногами стенку и кричал:

— Это тебе даром не пройдёт! Я с тобой рассчитаюсь! Я тебе наставлю синяков!..

И тут произошло неожиданное. Из круглого отверстия протянулся рычаг с чудовищными лапами на конце, подцепил Петю за рубаху и приподнял в воздух. Из другого отверстия выползла швабра и стала шлёпать Петю по тому месту, где усидчивый ученик обычно протирает штаны.

Швабра шлёпала, а остров приговаривал:

«Производится уборка номер один точка труска

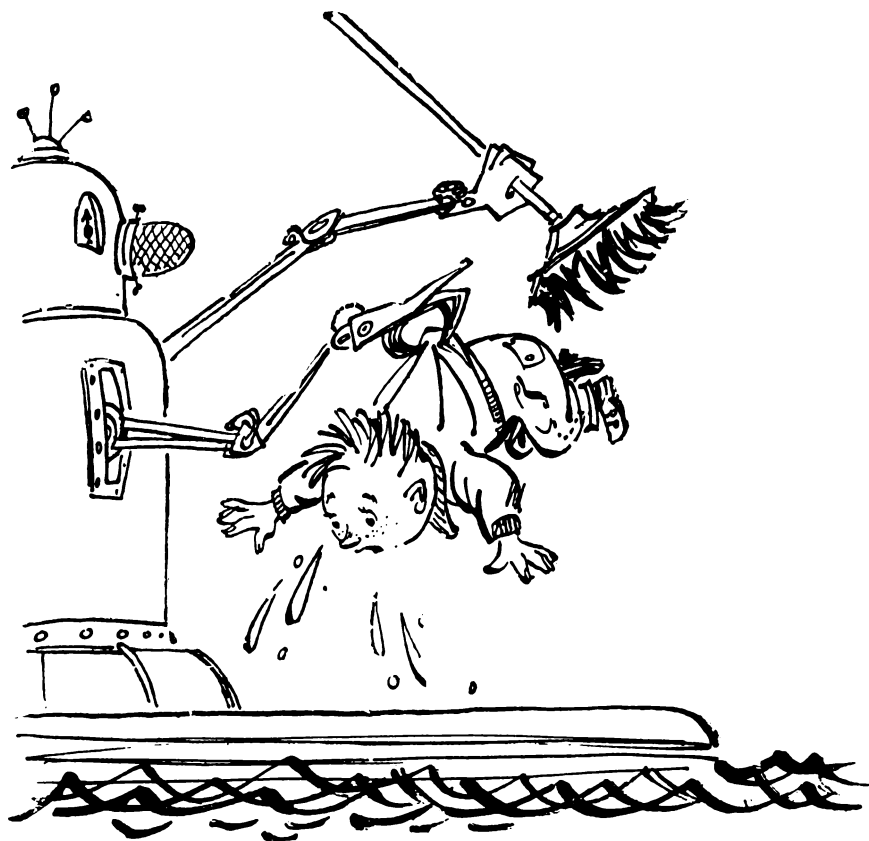
ковров точка раз точка два точка три точка и так далее точка».

Петя потерял дар речи. Он только мычал и болтал в воздухе руками и ногами. А внизу метались Непоседа, Мякиш и Нетак и просили:

— Эй, хватит! Эй, остановитесь, пожалуйста, точка! Эй, пожалейте Петю!..

Но остров работал чётко и добросовестно. И, когда Петя разревелся, Мякиш не выдержал и тоже прохныкал:

— Ой, что ж это будет с нашим Петенькой?!

— Ничего не будет! — прозвенел Непоседа. — Я знаю, что делать! Погодите!

Он раскачался на своих пружинках и крикнул:

— Вот я сейчас с ним рассчитаюсь! Я ему всё нутро переверну! — И с этими словами он бросился в одно из открытых отверстий в стенке домика.

Ещё минуту, и откуда-то из глубины послышались крики Непоседы, потом что-то внутри острова крикнуло, и лапы отпустили Петю. Остров пробормотал что-то невнятное и спрятал рычаг и швабру. Нетак и Мякиш бросились к щелям, чтобы поглядеть, куда девался их Непоседа. Но в эту минуту разгулявшийся ветер превратился в ураган. Волны стали захлёстывать палубу и перекатывать через домики. Ни Пете, ни человечкам некуда было спрятаться. Каждый ухватился кто за что мог, только бы не снесло с палубы в океан.

Не растерялся только остров. И хотя в его животе что-то урчало, он спокойно сказал:

«Регистрирую шторм точка ветер девять баллов точка направление северо-восток точка».

Тучи заволокли всё небо, стало мрачно и пасмурно вокруг.

Но, несмотря на это, Петя сумел разглядеть стремительно приближающиеся к ним каменные рифы. Он сразу догадался, что не рифы к ним, а они к рифам приближаются, и если не принять срочных мер, то может погибнуть и Кибернетический остров, и все, кто на нём находятся.

Да, Петя не ошибся. С островом произошла какая-то большая неприятность: ни остановиться, ни повернуть назад он не мог. Моторы его работали натужно, с перебоями. Наконец остров пошипел и сказал:

«Внимание точка авария точка заклинило меха-

низмы поворота и обратного хода точка иду на рифы точка».

— Пропали, точка! — сказал грустно Мякиш. — Вот что натворил наш Непоседа... Пропали!

— Зачем же пропадать?! — воскликнул вдруг Петя. — Вперёд! На везделёт! — И он рванулся вверх, на площадку, где в полной готовности стояла отремонтированная ракета.

— Постой! — вместе крикнули Мякиш и Нетак, ухватив Петю за ботинок. — А как же Непоседа?!

— Так мы же из-за него погибаем!

— А сколько раз он из-за тебя погибал?

— Но мы же не можем его спасти.

— Надо спасать остров, тогда спасём и Непоседу! — неожиданно твёрдым голосом сказал Мякиш.

Нетак вдруг почувствовал себя моряком. Ведь ему уже случалось спасать друзей на воде. Он проворно вскочил на крышу домика и боцманским голосом скомандовал:

— Свистать всех наверх!

— Есть свистать наверх! — сказал Мякиш, но так и не смог забраться на домик.

— Ставь парус! — подал новую команду Нетак.

Тут уж Петя догадался, что делать. Он сбросил с себя курточку и, борясь с ветром, повесил её на самую высокую антенну. Самодельный парус моментально наполнился ветром, но, увы, это ничего не дало: слишком мала была курточка, чтобы пересилить работу моторов.

И вот, когда уже никакой надежды на спасение не осталось, остров неожиданно произнёс:

«Внимание перехожу на воздушную программу точка».

— Делать ему нечего?! — горько усмехнулся Петя.

А остров продолжал:

«Готовлю подушки точка включаю точка».

Уж на что Мякиш уважал всякие подушки, а и тот не удержался и пропищал:

— И-и-и, наверное, он совсем с ума спятил!

Но всё оказалось не так. Остров был при полном кибернетическом уме. Как только он сообщил, что готовит какие-то подушки, под ногами у друзей заработали мощные моторы, и они почувствовали, как, медленно покачиваясь, поднимаются в воздух. Фонтаны брызг с потоками ветра вырвались из-под днища острова, и тяжёлая махина легко и спокойно перелетела через каменные рифы. Как только опасность осталась позади и остров снова коснулся воды, ураган затих. Это случилось так, словно ураган необходим был для опыта, и как только опыт закончился, его выключила невидимая рука. Остров же самодовольно пробасил:

«Перелёт закончен точка аппаратура действовала отлично точка...»

Пете от ребят случалось слышать о таких машинах и кораблях, а вот теперь ему самому удалось прокатиться на знаменитых реактивных воздушных подушках.

На Пете не было ни одной сухой ниточки, от сильного ветра зуб на зуб не попадал, но всё же он с уважением подумал об острове.

— Вот это штука! — прошептал он и даже забыл про неудачную стихотворную речь. Вслух же Мякишу и Нетаку он сообщил: — Ничего не скажешь, знаменитая вещь! — и похлопал остров по крышке домика.

Солнце появилось так же быстро, как и исчезло. Тёплые лучи хлынули с неба, и через полчаса друзья были высушены и согреты.

Глава девятнадцатая,

в которой выясняется, что внутри острова была начинка с косичками

Всё было бы хорошо, если бы в животе острова что-то не урчало и не перекатывалось. По временам он даже начинал кружиться на месте и выписывать на воде зигзаги. Это продолжал буянить у него внутри Непоседа.

Оставшись в живых, друзья как-то позабыли о своём железном друге.

— Эй, что там с тобой?! — восклицал Петя, пробуждаясь от сладкой дрёмы, когда остров особенно резво кружился и ёрзал.

Но когда он ни с того ни с сего начал ещё похихивать и повизгивать, Петя окончательно проснулся. Он вежливо постучал пальцем в урчащую стенку и спросил:

— Что вас беспокоит, уважаемый?

В ответ послышался визг и хохот. Остров содрогался всем корпусом, словно его щекотали:

«И-иха-ха-ха! О-оха-ха-ха! А-а-а...»

На крыше проснулся Мякиш и, ухватив руками свой пластилиновый задик, запищал:

— Ой, горячо! У него жар! Он заболел!

Услышав слово «жар», Нетак подбежал к самому краешку борта и тотчас же опустил ноги в воду. Уж он-то теперь знал, что значит слово «жар».

Остров свистнул и не своим голосом сказал:

«Билибонс-марнинонс-фуги, до-ре-ми-фа-соль!»

Петя положил руку на крышу домика и почувствовал, что она горяча. У острова была высокая температура, он бредил. Тогда Петя как можно ласковее спросил:

— Вам, наверное, нездоровится?

Стрелки на приборах заматались, лампочки замигали, и остров басом запел:

Рикатэ, рикита —
Синус минус три кита!
Я легко могу считать,
Действую прекрасно:
Пятью пять — двадцать пять,
Дважды два — не ясно...

Теперь в болезни острова сомнений не осталось. Петя быстро взобрался на крышу, сорвал с антенны свою курточку и, подбежав к борту, намочил её в прохладной океанской воде. Потом, не раздумывая, положил этот компресс на разгорячённую крышу главного домика.

«Сенкью вери мач! Мерси! — по-английски и по-французски поблагодарил остров и снова задёргался и захохотал: — Хи-хи-хи! Киберкутика, кибернутика... Хи-хи-ха!»

— Его кто-то щекочет... там, в середине, — высказал осторожно свою догадку Мякиш.

— Он проглотил морского ежа! — сказал Нетак.

— Ежа не ежа, — потёр лоб Петя, — но факт, что кто-то в его животе безобразничает.

И тут Мякиш вспомнил:

— Да там же наш Непоседа! И как это мы о нём забыли?! Эй, Непоседа, ты жив? — крикнул Мякиш, немножко приблизившись к разгорячённой стенке.

Нетак не удержался и злорадно проскрипел:

— Ага, наконец-то и он попал в печку!

— Нечего злорадствовать! — прикрикнул на Нетак Петя. — Ему, наверное, там не сладко.

И вдруг раздался далёкий, жалобный голос Непоседы:

— Я здесь, братцы, помогите!.. Помогите-и...

Все снова бросились искать щели и дырочки, что-

бы увидеть, где там внутри находится Непоседа. Но в это время большой репродуктор, который стоял на одном из домиков, завращался и голосом девочки спросил:

«Что там происходит?! Папа, это ты?.. Ты уже прилетел?»

Петя, Мякиш и Нетак удивлённо переглянулись. Только теперь они заметили и этот репродуктор, и большую вертолётную площадку. Но Петя решительно сказал друзьям:

— Никого здесь нет! Это всё его штучки,— и махнул рукой в сторону репродуктора.

— А вдруг есть? — пропищал Мякиш.

«Папа?» — снова тем же девичьим голосом спросил репродуктор и посмотрел своим раструбом прямо на Петю. Тогда Мякиш предложил Пете:

— Ну, скажи на всякий случай, что ты тут есть.

— Кто — я?

— Ну да, ты.

— Я же не папа.

— А что тебе, жалко побыть немножечко папой?

Петя пожал плечами и, стараясь побасовитее, сказал:

— Я здесь, доченька... Гм... Я уже прилетел...

Репродуктор радостно взвизгнул и замолчал. И сразу же в одном из домиков отворилась дверь, и из неё вышла девчонка. Самая обыкновенная девчонка с торчащими в стороны косицами и в очень красивом синеньком комбинезоне.

— Папа! — крикнула она точно таким же голосом, как репродуктор, и глаза её забегали по острову. Потом она протёрла их и посмотрела на Петю. Потом на Мякиша и Нетака.

— Это ещё что такое?! — проворчал Петя.— Остров-то, оказывается, с начинкой!

Петя назвал девочку начинкой потому, что она вышла откуда-то из середины.

Мякиша очень смутило то, что Петя так грубо встретил девочку. Он приблизился к её правой туфле, постучал по ней и вежливо сказал:

— Здравствуй, девочка!

Но она была так растеряна, что не ответила ему, а спросила у Пети:

— Значит, это ты разговаривал со мной?

— Ну, я,— надулся Петя.

— А как вы все сюда попали?

Петя кивнул головой на свой везделёт, а Мякиш объяснил:

— Каждый своим путём.

Девочка покачала головой и сказала:

— Но что вы здесь делаете?

Поскольку Петя стоял совершенно растерянный, Мякиш снова ответил за него:

— Ведём учёные наблюдения и... и ловим рыбу.

— Пожалуйста, помолчи,— сказала вежливо Мякишу девочка.— Я буду разговаривать со старшим.

Но Петя не мог терпеть, когда девчонки с ним так разговаривают. И хотя она была в настоящем си-нем комбинезоне, он ответил ей так, как отвечал всем девчонкам в школе:

— А тебе какое дело?!

— Как это «какое»?! Когда папы нет, я отвечаю за работу всей кибернетической станции. Прошу отвечать мне как полагается!

Этого Петя вынести не смог.

— Вот ещё! — заворчал он. — Стану я со всякими девчонками разговаривать!.. Подумаешь, папа поручил! Станет он тебя брать в такое путешествие.

— Хе!.. — ухмыльнулся Мякиш и лукаво подмигнул девчонке.

А Петя продолжал ворчать:

— Знаем, как ты сюда попала! Папочка небось отвернулся, а ты и забралась в середину и спряталась за какую-нибудь штучку-дрючку... Если бы он тогда заметил — быстро поладил бы с тобой.

Тут Мякиш громко вздохнул и, кивнув головой на девчонку, сказал:

— Она же не машина.

— Ну и что из того, что не машина? — пожал плечами Петя.

— А то, что с любой машиной сладить можно, а с ребёнком не каждый папаша сладит. Вот что!

Тут Петя должен был согласиться и промолчать, потому что вспомнил своего собственного папу, который по фамилии Мамин.

— Не понимаю, чему вы удивляетесь?! — сказала девочка. — Что тут особенного?! То ли вы с луны свалились, то ли давно газет не читали. Скоро вообще все дети сами будут машинами управлять, без пап...

Петя подумал о том, что за время их путешествия, должно быть, на Земле произошли большие измене-

ния и в школах начали изучать кибернетику. Мякиш подтвердил догадку:

— Прямо диву даёшься, как нынче быстро наука шагает!

И всё равно Петя был очень зол на девчонку. Он ещё наговорил бы ей грубостей, если бы Мякиш вовремя не стал дёргать его за штанину и шептать:

— Тише! Молчи! Не то она прикажет острову, и он нас всех в лепёшки превратит!

Петя вспомнил, как проучил его остров, и незаметно потёр наказанное место. Но девчонка уже о многом догадалась. Она сбросила с крыши домика Петину мокрую куртку и сердито заговорила:

— Так, значит, это вы здесь безобразничали? Так вот почему машины капризничают!.. Я сижу заполняю бортовой дневник, хочу всё успеть сделать к папиному возвращению, а в аппаратуре какие-то смешки, безобразия и перебои... Признавайтесь, есть ещё кто-нибудь с вами или нет?

— Нет, нет! — уже испуганно залепетал Петя и зачем-то заслонил собой стенку, за которой слышался голос Непоседы.

— Впрочем, что ж это я спрашиваю, если могу всё сама узнать?!

И она обратилась к острову:

— Внимание, спрашиваю! Отвечай, кто ещё кроме нас, находится на борту?

За сеткой репродуктора послышалось шипение, затем знакомое хихиканье, и остров ответил:

«Я — мышка-норушка, я — лягушка-квакушка, а ты кто?»

Девочка удивлённо посмотрела на Петю и сурово сказала острову:

— Вопросы задаю я, а не ты. Отвечай!

И остров ответил:

«Я, Петя Мাপин... Мамин-Папип, ученик четвёртого «А» класса... Тетрадь по русскому правописанию точка...»

Петя и друзья незаметно перемигнулись. Они-то знали, что остров прочитал эти слова с обложки Петиной тетради, но девочке ничего не сказали.

— Что происходит у тебя внутри? Сейчас же произведи саморемонт! — взволнованно приказала девочка и заплакала. — Приедет папа, что я ему скажу... что скажу?

И тогда остров тоже заплакал и сказал:

«Не плачь Таня не плачь точка приступаю к саморемонту точка...»

Замелькали цветные лампочки, задёргались стрелки приборов, внутри острова поднялась целая буря. Казалось, все его колёса и рычаги гнались за кем-то неуловимым. Слышались и топот и поскрипывание — словом, целая революция происходила в его металлическом брюхе. Наконец из всех репродукторов послышался вздох облегчения, с треском распахнулись дверцы, и на лотке со свистом выехал Непоседа. Кулачки его были свирепо сжаты, глазёнки сверкали, и все пружинки дрожали от напряжения. Видно, он выдержал нелёгкую борьбу и, пожалуй, чудом уцелел. Но первое, что он выкрикнул, появившись на свет, — это были слова:

— Ух и задал же я ему перцу, Петя!..

Но вместо похвалы и благодарности на него со всех сторон зашикали друзья:

— Ш-ш-ш! Ш-ш-ш!..

А Петя даже попытался заслонить его спиной.

Но зря. Девчонка-то была хитрая. От её глаз ничего не ускользало.

— Бессовестные! — закричала она и затопала ногами. — Как вы смели пустить в приборы этого

железного чёртика?! Это вам так не пройдёт! Я всё расскажу папе! Вот увидите! — И хотя голос у неё был очень сердитым, слёзы градом катились из её глаз. Впрочем, она имела на это немножечко права: ведь она была девочкой.

Скоро на её лице появились фиолетовые пятна и полосы. Но и это было понятно. Ведь она вела бортовой дневник — писала.

И вот с помощью слёз чернила с её пальцев перешли на щёки и нос.

Именно теперь наши путешественники окончательно убедились, что она обыкновенная девочка, такая, как и все школьницы её возраста, и поэтому можно было переходить к перемирию.

Однако всё произошло не так просто.

Г л а в а д в а д ц а т а я ,

*в которой остров возвращает Пете учебники и тетради
и в которой происходит прощание с хозяйкой острова*

Петя уже собрался выслать парламентёров для перемирия, но маленькая хозяйка подняла руку и, внимательно оглядев весь остров, тоном следователя спросила:

— Признавайтесь, что ещё вы забросили в аппаратуру?

Петя и человечки переглянулись. Всем было ясно, что обманывать нет смысла — остров всё равно выдал бы их. И Петя, запинаясь на каждом слове, промолвил:

— Там... то есть у него... мои... эти... как их... ну, учебники и тетради... там...

— Ах, так вот кто это, Петя Мамин-Папин? — до-

гадалась девочка, припомнив слова острова. — Ученик четвёртого «А» класса, так?

— Да, Пети Мапина, — робко поправил Петя.

— Это не имеет значения, Папина или Мапина... А зачем они там? — продолжала следствие хозяйка острова.

И тут Петя не выдержал и соврал:

— Они там су... сушатся...

— Нечего сказать, нашли печку! — возмутилась девочка и сразу же приказала острову: — Отвечай, что ещё находится у тебя в машинах?!

И остров ответил:

«Произведено выполнение домашних заданий точка правописание и арифметика точка за текущий учебный год точка».

Голос у девочки стал мягче и глаза загорелись любопытством.

— Пожалуйста, показывай работу! — совсем как учительница приказала она.

На этот раз раскрылся целый люк, и из него выехали все Петины учебники, тетради и дневник. Девочка присела на корточки и быстро стала листать тетради. Сперва по арифметике, потом по русскому языку.

— Нам некогда! — спохватился Петя. — Мы должны немедленно отправляться домой. — И он наклонился, чтобы взять своё имущество.

Но девчонка вдруг так рассмеялась, что Петя невольно отпрянул.

— Ничего тут смешного нет, — неуверенно сказал он. — Тетради как тетради. У тебя, что ли, лучше?!

— Ой, не могу! — хохотала девчонка. — Ой, помогите, лопну от смеха! Посмотрите на эти задания! Ха-ха-ха! — И она поднесла к Петиним глазам раскрытую тетрадь по арифметике.

Страницы были заполнены примерами на сложение, но под аккуратными столбиками цифр, под чертой, где полагалось стоять сумме, красивым почерком были выписаны слова и целые фразы. Например, Петя с удивлением прочитал, что

$$\begin{array}{r} 465 \\ + 535 \\ \hline \end{array}$$

равняется: вода, воды, воде, воду, водой, о воде.

Или в решении примера

$$\begin{array}{r} 1322 \\ + 178 \\ \hline \end{array}$$

значилось, что подлежащее всегда стоит в именительном падеже.

На следующей странице, в задаче, где требовалось выяснить стоимость одного метра ситца и одного метра сукна, в решении получились стихи:

— Ситец, ситец, где ты был?
— На Фонтанке блузку мыл.
А сукно ходило в гости
И играло с плюшем в кости.

Петя не удержался и сам стал хохотать. Потом девчонка раскрыла тетрадь по правописанию и снова покатила от смеха. Только теперь уже Пете было не до смеха. В упражнении, где полагалось подчеркнуть безударные гласные, стоял ответ какой-то задачи, то есть: 15 килограммов гороха.

В упражнении № 58, где полагалось подчеркнуть разделительные мягкие знаки, в конце фразы было написано: 79 голов капусты.

И в таком роде были выполнены все задания.

Девочка больше не смеялась. Она взяла в руки Петин замухрыженный дневник, раскрыла его и мед-

ленно стала перелистывать страницы, так, чтобы Петя видел все отметки. Петины глаза отчётливо увидали, что на каждой странице против каждого предмета были проставлены красивые «двойки». И за четверти, и за весь учебный год.

— Это... это не честно! — возмутился Петя. — Это он себе поставил двойки, а не мне...

— Совершенно верно, — сказала девочка и незаметно покрутила вздёрнутым носиком с чернильным пятнышком на самом кончике. — Все эти двойки он заслужил. Но и ты не имеешь права от них отказываться. Ты их заработал за хитрость и лень. Что ж ты думаешь, я не понимаю, для чего ты забросил в аппаратуру свои учебники и тетради?! Так вот знай! — Она аккуратно положила тетрадки и дневник на полочку и начала подробно объяснять: — Во-первых, счётные машины острова не умеют делать задания для первых, третьих и пятых классов. Они умеют решать задачи только по высшей математике, потому что они очень умные и имеют самое высшее образование. Во-вторых, ты, Петя, растяпа! Ведь ты к учебнику по арифметике положил тетрадки по русскому языку, а к учебнику по правописанию положил тетрадки по арифметике. Машина — не человек, её дело простое: как положили, так и делает. В-третьих, меня зовут Таня...

Петя стоял перед хозяйкой острова растерянный, с широко раскрытыми глазами и не знал, что говорить. Не растерялись только Непоседа, Мякиш и Нетак. Им хотя и было стыдно за своего Петю, но уж больно умной была эта Таня, и они с удовольствием слушали все её «во-первых, во-вторых и в-третьих». Даже Непоседа, которого она назвала «железным чёртиком», на неё не обиделся. И, как только она назвала своё имя, он первым полез знакомиться.

— А я вовсе не железный чёртик! — подпрыгнув к самому её носу, зазвенел он. — Я самодельный человечек — Непоседа. Очень приятно познакомиться.

— А я — Мякиш! — промурлыкал пластилиновый толстун и на минуточку приклеился к её ботинку.

Когда же за её спиной деревянный упрямец проскрипел: «Нетак», — Танин рот, который раньше казался таким маленьким, растянулся до ушей, и она сказала:

— Хи, у вас весёленькая компания! Мне тоже очень приятно познакомиться!

Все сразу уселись на палубе, и великие путешественники наперебой стали рассказывать о своих космических открытиях и злоключениях. Таня очень любила сказки и всякие небывалые истории, но когда Петя толковал о Гончих Псах, Млечном Пути и Большой Нетаке (а он ко всему невероятному ещё и прикинул немножко), она с сомнением покачивала головой и приговаривала: «Ой ли?! Так ли?!» Но Петя в этих случаях указывал на своих друзей и спокойно говорил:

— Пожалуйста, они всё подтвердят!

И человечки молча кивали головами.

Свой рассказ Петя закончил похвалой могучему самодельному вездеплаву-везделёту-вездесамосамходу, который красовался на вертолётной площадке острова. И всё же в заключение Петя вздохнул и сказал:

— Конечно, Таня, твой Кибернетический остров, да ещё на воздушных подушках, — это совсем замечательная вещь!

— Очень замечательная! — подтвердила Таня. — Только он ещё не совсем самостоятельный: его надо вовремя включать и выключать.

— А вот я совсем самостоятельный! — гордо заявил Петя. — Я сам включаюсь и выключаюсь.

— Я тоже, я тоже самостоятельный! — запрыгал перед Таниным носом Непоседа. — Смотри, я сам стою на своих пружинках!

— А я — самосидетельный! — проскрипел Нетак.

— А я — самолежательный! — сонно промурлыкал Мякиш и улёгся у её ног.

Но Таня вдруг рассмеялась, расхохоталась прямо Пете в лицо:

— Ой, ха-ха! Ты хоть никому не рассказывай про свою самостоятельность, а то тебя и в школьной стенгазете пропечатают, и частушки смешные сочинят. — И она тут же сочинила частушку и запела:

Он самостоятельный,
Это все заметили, —
И самолежательный,
И самосидетельный!

— Я вполне серьёзно! — обиженным тоном проворчал Петя.

— И я не шучу, — сказала Таня и перестала улыбаться. — Разве самостоятельные школьники поручают делать свои уроки кибернетическим машинам?! Разве самостоятельные мальчишки... — Тут она схватила Петину измятую куртку и, показав ему дырки от выдранных с мясом пуговиц, сказала: — Разве самостоятельные мальчишки не могут сами себе пришить пуговицы?! Разве, разве...

Но Петя не дал ей закончить, потому что она могла насчитать ещё тысячи разных «разве». Он вскочил на ноги и сердито закричал:

— Ты что, девчонка, меня учить взялась?! Видели мы таких! Замолчи сейчас же, не то...

И он протянул руки к её косицам.

— Посмей только! — строго сказала Таня и нажала какую-то кнопчку.

Сейчас же из отверстия в стенке появилась знакомая Пете швабра.

— Только тронь — и вся наука за меня заступится! — указала Таня на внушительное орудие порядка.

— Да я... да ведь... — пролепетал Петя и замолчал.

— То-то же! — мирным тоном сказала Таня. — Лучше не будем ссориться, лучше во что-нибудь поиграем, пока не вернулся папа. — И она затанцевала на одной ноге и запела, как все девчонки: — Ля-ля-ля, лю-ли-ля!

Это предложение просто оскорбило великого путешественника. «Хорошенькое дело, пускаться в игры с девчонкой!» — подумал он и решительно заявил:

— Мне некогда играть! Я должен скорее возвращаться в школу, меня... — Но тут он запнулся и сказал: — Меня ждут не дождутся папа и мама.

О том, что ему готовят знаменитую встречу, он говорить не решился. Кто знает, что по этому поводу сказала бы Таня.

Но она тотчас же сочла причину очень уважительной:

— Ну что ж, я тебя понимаю. Ты поехал путешествовать по космосу, а маме сказал, что «на минутку вышел».

— До свидания,— сказал Петя, но всё же не удержался и похвастался: — Вот подожди, ты ещё обо мне услышишь!

С этими словами он схватил свою курточку и быстро взобрался на площадку, где стоял везделёт.

— Пстой, пстой! — закричала Таня. — А друзей своих ты мне оставляешь?

Петя из-за расстроенных чувств чуть было действительно не забыл про Непоседу, Мякиша и Нетак, которые металась у Таниных ног. Ведь сами они не могли забраться на верхнюю площадку.

Таня осторожно взяла каждого из них в руки и подала Пете. Все они успели сказать ей «до свидания», а Мякиш ласково промурлыкал:

— Спасибо за всё!

Скоро везделёт сделал прощальный круг над Кибернетическим островом и скрылся в направлении к Большой земле.

Глава двадцать первая,

*в которой описан обратный путь и благополучное
возвращение в мастерскую «Умелые руки»*

Нет необходимости рассказывать, какие виды открывались за иллюминатором вездельёта в часы возвращения. Полёт протекал нормально, и только время тянулось медленней обычного. Так бывает всегда, когда очень торопишься к родным местам. А чтобы скоротать его, друзья пустились в разные рассуждения. Мякиш не мог скрыть своего восхищения маленькой хозяйкой острова. Он сказал:

— Молодец Таня! По-моему, она хороший парень!

Петя промолчал. Тогда высказался Непоседа:

— А остров ещё лучше, чем Таня! Видали б вы, какие сложные механизмы у него внутри! — И он коротко рассказал о том, что увидел в машинном отделении острова.

Но Мякиш не мог успокоиться.

— Скажи, Петя,— спросил он,— а ты мог бы управлять таким островом?

— Подумаешь, управлять! — наконец-то заговорил Петя.— Там и делать-то нечего. Ведь он всё делает сам, он — самостоятельный!

Однако после Таниных объяснений вопрос самостоятельности для Мякиша стал ещё более запутанным. Поэтому он счёл нужным припомнить историю об одном ученике, рассказанную однажды тётей Глашей. Притча эта выглядела так:

— «...Уходя из дому, мама сказала сыну: «Постарайся не очень хозяйничать, уж я знаю, какой ты помощник!» Но сын решил маме помочь, решил с а м навести в доме порядок. Он сам комнату уберёт, сам

помоет посуду, сам исправит настольную лампу, сам заштопает дырку на коленках своих штанов.

И вот, как только мама ушла, он сам засучил рукава и сам принялся за работу. Всё, что задумал, сам сделал. А когда явилась мама, работы были закончены. Убирая комнату, он сам разбил оконное стекло. Потом сам побил посуду, сам поломал настольную лампу и сам так заштопал штаны, что влезть в них уже не смог — прошил штанины насквозь...»

Мякиш закончил свой рассказ, и на некоторое время в кабине воцарилась тишина. Всем почему-то показалось, что они знают этого самостоятельного сына, и все, не сговариваясь, посмотрели на Петю. Но Мякиш расстроил догадки Непоседы и Нетака. Он сказал:

— Ума не приложу, какого мальчишку она имела в виду?!

Вот до чего Мякиш был воспитанным человеком!

На этом разговоры были закончены, потому что Непоседа вдруг закричал:

— Прибываем! Опускаемся! Вот наша улица!

Все бросились к иллюминатору и замерли в изумлении. Город был необычайно праздничным. По улицам шагали колонны, играли оркестры и в воздух летели букеты цветов. Особенно нарядны были пионерские колонны.

— Вот это встреча! — прошептал Непоседа. — Здорово нас встречают!

Но вскоре выяснилось, что Непоседа ошибся. И цветы и возгласы приветствий относились к человеку, который стоял в открытой машине, медленно двигавшейся посреди людского потока. Этот человек был очередным героем-космонавтом, каких теперь у нас стало очень много. Да, Петина ракета немно-

жечко опоздала. Кто знает, может быть, все эти почести достались бы нашим путешественникам, если бы они не задержались на Кибернетическом острове. Может быть. Кроме того, Петин полёт не был зарегистрирован Главным управлением космонавтики, и население города о нём ещё ничего не знало.

Конечно, и директор Петинской школы, и все учителя, и ученики, и даже Петины родители были на этой торжественной встрече.

Но ведь неважно, что в эти минуты встречали не Петю, а другого героя, потому что всякое великое событие рано или поздно будет замечено и отмечено. Каждый получит то, что он заслужил.

Так подумали все члены экипажа, когда везделёт подлетал к школе.

А школа, естественно, пустовала. И во дворе, и в здании была такая тишина, словно ребята год тому назад покинули классы.

Однако заявить, что наших героев никто не встречал, было бы неверным. Как только везделёт, ведомый опытной рукой Пети, влетел в окно мастерской «Умелые руки», там поднялся невероятный шум. Радостные возгласы и приветствия неслись со всех сторон. Всё, что могло двигаться и издавать звуки, пришло в действие. Потом начались рукопожатия и объятия. Радиоточка по этому поводу сыграла туш.

Это было очень радостно и торжественно. От имени работников школы Петю поздравила тётя Глаша, которая оставалась дежурной по школе. Она пожала ему руку и сказала, что очень рада снова видеть его в мастерской. Потом она бережно стёрла дорожную пыль с Непоседы, Мякиша и Нетака и поставила их на место: на палубу старого, испытанного в сказочных походах фрегата.

На этом и закончились новые приключения Пети Машина, бывшего Мамина-Папина, и его верных друзей Непоседы, Мякиша и Нетака. А может, и не закончились. Ведь каждый из вас, дорогие друзья, может их сам продолжить, потому что сказочные приключения никогда не кончаются. Вот так.

О Г Л А В Л Е Н И Е

С. Полетаев. Об авторе этой книги. 3

Непоседа, Мякиш и Нетан

Сказка-повесть в двух частях

Часть первая 7

Часть вторая 133

К читателям

*Издательство просит отзывы
об этой книге присылать по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги*

Для младшего
школьного возраста

Чеповецкий Ефим Петрович

НЕПОСЕДА, МЯКИШ И НЕТАК

Ответственный редактор *Т. В. Жарова.*

Художественный редактор

Н. Г. Холодовская.

Технический редактор *И. П. Савенкова.*

Корректоры

Н. А. Сафронова и Е. И. Щербакова.

Сдано в набор 21/X 1969 г. Подписано к печати 23/II 1970 г. Формат 60×84^{1/16}. Печ. л. 17,13. Усл. печ. л. 15,98. Уч.-изд. л. 11,87+1 вкл.—11,95. Тираж 100 000 экз. ТП 1970 № 266. Цена 55 коп. на бум. № 1. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сушевский вал, 49. Зак. 4911.

Дорогие ребята!
В издательстве „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
в 1970 году вышли и выходят книги:

Астафьев В.
КОНЬ С РОЗОВОЙ ГРИВОЙ.
Рассказы о детстве мальчика

Воронкова Л.
ГУСИ-ЛЕБЕДИ.
Повесть о маленькой деревенской девочке Аниске

Коржиков В.
МОРЕПЛАВАНИЕ СОЛНЫШКИНА.
Весёлые повести

Линьков Л.
СИГНАЛ ТРЕВОГН.
Рассказы о пограничниках

Могилевская С.
ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, СКАЗКИ.

*Эти книги по мере выхода их в свет можно приобрести
в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.*

SOBD

10669630

Цена 55 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“